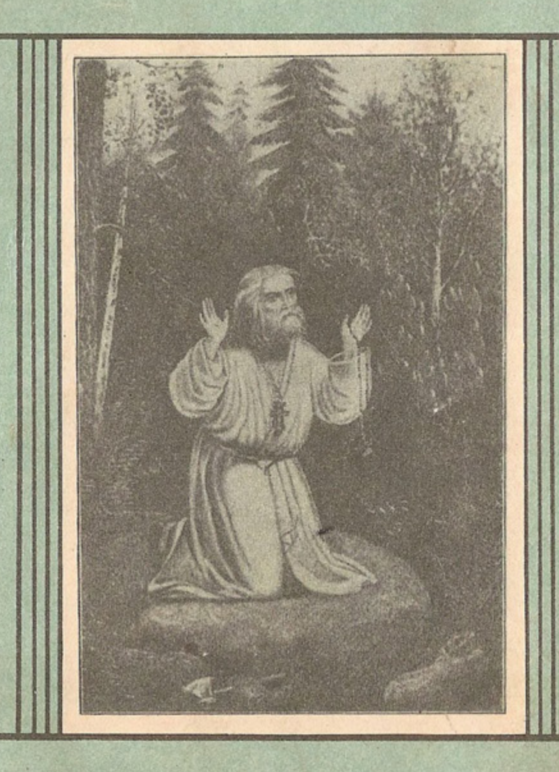
Е. Поселянинъ.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМЪ,

САРОВСКІЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ.

(Съ новыми свѣдѣніями о старцѣ).

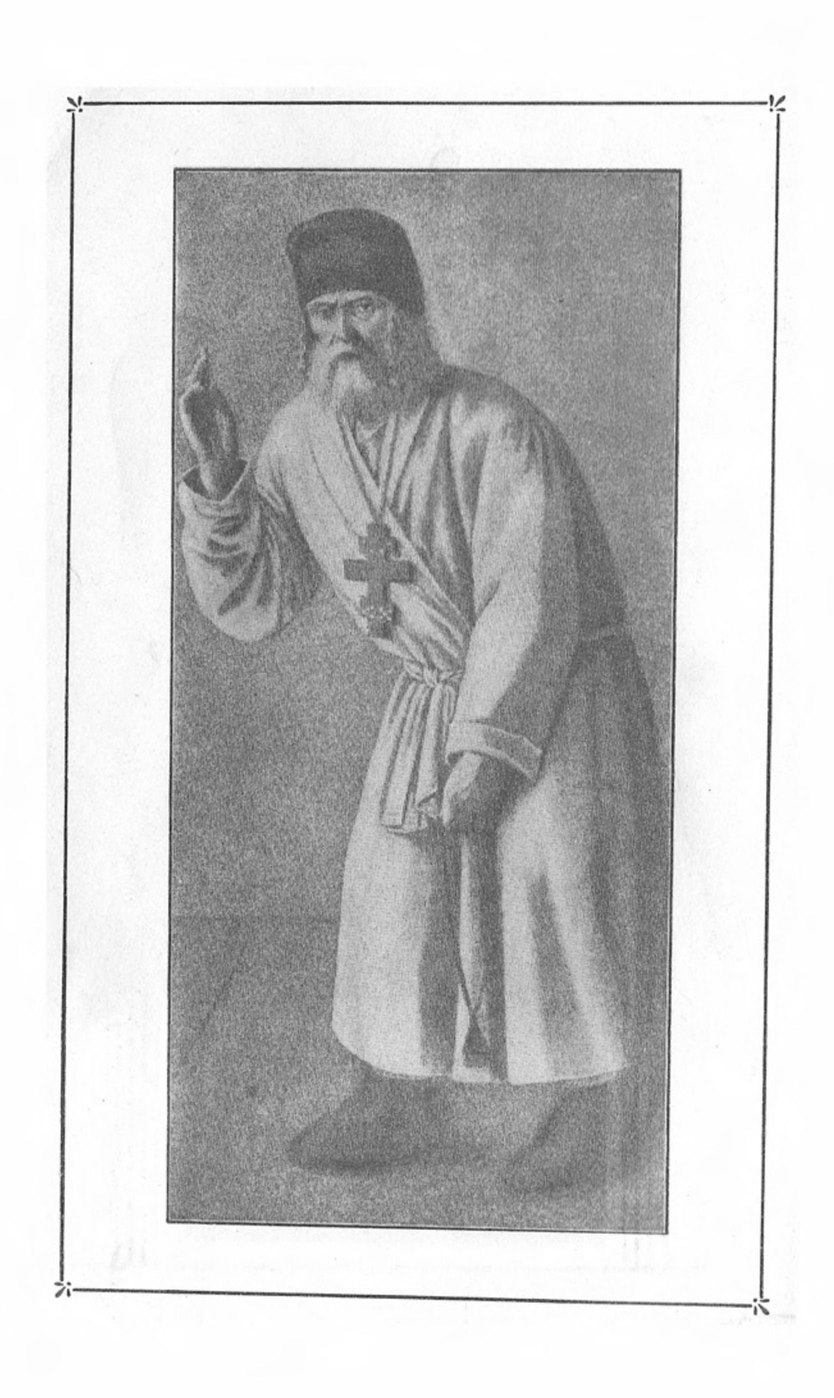
Съ рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе второе И. Л. ТУЗОВА. Гостиный, 45.

1908.

ЖИЗНЬ ІИСУСА ХРИСТА
ЖИЗНЬ ІИСУСА ХРИСТА
* ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И.А.ТУЗОВА *

Е. Поселянинъ.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМЪ,

САРОВСКІЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ.

(Съ новыми свѣдѣніями о старцѣ).
Съ рисунками въ текстѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и въ ученическія библ. низшихъ училищъ (24 окт. 1903 г., отн. № 33010).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе второе И. Л. ТУЗОВА. Гостиный, 45.
1908.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 18-го сентября 1907 г.

Цензоръ Архимандритъ *Александръ*.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.

Въ настоящей книжкѣ собрано то, что написано авторомъ и появилось въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ со времени первой вѣсти о предстоящемъ церковномъ прославленіи великаго старца Серафима Саровскаго (т. е. съ іюля 1902 г.) — до января 1903 года.

По мѣрѣ силъ своихъ, авторъ во всѣхъ шести статьяхъ, вошедшихъ въ составъ этого сборника, старался провести одну мысль: о чрезвычайности жизненнаго подвига старца Серафима, о глубочайшемъ впечатлѣніи, оставленномъ имъ въ душѣ русскаго народа,—наконецъ, о безграничной, какъ-бы стихійной, любви, какою старецъ согрѣвалъ всякаго, кто при жизни шелъ къ нему и какою доселѣ грѣетъ всякаго, кто его зоветъ.

И дай Богъ, чтобы страницы этой книжечки, внушенныя восторженнымъ преклоненіемъ предъ лучезарной святыней души отца Серафима, помогли хоть кому нибудь полюбить дивнаго старца Серафима, потому что такая любовь не только поможетъ дѣлу спасенія души, но и дастъ человѣку, еще здѣсь, на землѣ, ни съ чѣмъ несравнимыя минуты полнаго, глубокаго и безоблачнаго счастья.

Е. Поселянинъ.

С.-Петербургъ.
30-го января 1903 г.

„Много величавыхъ подвижниковъ выставилъ изъ среды своей русскій народъ, и все то, что они на своемъ вѣку сдѣлали, представляетъ собою изумительно разнообразную сокровищницу нравственнаго богатства русскаго племени. И среди этихъ дивныхъ людей все же довольно одинокимъ, довольно исключительнымъ по мѣрѣ трудовъ своихъ и по достигнутой степени духовныхъ вершинъ стоитъ старецъ Серафимъ... Рѣдко въ комъ сила духовности доходила до такой отрѣшенности отъ всего мірского, рѣдко въ комъ плоть и все земное до того утончалось, упразднялось,—онъ точно не жилъ на землѣ, а лишь соприкасался съ ней... И какое невидимое откровеніе любви къ людямъ и безграничнаго смиренія явилъ этотъ старецъ, кланявшійся въ землю и цѣловавшій руки всякому посѣтителю: богатому барину и нищему, праведнику и изболѣвшему въ грѣхахъ грѣшнику.

„Радость моя!“ — это постоянное теплое обращеніе старца ко всѣмъ точно слышится и теперь отъ его могилы; точно стоитъ, навсегда оставшись неизгладимымъ это драгоцѣнное слово въ воздухѣ мѣстъ, освященныхъ присутствіемъ его святой души. — Эти мысли о чрезвычайности жизненнаго подвига старца Серафима, о глубочайшемъ впечатлѣніи, оставленномъ имъ въ душѣ рус-

скаго народа, проникаютъ всю книжку Е. Поселянина отъ начала до конца. Книжка представляетъ, собственно, сборникъ отдѣльныхъ статей автора, появлявшихся въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Въ началѣ сборника помѣщено Дѣяніе Святѣйшаго Сѵнода о совершеніи торжественнаго открытія мощей преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца, далѣе слѣдуютъ статьи: „Вѣсть о прославленіи старца Серафима Саровскаго", дающая общій очеркъ личности и подвиговъ преподобнаго, „Жизненный подвигъ старца Серафима Саровскаго", съ болѣе подробнымъ его жизнеописаніемъ, „Кончина праведныхъ и послѣдніе дни земной жизни старца Серафима", „Что оставилъ послѣ себя старецъ Серафимъ?", „Легенда о старцѣ Серафимѣ Саровскомъ, Императорѣ Александрѣ I и Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ", „Изъ послѣдних чудесъ старца Серафима Саровскаго" и „Птенцы старца Серафима Саровскаго"; послѣдняя статья знакомитъ съ судьбою и дѣлами лицъ, близко стоявшихъ къ старцу Серафиму и имъ облагодѣтельствованныхъ. Статьи Е. Поселянина, внушенныя восторженнымъ преклоненіемъ предъ подвижникомъ Саровской пустыни и горячею любовью къ нему, проникнуты глубокимъ и искреннимъ чувствомъ, передающимся и читателю; легкій и гладкій слогъ и художественное изложеніе довершаютъ общее пріятное впечатлѣніе отъ чтенія сборника. Вездѣ, гдѣ имѣется въ виду предстоящее прославленіе преподобнаго, въ книжкѣ звучитъ пламенный призывъ всѣхъ нуждающихся въ помощи и защитѣ поклониться источившимъ столько чудесъ останкамъ великаго подвижника Саровской пустыни, вытекающій изъ твердой вѣры, что здѣсь прольются неисчислимыя сокровища благодати и радостей на вѣрую-

щихъ людей. Авторъ вѣритъ и надѣется, что отъ силы и свѣжести надвигающейся къ Саровской пустынѣ благодатной волны всколыхнется и подымется русская земля, и живо представляетъ ея духовную красоту и величіе въ этотъ моментъ. „И какъ прекрасна ты, Русь, когда полная однимъ чувствомъ, согласно подымаешься ты, когда все наносное, временное спадаетъ съ тебя, и стоишь ты единственная, несравненная, въ своей истинной сущности...“ (Церк. Вѣд. № 12-й, 1903 г.) *Ф. Б.*

Дѣяніе Святѣйшаго Сѵнода.

29-го января 1903 года.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, во 2-й день января 1833 года, въ Саровской пустыни мирно отошелъ ко Господу блаженный старецъ іеромонахъ Серафимъ. Своею высокою истинно-христіанскою подвижническою жизнію онъ еще у современниковъ своихъ стяжалъ общую къ себѣ любовь и вѣру въ дѣйственную силу предъ Богомъ его святыхъ молитвъ, а послѣ его блаженной кончины память о немъ, утверждаемая все новыми и новыми знаменіями милости Божіей, являемыми по вѣрѣ въ его молитвенное предстательство предъ Богомъ за притекающихъ къ нему, широко распространяется въ православномъ русскомъ народѣ и съ глубокимъ благоговѣніемъ имъ чтится. Вся жизнь его представляетъ высоко поучительные образцы истинно-христіанскаго подвижничества, пламенной вѣры въ Бога и самоотверженной любви къ ближнимъ. Еще юношею онъ оставляетъ родительскій домъ въ г. Курскѣ и, никому невѣдомый, приходитъ въ Саровскую обитель. Здѣсь онъ начинаетъ жизнь свою съ первыхъ степеней послушанія и смиренно проходитъ ихъ, отъ всѣхъ пріобрѣтая любовь къ себѣ и уваженіе за свою кротость и смиреніе. Восемь лѣтъ проходитъ пред-

варительный искусъ въ готовности его вступить на путь иноческой жизни и, 13 августа 1786 года, принимаетъ иноческое постриженіе съ именемъ Серафима, а чрезъ два мѣсяца поставляется въ санъ іеродіакона. Ограждаемый смиреніемъ, отецъ Серафимъ восходилъ отъ силы въ силу въ духовной жизни. Какъ іеродіаконъ, онъ всѣ дни, съ утра до вечера, проводилъ въ монастырѣ, совершая службы, исполняя монастырскія правила и послушанія, а вечеромъ удалялся въ пустынную келлію, проводя тамъ ночное время въ молитвѣ и рано утромъ опять являясь въ монастырь для исполненія своихъ обязанностей. 2-го сентября 1793 г. онъ рукополагается въ санъ іеромонаха и съ вящшею ревностію и усугубленною любовію продолжаетъ подвизаться въ духовной жизни. Его болѣе не удовлетворяетъ, самъ по себѣ для другихъ тяжкій, трудъ иноческой жизни: молитвы, постъ, послушаніе, нестяжательность. Въ немъ раскрывается жажда высшихъ и высшихъ подвиговъ. Онъ покидаетъ монастырское общежитіе и удаляется, для подвиговъ, въ одинокую пустынную келлію въ глухомъ сосновомъ Саровскомъ лѣсу; пятнадцать лѣтъ проводитъ здѣсь въ совершенномъ уединеніи, соблюдая строгій постъ и непрестанно упражняясь въ молитвѣ, чтеніи слова Божія и тѣлесныхъ трудахъ. Подражая древнимъ святымъ столпникамъ, онъ, подкрѣпляемый и утѣшаемый благодатною помощью, 1000 дней и ночей проводитъ, стоя на камнѣ, съ воздѣтыми къ небу руками, повторяя молитву: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“. Окончивъ отшельническую жизнь, онъ снова приходитъ въ Саровскую обитель и здѣсь, какъ бы въ гробѣ, заключается въ затворъ на 15 лѣтъ, при чемъ на первыя 5 лѣтъ налагаетъ на себя обѣтъ молчанія.

Весь осіянный благодатію Святаго Духа чрезъ непрестанное молитвенное возношеніе ума и сердца къ Богу, онъ неоднократно удостоивался видѣній изъ горняго міра. Созрѣвши въ духовной жизни, онъ, уже старецъ, всего себя посвящаетъ на дѣятельное служеніе ближнимъ. И богатые, и бѣдные, и знатные, и простые ежедневно тысячами стекались къ его келліи и, падая ницъ предъ согбеннымъ старцемъ, открывали тайны своей совѣсти, повѣряли свои скорби и нужды и принимали съ искреннею любовію и благодарностію каждое его слово. Всѣхъ онъ встрѣчалъ съ любовію и радостію, называя при этомъ: „батюшка мой, матушка моя, радость моя“. Всѣхъ благословлялъ, поучалъ, назидалъ; многихъ исповѣдывалъ; больныхъ исцѣлялъ; многимъ давалъ лобызать висѣвшее у него на груди мѣдное распятіе,—его материнское благословеніе, или святую икону, стоявшую у него на столѣ, инымъ давалъ въ благословеніе антидору или святой воды, или сухариковъ, другимъ начертывалъ на челѣ знаменіе креста елеемъ изъ лампады, нѣкоторыхъ обнималъ и лобызалъ съ привѣтствіемъ: „Христосъ воскресе“. Духовная радость проникала старца на столько, что его никогда не видали печальнымъ или унывающимъ, и это радостное настроеніе духа онъ старался передавать и другимъ. Изъ добродѣтелей христіанскихъ его болѣе всего украшали кротость и незлобіе, крайнее смиреніе и нестяжательность. Совершивъ свое земное поприще, чистый душею, смиренный и любвеобильный старецъ тихо и мирно почилъ о Господѣ, стоя на колѣняхъ предъ иконою Божіей Матери Умиленія, съ поникшею главою и руками, приложенными къ персямъ. Послѣ его блаженнаго въ Господѣ успенія, память о его высокомъ подвижни-

ческомъ житіи не только не ослабѣваетъ, но постоянно все болѣе и болѣе возрастаетъ и утверждается среди православнаго народа русскаго во всѣхъ его сословіяхъ. Православный народъ въ глубинѣ сердца чтитъ блаженнаго старца истиннымъ угодникомъ Божіимъ и вѣруетъ, что и по отшествіи своемъ изъ сего міра онъ не оставляетъ своимъ предстательствомъ предъ Господомъ всѣхъ притекающихъ къ нему. И Господь Богъ, дивный и славный во святыхъ Своихъ, благоволилъ явить молитвеннымъ предстательствомъ отца Серафима многія чудесныя знаменія и исцѣленія. Вполнѣ раздѣляя вѣру народную въ святость приснопамятнаго старца Серафима, Святѣйшій Сѵнодъ неоднократно признавалъ необходимымъ приступить къ должнымъ распоряженіямъ о прославленіи праведнаго старца.

Въ 1895 году преосвященнымъ Тамбовскимъ было представлено въ Святѣйшій Сѵнодъ произведенное особою комиссіею разслѣдованіе о чудесныхъ знаменіяхъ и исцѣленіяхъ, явленныхъ по молитвамъ отца Серафима съ вѣрою просившимъ его помощи. Разслѣдованіе это, начатое комиссіею 3-го февраля 1892 года, окончено было въ августѣ 1894 года и производилось въ 28 епархіяхъ Европейской Россіи и Сибири. Всѣхъ случаевъ благодатной помощи по молитвамъ старца Серафима было обслѣдовано комиссіею 94, при чемъ большая часть ихъ была достаточно удостовѣрена надлежащими свидѣтельскими показаніями. Но указанное число случаевъ благодатной помощи по молитвамъ старца являлось далеко не соотвѣтствующимъ ихъ дѣйствительному числу: въ архивѣ Саровской обители, по свидѣтельству названной комиссіи, сохраняются сотни писемъ отъ разныхъ лицъ съ заявле-

ніями о полученныхъ ими благодѣяніяхъ чрезъ молитвенное обращеніе къ старцу Серафиму. Такъ какъ эти заявленія оставались не только не обслѣдованными, но и нигдѣ не записанными, то Святѣйшій Сѵнодъ поручилъ преосвященному Тамбовскому предписать настоятелю Саровской пустыни собрать и записать свѣдѣнія о наиболѣе замѣчательныхъ случаяхъ благодатной помощи по молитвамъ старца, не бывшихъ доселѣ записанными, и на будущее время тщательно вести запись всѣхъ могущихъ быть новыхъ чудесныхъ знаменій по молитвамъ отца Серафима. Послѣ сего преосвященнымъ Тамбовскимъ дважды, въ началѣ и концѣ 1897 года, представлялись въ Святѣйшій Сѵнодъ собранія копій письменныхъ заявленій разныхъ лицъ о чудесныхъ знаменіяхъ и исцѣленіяхъ, совершившихся по молитвамъ отца Серафима. Не находя еще тогда благовременнымъ приступать къ окончательному сужденію о прославленіи Саровскаго подвижника, по поводу упомянутыхъ представленій преосвященнаго Тамбовскаго, Святѣйшій Сѵнодъ дважды подтверждалъ настоятелю Саровской пустыни продолжать вести запись могущихъ быть новыхъ чудесныхъ знаменій по молитвамъ старца. Въ минувшемъ 1902 году, 19 іюля, въ день рожденія старца Серафима, Его Императорскому Величеству благоугодно было воспомянуть и молитвенные подвиги почившаго и всенародное къ памяти его усердіе, и выразить желаніе, дабы доведено было до конца начатое уже въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ дѣло о прославленіи благоговѣйнаго старца.

Святѣйшій Сѵнодъ, разсмотрѣвъ во всей подробности и со всевозможнымъ тщаніемъ обстоятельства сего важнаго дѣла, нашелъ, что многочисленные случаи благо-

датной помощи по молитвамъ старца Серафима, обслѣдованные надлежащимъ образомъ, не представляютъ никакого сомнѣнія въ своей достовѣрности и по свойству ихъ принадлежатъ къ событіямъ, являющимъ чудодѣйственную силу Божію, ходатайствомъ и заступленіемъ о. Серафима изливаемую на тѣхъ, кои съ вѣрою и молитвою прибѣгаютъ въ своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ недугахъ къ его благодатному предстательству. Вмѣстѣ съ симъ Сѵнодъ, желая, чтобы и всечестные останки приснопамятнаго старца Серафима были предметомъ благоговѣйнаго чествованія отъ всѣхъ притекающихъ къ его молитвенному предстательству, поручилъ преосвященному митрополиту Московскому произвести ихъ освидѣтельствованіе. 11-го января сего года митрополитъ Московскій Владиміръ и епископы Тамбовскій Димитрій и Нижегородскій Назарій, присоединивъ къ себѣ Суздальскаго архимандрита Серафима и прокурора Московской Сѵнодальной Конторы князя Ширинскаго-Шихматова и еще четырехъ духовныхъ лицъ, произвели подробное освидѣтельствованіе гроба и самыхъ останковъ отца Серафима, о чемъ и составленъ ими особый актъ за собственноручною всѣхъ подписью. Посему Святѣйшій Сѵнодъ, въ полномъ убѣжденіи въ истинности и достовѣрности чудесъ, по молитвамъ старца Серафима совершающихся, воздавъ хвалу дивному во святыхъ Своихъ Господу Богу, присно благодѣющему твердой въ праотеческомъ православіи Россійской Державѣ, и нынѣ, во дни благословеннаго царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Александровича, какъ древле, благоволившему явить прославленіемъ сего благочестія подвижника новое и великое знаменіе своихъ благодѣяній

къ православному народу русскому, подносилъ Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ изложилъ слѣдующее свое рѣшеніе: 1) благоговѣйнаго старца Серафима, почивающаго въ Саровской пустыни, признать въ ликѣ святыхъ, благодатію Божіею прославленныхъ, а всечестные останки его — святыми мощами и положить оные въ особо уготованную усердіемъ Его Императорскаго Величества гробницу для поклоненія и чествованія отъ притекающихъ къ нему съ молитвою, 2) службу преподобному отцу Серафиму составить особую, а до времени составленія таковой, послѣ дня прославленія памяти его, отправлять ему службу общую преподобнымъ, память же его праздновать какъ въ день преставленія его, 2-го января, такъ и въ день открытія святыхъ его мощей, и 3) объявить о семъ во всенародное извѣстіе отъ Святѣйшаго Сѵнода.

При докладѣ семъ представлены были на Монаршее усмотрѣніе подлинный актъ освидѣтельствованія всечестныхъ останковъ отца Серафима и краткое описаніе случаевъ чудодѣйственной помощи его прибѣгавшимъ къ его заступленію. На всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ Святѣйшаго Сѵнода, Государь Императоръ, въ 26-й день января сего года, соизволилъ Собственноручно начертать: **„Прочелъ съ чувствомъ истинной радости и глубокаго умиленія“.**

Выслушавъ сіи Всемилостивѣйшія слова, Святѣйшій Сѵнодъ, по опредѣленію, отъ 29-го января 1903 года, постановилъ поручить преосвященному Антонію, митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому, совмѣстно съ преосвященными Тамбовскимъ и Нижегородскимъ, совершить, въ 19-й день іюля текущаго года, торжественное

открытіе мощей преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца.

Святѣйшій Сѵнодъ возвѣщаетъ о семъ благочестивымъ сынамъ православной Церкви, да купно съ нимъ воздадутъ славу и благодареніе Господу тако изволившему, и да пріимутъ сіе явленіе новаго заступника и чудотворца, яко новое небесное благословеніе на царствованіе Августѣйшаго Монарха нашего, подъемлющаго неусыпные труды ко благу православнаго народа русскаго и своею Царскою любовію и попеченіемъ объемлющаго всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія.

Вѣсть о прославленіи старца Серафима Саровскаго.

I.

Итакъ, это долго жданное событіе близко...

Въ скоромъ времени, въ великой, незаходимой славѣ промчится по Россіи, по всему православному міру, по всему—можетъ-быть—христіанству имя отца Серафима.

И трудно передаваемыя впечатлѣнія восторга, умиленія, счастья, радостнаго ожиданія переживаютъ тѣ, кто привыкли уже давно любить и чтить его, считать его дивнымъ чудотворцемъ.

Да, отецъ Серафимъ, о которомъ еще такъ мало знаетъ наше образованное общество, былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей не только XVIII и XIX вѣковъ, которые онъ озарилъ сіяніемъ своей праведной души, но и всѣхъ вѣковъ христіанства.

Возьмите время расцвѣта подвиговъ наиболѣе высокихъ въ аскетизмѣ великихъ египетскихъ отцовъ, прибавьте къ этому ту глубокую задушевность, какою отмѣчены въ большинствѣ случаевъ личности нашихъ преподобныхъ; представьте себѣ человѣка, уже на землѣ живущаго какъ бы внѣ плоти, небесною жизнію; человѣка, для котораго уже какъ-бы упразднились условія,

связывающія другихъ людей,—которому возвращены всѣ тѣ дары, что̀ при концѣ міросозданія обильно были удѣлены Богомъ первому, богоподобному, человѣку; представьте себѣ человѣка, словомъ однимъ исцѣляющаго застарѣлые, тяжкіе недуги, человѣка, предъ взоромъ котораго одинаково обнажено невѣдомое будущее и сокровенное прошлое, котораго видятъ то ходящимъ надъ землею, то подымающимся на воздухъ во время молитвы, какъ нѣкогда Марія Египетская въ пустынѣ. Представьте душу, сжигаемую огнемъ любви Божественной и въ то же время расширяемую самымъ безграничнымъ, грѣющимъ, трогательнымъ сочувствіемъ къ людямъ; душу, возвышавшуюся еще на землѣ до созерцанія самыхъ великихъ тайнъ Божества, какія лучшимъ и праведнѣйшимъ людямъ откроются лишь за завѣтною гранью, въ иной жизни; представьте человѣка, для котораго міръ надземный былъ роднымъ, своимъ; къ которому, окруженная несказанною славой, Владычица міра сходила для бесѣды, какъ съ близкимъ человѣкомъ; однимъ словомъ, представьте себѣ спустившееся на землю торжествующее небо, воплотившуюся самую смѣлую, дерзновенную мечту о томъ, какъ далеко въ земныхъ условіяхъ можетъ пойти побѣда духа; представьте себѣ слетѣвшаго къ людямъ, на утѣшеніе имъ „пламеннаго" серафима, представьте себѣ высшее, совершеннѣйшее, прекраснѣйшее выраженіе того сложнаго понятія, какое опредѣляется словомъ „святой", — и вы получите приблизительный намекъ на то, чѣмъ былъ здѣсь, на землѣ, отецъ Серафимъ.

О, какъ отрадно и легко его любить! И какъ самъ онъ дѣятельно и легко любилъ!

Одно изъ величайшихъ утѣшеній для живущихъ въ Церкви заключается въ томъ, что они находятся въ живомъ общеніи со свѣтлымъ сонмомъ святыхъ. Имъ молятся, имъ открываютъ душу. И святые внемлютъ ихъ молитвамъ, откликаются на нихъ. Сознательно и тепло вѣрующій христіанинъ пойметъ, что къ каждому изъ святыхъ, для него близкихъ, у него особое, личное отношеніе. У всякаго святого свои дары, свои способы проявлять свое попеченіе о тѣхъ, кто зоветъ ихъ. Какъ эти выдающіеся люди при земной жизни своей имѣли каждый ярко-очерченную, цѣльную и отличную отъ другихъ личность, такъ и въ новомъ видѣ своего бытія всѣ особенности ихъ личностей столь же ярки. И именно сила этихъ личностей, воздѣйствіе ихъ на вѣрующихъ, размѣръ, такъ-сказать, проявляемой ими заботы о вѣрующихъ и вызываетъ ту или другую форму почитанія ихъ, то или другое напряженіе усердія къ нимъ.

Вѣдь самое прославленіе святыхъ начинается съ того, что они видимымъ, осязательнымъ образомъ проявляютъ „жизнь свою по смерти", являясь къ людямъ съ помощью, утѣшеніемъ и исцѣленіемъ, при чемъ одни изъ этихъ людей чтили и призывали ихъ, другіе же ничего и не слышали о нихъ.

И вотъ, въ этихъ явленіяхъ ихъ, въ тѣхъ словахъ любви и милосердія, которыя они произносятъ, — познается характеръ святыхъ, при чемъ впечатлѣніе отъ этихъ дѣйствій ихъ, перешедшихъ въ міръ безплотный, усиливается и какъ бы сливается со впечатлѣніемъ, произведеннымъ ихъ жизнью.

II.

Земными подвигами своими отецъ Серафимъ оставилъ по себѣ неувядаемую память безграничной духовной крѣпости. Трудно назвать хоть кого-нибудь, кто бы могъ сравниться съ отцомъ Серафимомъ въ его трудахъ: трудно назвать кого-нибудь не только изъ современниковъ его, но и вообще изъ всѣхъ извѣстныхъ святыхъ. Онъ одинъ понесъ на себѣ труды пустынножительства, затворничества, старчества. Его кротость умиляла до слезъ приходившихъ къ нему. Смиренію его не было границъ. Всякаго посѣтителя, богатаго барина и нищаго, праведника и грѣшника, изболѣвшаго грѣхами, онъ цѣловалъ, кланялся до земли и, благословляя, цѣловалъ ему руки. Рѣчи его дышали проникающею, тихою, живительною властію. Онѣ согрѣвали захолодѣвшія въ жизни сердца, снимали завѣсу съ глазъ, озаряли умъ, приводили къ раскаянію и, чудною силой охватывая разумъ и волю, осѣняли душу человѣка тишиной. Цѣлымъ откровеніемъ, живымъ и мощнымъ доказательствомъ бытія духовнаго міра, былъ ясный, покоряющій видъ его, какъ яркій лучъ солнца, засіявшій въ темнотѣ жизни.

Толпы народа неотступно притекали къ старцу въ послѣдніе годы его жизни, когда въ нѣкоторые дни число посѣтителей его доходило до 2.000 въ сутки. Заживо народъ призналъ его святымъ и чудотворцемъ. А этотъ истинный послѣдователь Христовъ до послѣднихъ дней до того угнеталъ себя вольными страданіями, что безъ ужаса нельзя было смотрѣть на его жизнь, безъ ужаса нельзя и теперь вспомнить о мукѣ его.

Онъ былъ геніальный человѣкъ, съ яснымъ, мѣткимъ, широкимъ, основательнымъ умомъ, счастливою памятью, творческимъ, живымъ воображеніемъ. Это былъ великій духъ, въ тонкомъ, необыкновенно прекрасномъ тѣлѣ.

Современники радовались на него и утѣшались имъ.

Извѣстный жизнью своею, игуменъ Глинской пустыни Филаретъ, въ день кончины отца Серафима, выходя съ братіею отъ утрени, указалъ братіи на необыкновенный свѣтъ, видимый въ небѣ, и произнесъ: „Вотъ, такъ отходятъ души праведныхъ. Нынѣ въ Саровѣ душа отца Серафима возносится на небо“.

Вскорѣ послѣ кончины отца Серафима, извѣстный высокою жизнію своею, одинъ изъ наиболѣе выдающихся подвижниковъ XIX вѣка, архіепископъ Воронежскій Антоній говорилъ:

„Мы, какъ копѣечныя свѣчи. А онъ, какъ пудовая свѣча, всегда горитъ предъ Господомъ какъ прошедшею своею жизнію на землѣ, такъ и настоящимъ дерзновеніемъ предъ Святою Троицею“.

Кончилось для него земное странствованіе. Настала небесная слава. И что же, въ какомъ образѣ предстаетъ онъ теперь людямъ?.. Та же кротость, та же любовь. Тѣмъ же ласковымъ словомъ зоветъ онъ людей, какъ звалъ ихъ на землѣ: „радость моя!“

„Я пришелъ навѣстить своихъ нищихъ. Давно здѣсь не былъ“, говорилъ онъ въ 1858 г., явившись для исцѣленія Дивѣевской инокини Евдокіи.

„Радость моя“, говоритъ онъ, явившись Саровскому монаху, впавшему въ уныніе: „я всегда съ тобою. Мужайся, не унывай!“

Вотъ, онъ является во снѣ Шацкой (городъ Шацкъ)

купчихѣ Петаковской, знавшей его при жизни, и говоритъ: „Въ ночь воры подломили лавку твоего сына. Но я взялъ метелку и сталъ мести около лавки, и они ушли“.

„Сынъ твой выздоровѣетъ и испытаніе въ наукахъ выдержитъ!“ говоритъ онъ, явившись во снѣ въ 1864 году въ Петербургѣ г-жѣ Сабанѣевой, у которой сынъ заболѣлъ предъ экзаменомъ въ Горный Институтъ.

„Что ты все плачешь“, говоритъ онъ монахинѣ Понетаевскаго монастыря Аѳанасіи, придя къ ней въ бѣломъ балахончикѣ и камилавкѣ и сѣвши на постели больной: „что все плачешь, радость моя... Всѣ тѣ спасутся, которые призываютъ имя мое!“

„Простая и добросердечная!“ говоритъ онъ одной знатной, тяжко больной барынѣ, войдя къ ней неожиданно ночью, съ открытою головой, въ бѣломъ балахончикѣ, съ мѣднымъ крестомъ на груди.

„Миръ дому сему и благословеніе!“ говоритъ онъ въ 1865 году предъ Рождествомъ, входя, въ видѣ безызвѣстнаго, сѣдого, согбеннаго странника, въ домъ г жи Бар., гдѣ, по обычаю, раздавали пособія нуждающимся.

— Ты за подаяніемъ? спрашиваетъ его раздатчица.

— Нѣтъ, не затѣмъ. Мнѣ ничего не надо. А только видѣть вашу хозяйку и сказать ей два слова.

— Хозяйки нѣтъ дома. Что передать, скажи намъ?

— Нѣтъ, мнѣ надо самому.

Одна изъ прислуги шепнула другой:

— Что ему тутъ? Пусть идетъ — можетъ, бродяга какой.

А старичекъ сказалъ:

— Когда будетъ хозяйка, я зайду, я скоро зайду,— и вышелъ.

Стало тогда раздатчицѣ жаль старика, и она бросилась за нимъ на крыльцо. Но онъ исчезъ. Отъ хозяйки это все скрыли. Подозрительной же слугѣ кто-то сказалъ во снѣ: „Ты напрасно говорила: у васъ былъ не бродяга, а великій старецъ Божій“.

На слѣдующее утро г-жа Бар. получила съ почты изображеніе чтимаго ею отца Серафима. Въ этомъ изображеніи тѣ, кто говорилъ наканунѣ со старичкомъ, узнали этого старичка.

Во всѣ отношенія свои къ людямъ что-то безконечно нѣжное, заботливое, материнское вкладываетъ отецъ Серафимъ, и эти сокровища сочувствія, эту безграничную отзывчивость уловитъ, отгадаетъ въ немъ всякое вѣрующее сердце и привяжется къ нему, насколько можно только привязаться.

Теперь отецъ Серафимъ станетъ широко извѣстнымъ, и все то, что таилось въ немъ, сравнительно, для немногихъ: для тысячъ, десятковъ тысячъ, — распространится и обнаружится на милліоны Русскихъ людей. И едва-ли ошибочно будетъ сказать, что въ привязанностяхъ, въ усердіи народа отецъ Серафимъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Конечно, онъ не имѣетъ для Россіи того великаго политическаго значенія, которымъ отмѣчена прижизненная и загробная дѣятельность величайшаго изъ нашихъ святыхъ, игумена нашей земли, преподобнаго Сергія Радонежскаго.

Но, какъ скорый помощникъ и покровитель, какъ надежда отчаивающихся, какъ неизсякаемый источникъ благодѣяній, онъ, быть-можетъ, станетъ впослѣдствіи извѣстенъ повсюду — на Руси и въ чужихъ краяхъ — не

менѣе, чѣмъ чтимый, согласно и трогательно не только всѣми христіанами всѣхъ исповѣданій, даже отметающими, какъ лютеране, святыхъ, но и магометанами, язычниками — Николай чудотворецъ.

III.

Много величавыхъ подвижниковъ выставилъ изъ среды своей русскій народъ; и все то, что они на своему вѣку сдѣлали, представляетъ собой изумительно-разнообразную сокровищницу нравственнаго богатства русскаго племени. И среди этихъ дивныхъ людей все же довольно одинокимъ, довольно исключительнымъ по мѣрѣ трудовъ своихъ, по вдохновенію своему, по достигнутой имъ — и очень еще мало кѣмъ — степени духовныхъ вершинъ, стоитъ старецъ Серафимъ. И человѣку, много думавшему надъ жизнями святыхъ, искавшему и въ дальнихъ, и въ недавнихъ вѣкахъ слѣдовъ сильныхъ духовныхъ настроеній въ русскомъ бытѣ, остается лишь трепетно изумляться отцу Серафиму. Умъ нѣмѣетъ, сердце смущенно и радостно замираетъ, когда вдумываешься въ его жизнь и, вдумываясь, видишь, куда благодать можетъ вознести человѣческое естество.

Уже высказавъ мысль о томъ, что старцу Серафиму не принадлежало и едва-ли будетъ принадлежать та политическая роль, какую играли, напримѣръ, въ древности Преп. Сергій и Святители Петръ, Алексій, Филиппъ, Гермогенъ, въ новѣйшее время митрополитъ Московскій Филаретъ, остается добавить, что, какъ святой, дѣйствующій не разомъ на весь народъ, повертывая жизнь историческую въ то или иное русло, а на отдѣльныя личности, — онъ будетъ имѣть громадное значеніе.

Все, что человѣкъ ищетъ въ человѣкѣ (а вѣдь и къ святымъ мы обращаемся, лишь, какъ къ самымъ лучшимъ, добрымъ, чуткимъ и сильнымъ людямъ), все, чего недостаетъ намъ въ живыхъ людяхъ,—все то совершенство любви и заботы, и ласки найдетъ въ немъ всякій, кто увѣруетъ въ отца Серафима, или кого онъ заставитъ увѣровать въ себя. Онъ на все откликнется, онъ все пойметъ и предусмотритъ.

Какъ много говоритъ это слово „все". Вѣдь это „все" есть главное отличіе явленій большихъ отъ огромныхъ, исключительныхъ, чрезвычайныхъ талантовъ отъ геніевъ.

Лира Пушкина, *на все* отозвавшагося, все вмѣстившаго и понявшаго, и Лермонтовъ, о которомъ нельзя произнести это „все". Шекспиръ и Гете, на все откликнувшіеся, такъ что нѣтъ, кажется, ни одного порядка чувствъ, ими не проникнутаго,—и Шиллеръ, и Мольеръ, о которыхъ этого сказать нельзя.

Такъ и отецъ Серафимъ — безграничный, въ своемъ сердцѣ, какъ тѣ великіе, въ ихъ области, вмѣстившіе въ себѣ всю широту жизни; такъ и онъ, обнявшій сочувствіемъ своимъ весь безконечный міръ горя и страданія людского и несущій ему все необъятное величіе своей любви.

Да, благодатная волна, что надвинется скоро на Русскую землю, сбирается, скапливается теперь въ Саровѣ. Какія неисчислимыя тайны благодѣяній, помощей, исцѣленій польются отъ гроба съ мощами старца—отъ гроба, придавленнаго теперь тяжелымъ, неуклюжимъ памятникомъ, и вскорѣ откроющагося всенародно.

Отъ силы и свѣжести этой волны всколыхнется, подымется Русская земля...

И какъ прекрасна ты, Русь, когда, полная однимъ

чувствомъ, согласно подымаешься ты, когда все наносное, временное спадаетъ съ тебя, и стоишь ты, единственная, несравненная, въ своей истинной сущности. И эти эпохи подъема твоего духа — какъ бы сторожевые столпы на многотрудномъ пути твоей исторіи...

Вотъ и теперь, когда умножились въ тебѣ беззаконія, охватила тебя душевная смута, еще разъ прозвучитъ тебѣ въ тѣхъ дивныхъ явленіяхъ, которыя теперь готовятся, любящій призывъ Божій.

Заслышавъ его, поймешь ли ты, что только въ старыхъ путяхъ—въ смиреніи и вѣрѣ—лежитъ твое спасеніе и твоя судьба?..

Да, на предстоящее прославленіе отца Серафима, которое, какъ то внушаетъ вѣра въ величіе старца, будетъ сопровождаться изумительными знаменіями, нельзя смотрѣть иначе, какъ на новый призывъ Божій.

Сколько религіозныхъ сомнѣній въ нашемъ обществѣ, какъ нуждается оно въ чрезвычайныхъ способахъ для того, чтобы повѣрить хоть „видѣвши"...

Вѣдь много людей жаждутъ вѣры—и не могутъ развить ее въ себѣ. Сколько разъ въ бесѣдахъ съ такими людьми, надѣясь на всепобѣждающую, надъ всѣмъ торжествующую благодать Божію, приходилось заранѣе убѣждать ихъ ѣхать на открытіе мощей отца Серафима, которое ожидалось вѣрующими давно и съ нетерпѣніемъ. Конечно, тамъ не будетъ ни отрицанья, ни сомнѣній.

А потомъ въ наши дни современнымъ изстрадавшимся людямъ такъ нужны такіе чудотворцы.

Жизнь становится все суровѣй и холоднѣй; каждый все больше думаетъ о себѣ, все болѣе ограничивая сферу своихъ сочувствій.

Все болѣзненнѣе и болѣзненнѣе стонъ, несущійся къ небу изъ стѣсненныхъ жизнію грудей, и неутоленная жажда сочувствія, отклика, помощи все сильнѣе мучитъ человѣчество.

И вотъ забьетъ новый, могучій источникъ состраданія и утѣшенія.

Слезы навертываются на глаза, когда подумаешь о томъ, что переживаютъ теперь вѣрныя дѣти отца Серафима.

Эти, напримѣръ, трогательныя сестры Дивѣевскія, у которыхъ одинъ придѣлъ въ ихъ великолѣпномъ соборѣ стоитъ неосвященнымъ, ожидая, когда его можно будетъ освятить во имя отца Серафима.

Что чувствуютъ тѣ, кто чтитъ отца Серафима съ любовью, какъ бы утѣснявшую сердце, вырывавшеюся въ пламенныхъ прославленіяхъ, въ ласкательныхъ восклицаніяхъ къ великому старцу! А такою любовью любили его многіе. Какое же будетъ имъ счастье, когда придетъ свѣтлый день прославленія отца Серафима.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на этихъ страницахъ, дѣлясь впечатлѣніями поѣздки въ Саровъ и Дивѣевъ, пишущій эти строки говорилъ приблизительно такъ:

„Счастливъ тотъ, кто теперь, прежде чѣмъ имя отца Серафима промчалось по Руси съ трубнымъ гласомъ, посѣтитъ Саровъ и Дивѣевъ, пока тиха еще пустыня, пока не оглушаютъ ее свистки поѣздовъ, переполненныхъ спѣшащими на поклонъ богомольцами. Счастливъ, кто теперь увѣруетъ въ отца Серафима, не видѣвъ еще всей славы его — вѣра, которую Христосъ ублажилъ — и съ усердіемъ послужитъ ему“.

Теперь эта возможность миновала. Саровъ становится

общенародною святыней. Къ нему, отстоявшему на 100 слишкомъ верстъ отъ желѣзнодорожной сѣти, придвинулись желѣзнодорожные пути. И по всей Руси скоро огласится имя старца.

И, вмѣстѣ съ ликованіемъ, какая-то странная, сложная грусть закрадывается въ тѣхъ, кто давно уже раньше съ восторгомъ любилъ и поклонялся отцу Серафиму.

Грусть эта похожа на странное чувство, когда что-нибудь очень близкое, кровное, дорогое становится всеобщимъ достояніемъ.

Такъ въ тайнѣ груститъ авторъ надъ успѣхомъ выброшенной въ большую публику книги своей, въ которую вложилъ всю душу,—груститъ, вспоминая уединенные часы мукъ и восторговъ творчества.

Такъ груститъ отецъ при громѣ славы сына, ибо тогда нарушена тайна того исключительнаго чувства, того одинокаго сознанія и крѣпкой лишь самой собою вѣры, въ которой столько теплоты и отрады.

Но, что говорить объ этихъ трудно уловимыхъ оттѣнкахъ чувства, когда въ общемъ, такъ безмѣрно свѣтло и радостно, когда душѣ открылась область безоблачнаго, самаго напряженнаго счастья!...

28-го іюля 1902 г.

Жизненный подвигъ старца Серафима Саровскаго.

Въ непродолжительномъ времени взоры всей вѣрующей Россіи будутъ привлечены къ укрывшейся среди темнаго, громаднаго сосноваго бора Саровской пустыни. Великое произойдетъ тамъ торжество—прославленіе див-

наго старца Серафима, котораго давно уже святымъ и чудотворцемъ нарекла народная молва.

И на этотъ разъ сбылась мудрая пословица народная— „Гласъ народа — гласъ Божій“. Великое усердіе православныхъ людей къ памяти старца обратило на себя особое вниманіе Вѣнценоснаго Вождя русскаго народа, Который, какъ сказано въ появившемся о томъ правительственномъ сообщеніи, „раздѣляетъ вѣру народную въ святость старца Серафима и его предстательство предъ Богомъ за притекающихъ къ нему съ молитвою“. Насталъ благословенный и всерадостный для чтущихъ память старца день, 19-іюля 1902 года,—и Государю Императору въ эту 142-ю годовщину рожденія отца Серафима „благоугодно было воспомянуть и молитвенные подвиги почившаго и всенародное къ памяти его усердіе, и выразить желаніе, дабы доведено было до конца, начатое уже въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ дѣло о прославленіи благоговѣйнаго старца“.

Прославленіе отца Серафима будетъ однимъ изъ радостнѣйшихъ событій, которыя когда-либо переживала православная русская церковь, потому что, какъ то видно изъ жизни старца на землѣ и изъ явленій и дѣлъ его послѣ блаженной его кончины, велика сила молитвъ его предъ Господомъ, велико дерзновеніе его предъ престоломъ Божіимъ.

Умъ человѣка, много читавшаго и вдумывавшагося въ житія святыхъ церкви, нѣмѣетъ предъ сказаніемъ о жизни и подвигахъ старца Серафима; при воспоминаніи о немъ благоговѣйный трепетъ, трудно передаваемый восторгъ переполняютъ душу. Тѣ, кто пристально читали и размышляли надъ жизнію отца Серафима, любятъ его, чтутъ

его съ какимъ-то особеннымъ пыломъ. Это чувство какъ-бы тѣснитъ сердце, вырываясь въ громкихъ хвалахъ великому, дивному старцу.

Онъ былъ какъ небожитель, залетѣвшій на нашу грѣшную землю; свѣтлый, яркій, грѣющій лучъ свѣта, посланный въ мракъ житейскій Отцомъ и Источникомъ свѣта. Онъ воистинну, „взыскуя Бога и Творца всяческихъ, возлетѣлъ превыше видимыя твари“. Рѣдко въ комъ сила духовности доходила до такой отрѣшенности отъ всего мірского и до столь яснаго обнаруженія. Рѣдко въ комъ плоть и все земное до того утончилось, упразднилось. Рѣдко въ комъ побѣда духа самая совершенная, самая торжествующая, пошла такъ далеко.—Онъ точно не жилъ на землѣ, а лишь соприкасался съ ней. Надъ его земнымъ образомъ точно слышно біеніе бѣлоснѣжныхъ крыльевъ, готовыхъ всякую минуту унести его въ высь, для величайшихъ молитвенныхъ откровеній, для святѣйшихъ созерцаній духовныхъ, для видѣнія обителей райскихъ.

Рѣдко кто показалъ такую ревность о Богѣ, ревность, сжигающую все существо человѣка, внушающую ему тяжелѣйшіе подвиги. Рѣдко на комъ полнѣе, изумительнѣе оправдалось Божіе избраніе, рѣдко кто съумѣлъ стать столь вѣрнымъ и угоднымъ сыномъ и другомъ Божіимъ. То былъ одинъ, ни разу не ослабѣвшій, ни разу не сдавшійся въ напряженіи своемъ порывъ къ Богу: и чѣмъ дальше, тѣмъ напряженнѣе. Одни лишенія, одни страданія пожелалъ узнать онъ на землѣ, и, чѣмъ ближе приближался къ завѣтной грани, тѣмъ больше искалъ страданія, такъ что въ послѣдніе годы его жизни безъ ужаса нельзя было взирать на его бытъ. О, какъ посра-

милъ онъ лютаго, исконнаго врага нашего спасенія! Если многихъ погубилъ этотъ человѣконенавистникъ, то у отца Серафима онъ не могъ вырвать изъ подъ ногъ ни одной пяди почвы, и въ этой страшной роковой борьбѣ старецъ покрылъ его вѣчнымъ позоромъ. А какое едва ли когда виданное откровеніе любви къ людямъ явилъ старецъ! Онъ весь какъ бы трепеталъ этой любовью, этой безграничной силой сочувствія и состраданія. Она сіяла въ его глазахъ, звучала въ тѣхъ ласковыхъ, нѣжныхъ словахъ и обращеніяхъ его къ людямъ. Такъ умилительно тепло звалъ онъ всѣхъ: „Радость моя!“

„Радость моя“: — точно слышится и теперь отъ его могилы; точно стоитъ, навсегда оставшись неизгладимымъ въ воздухѣ мѣстъ, освященныхъ присутствіемъ святой его души, это драгоцѣнное слово—„Радость моя!“ И вѣрится, что неисчислимыя сокровища благодати и радостей прольются на вѣрующихъ людей при прославленіи отца Серафима. Уже и теперь точно тотъ покровъ горя и страданія, что обычно заволакиваетъ собою жизнь—точно покровъ этотъ исчезъ и что-то свѣтлое проникло всю жизнь. На душѣ такъ свѣтло, такъ хорошо и надежно, какъ не было, кажется, еще никогда: развѣ въ раннемъ дѣтствѣ.

Только и можешь думать, и думать, что о немъ. Засыпая ночью, все твердишь: „отецъ Серафимъ прославляется“. По-утру, просыпаясь, первая мысль, мелькающая въ головѣ, еще не стряхнувшей сонъ: „Отецъ Серафимъ прославляется“. — И все вокругъ: люди, событія, вещи точно просвѣтлѣли. Какими-то новыми глазами смотришь на міръ, чувствуя невольно, независимо отъ тебя, происходящую въ тебѣ какую-то таинственную работу ду-

ховнаго обновленія. И невольно сознаешь, что все это происходитъ отъ той причины, которую можно выразить тремя словами: „отецъ Серафимъ прославляется“. И какъ хочется вспоминать, говорить, слышать, писать о немъ, хочется выйти на народъ и возглашать его имя: „Знаете ли, какое великое ждетъ васъ счастье—бѣгите къ благодатному новому источнику, просите, зовите его, требуйте помощи — онъ всѣхъ услышитъ, онъ всѣмъ вымолитъ нужное для жизни и для спасенія!“

Какъ необыкновенна была жизнь старца Серафима, читая о которой слѣдуетъ отрѣшиться отъ многихъ нашихъ обычныхъ земныхъ понятій и стараться представить себѣ человѣка, до такой степени переродившагося подъ вліяніемъ благодати, что многія изъ земныхъ ограниченій для него не существуютъ: такъ же необыкновенно и происхожденіе той Саровской пустыни, которая была свидѣтельницею подвиговъ отца Серафима.

Мѣстность, гдѣ расположенъ нынѣшній Саровъ, была издавна населена народомъ финскаго племени, мордвою. Доселѣ сохранились тамъ курганы—мордовскія могилы и встрѣчаются остатки ихъ сооруженій, въ видѣ ямъ и углубленій въ почвѣ. Племя это до нашествія татаръ платило дань Рязанскимъ и Владимірскимъ князьямъ. Очень вѣроятно, что на той горѣ, гдѣ возвышается теперь Саровъ, былъ русскій сторожевой постъ. Эта вѣроятность доказывается нахожденіемъ крестовъ въ землѣ, на верху горы, когда основывалась Саровская пустынь.

Въ 1298 году татары покорили это мѣсто подъ предводительствомъ Ширинскаго князя Бехмета. И, вѣроятно, тогда же построенъ былъ на мѣстѣ теперешняго монастыря, на горѣ между рѣчками Сатисомъ и Саровкой, та-

Преподобный Серафимъ.

тарскій городъ Сараклычъ. Онъ назывался „царственнѣйшимъ“ городомъ, занималъ значительное пространство и былъ сильно укрѣпленъ. Четыре части его, окруженныя отовсюду рѣками или глубокими рвами и высокимъ валомъ, обороняли другъ друга. Часто бывали здѣсь битвы съ окрестнымъ населеніемъ, и первые монахи находили здѣсь въ землѣ стрѣлы, сабли, копья и много человѣческихъ костей.

Девяносто лѣтъ сидѣли здѣсь татары. Наконецъ, тѣснимые мѣстнымъ населеніемъ, которое послѣ Куликовской побѣды Димитрія Донского, уже не считало татаръ непобѣдимыми, они должны были удалиться за рѣчку Мокшу, гдѣ постепенно разсѣялись по разнымъ селеніямъ.

Стольный городъ Сараклычъ сталъ приходить въ запустѣніе. Онъ заросъ лѣсомъ, заселился дикими звѣрями. Мало-по-малу оживленное нѣкогда мѣсто города превратилось въ дремучій боръ и исчезла память о тѣхъ, кто тутъ жилъ. На то, что здѣсь когда-то стоялъ городъ, указывало только имя, данное этому мѣсту жителями: „Старое Городище“.

Въ сказаніи о Саровѣ говорится такъ о превращеніи бывшаго тутъ города въ пустыню: „Лѣсъ великій, и древа, дубы и сосны, и прочія поросли, и въ томъ лѣсу живуще многіе звѣріе—медвѣди, рыси, лоси, лисицы, куницы; а по рѣчкамъ Сатису и Сарову—бобры и выдры. И мѣсто то не знаемо бысть отъ человѣкъ, кромѣ бортниковъ — мордвы“. Триста лѣтъ ни одна душа не жила въ этомъ мѣстѣ.

Въ 1664 году пришелъ сюда Пензенскій инокъ Ѳеодосій и, поставивъ келью на валу бывшаго города, сталъ тутъ подвизаться. Иногда онъ ходилъ проповѣдывать слово

Божіе жителямъ ближайшаго села Кременка и передавалъ имъ о необыкновенныхъ явленіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Не разъ по ночамъ онъ видалъ небо какъ бы раскрывшимся; оттуда являлся свѣтъ, озорявшій всю гору. Иногда сходилъ сверху огненный лучъ, иногда слышался громкій благовѣстъ многихъ колоколовъ. Все это утверждало Ѳеодосія въ мысли, что этому мѣсту суждена великая будущность. Ѳеодосію не пришлось кончить жизнь въ „Старомъ Городищѣ". Жившій здѣсь послѣ него инокъ Герасимъ былъ тоже свидѣтелемъ разныхъ знаменій. Стоя на молитвѣ въ праздникъ Благовѣщенія, онъ услышалъ такой сильный звонъ, что гора, казалось, колебалась отъ него, и съ тѣхъ поръ этотъ звонъ слышался ему часто. „Мню, яко мѣсто сіе свято",— говорилъ старецъ.

Привлеченные молвою объ этомъ необыкновенномъ звонѣ, полагая, по суевѣрію, что это явленіе означаетъ присутствіе на томъ мѣстѣ клада, нѣсколько крестьянъ села Кременка стали рыть почву. Клада они не отыскали, но нашли шесть четвероконечныхъ деревянныхъ крестовъ и одинъ мѣдный.

По уходѣ старца Герасима, лѣтъ десять или болѣе мѣсто это опять было необитаемо, а окрестные крестьяне одни были свидѣтелями знаменій, не прекращавшихся на „Старомъ Городищѣ". То при ясной погодѣ слышался тамъ громъ, то доносился колокольный трезвонъ. Суевѣрные жители продолжали тщетно искать въ горѣ кладовъ. А мѣсто было все пустыннымъ, пока не пришелъ человѣкъ, избранный Богомъ, чтобъ заселить его, первоначальникъ Сарова, іеромонахъ Іоаннъ.

Сынъ причетника с. Краснаго, Арзамасскаго уѣзда, онъ съ дѣтства привязался къ храму, помогая отцу и

подпѣвая ему на клиросѣ. Чтеніе духовныхъ книгъ, житій святыхъ и нѣкоторыя благодатныя видѣнія понудили его принять иночество. Услыхавъ о горѣ между рѣчками Сатисомъ и Саровкой, въ дремучихъ Темниковскихъ лѣсахъ, какъ о мѣстѣ, удобномъ для отшельничества, подвижникъ отправился туда и обошелъ все „Старое Городище". Красота этого мѣста—непроходимая глушь, суровая дикость, совершенное безлюдье, величественная тишина этой таинственной горы — все произвело глубочайшее впечатлѣніе на молодого восторженнаго инока.

Онъ водрузилъ здѣсь крестъ и чрезъ нѣсколько времени пришелъ, чтобъ окончательно поселиться тутъ. Тяжела жизнь пустынника и полна искушеній отъ врага спасенія. Чтобъ укрѣпить душу постоянною памятью о смерти, подвижникъ сталъ рыть въ горѣ пещеру, какъ символъ гроба. Впослѣдствіи, когда образовалась пустынь, эти пещеры были расширены и устроена въ нихъ церковь во имя первыхъ русскихъ иноковъ, преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Кіево-печерскихъ. Время отъ времени присоединялись къ отшельнику товарищи, но скоро уходили отъ него, и онъ оставался терпѣть одинъ. Было бы долго останавливаться на описаніи многоразличныхъ бѣдъ, гоненій, перенесенныхъ первоначальникомъ Саровскимъ. Скажемъ только, что въ 1706 году совершилось событіе, положившее начало возникновенію Саровской пустыни, именно построеніе перваго храма.

28-го апрѣля его заложили на горѣ, къ 16 мая уже воздвигнуты были стѣны, заложена была кровля. 17-го рѣшили воздвигнуть на храмѣ крестъ. Въ ночь на 17-е на горѣ раздался громкій колокольный звонъ. Между тѣмъ ни одного колокола не было. Передъ полуднемъ

17-го мая кровельный мастеръ доканчивалъ отдѣлку главы, а остальные рабочіе работали внутри храма. Вдругъ въ полдень всѣхъ освѣтилъ необыкновенный свѣтъ, раздался трезвонъ многихъ колоколовъ и продолжался около часу.

Къ торжеству освященія собрались тысячи народа. Опять на столь долго остававшемся безмолвномъ мѣстѣ бойкаго города Сараклыча кипѣла жизнь. Но не для битвы и не въ воинскихъ доспѣхахъ сходился сюда народъ, а для молитвы, неся съ собой церковную утварь, ризы, иконы въ жертву новому храму. Наканунѣ была отслужена всенощная и среди яснаго лѣтняго вечера впервые въ этихъ мѣстахъ раздался уже не чудесный звонъ невидимыхъ колоколовъ, а тихій благовѣстъ церковнаго колокола. Услыхавъ о построеніи церкви, многіе иноки стали проситься къ о. Іоанну принять ихъ въ общежитіе. Для того, чтобъ обезпечить порядокъ въ жизни иноковъ, о. Іоаннъ написалъ доселѣ строго соблюдаемый въ пустыни „уставъ общежительный", который свидѣтельствуетъ и о великомъ духовномъ опытѣ старца, и о практической его мудрости.

7-го іюля 1706 года первоначальникъ Саровскій созвалъ на совѣтъ всю братію, и, по единодушному согласію, братія положила слѣдующее рѣшеніе — приговоръ, тогда же записанный:

„Въ сей Сатисо-Градо-Саровской пустыни, у святѣй церкви Пресвятыя Богородицы Живоноснаго Ея источника быть общежительному пребыванію монаховъ... И положихомъ, по свидѣтельству и преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, чинъ—уставъ общаго житія. И отнынѣ намъ здѣ всѣмъ живущимъ монахомъ и сущимъ по насъ настоятелемъ и братіямъ держать и хранить

безотложно, донцежде благоволеніемъ Божіимъ обитель сія будетъ стоять".

Правила Саровскаго общежитія — самыя строгія, въ духѣ древне-христіанскихъ общежительныхъ монастырей. Такъ, напримѣръ, исключена всякая собственность, запрещено ѣсть внѣ трапезы. О. Іоанну удалось обезпечить пустынь земельными угодьями. Онъ воздвигъ въ обители еще двѣ церкви, перенесъ всѣ келліи на гору, устроилъ ограду и гостиницу для пріѣзжихъ. Онъ надѣялся вмѣсто деревянныхъ поставить каменныя церкви и началъ заготовлять кирпичи. Но лишь преемникамъ его пришлось совершить дѣло созиданія великолѣпныхъ Саровскихъ соборовъ.

Число братіи въ 1733 году было 36 человѣкъ. Бытъ въ пустыни былъ суровый. Все нужное для жизни пріобрѣталось трудами братіи. Сами воздѣлывали землю, сѣяли хлѣбъ, на жерновахъ мололи муку. Занимались токарнымъ и столярнымъ дѣломъ, шили одежду, плели лапти, служившіе обычною обувью. Зимой носили нагольные тулупы, лѣтомъ балахоны изъ крашенины или изъ суроваго холста. Единственнымъ лакомствомъ братіи въ праздничные дни служилъ настой изъ малины и мяты, который пили съ медомъ.

Первоначальникъ Саровскій о. Іоаннъ, по старости сложившій съ себя обязанности начальника-строителя, кончилъ жизнь въ изгнаніи.

То были печальные годы царствованія императрицы Анны Іоанновны. Постоянно по малѣйшему поводу возникали обвиненія въ политической измѣнѣ, и разъ заподозрѣнный пропадалъ для жизни: онъ томился въ застѣнкахъ такъ называемой „Тайной канцеляріи" или подвергался казни.

Въ 1733 году, по ложному доносу, Саровскіе иноки были заподозрѣны въ государственной измѣнѣ. Въ Саровъ прискакали чиновники тайной канцеляріи съ солдатами для ареста о. Іоанна. Сковавъ его цѣпями, его посадили подъ караулъ. Затѣмъ, допросивъ иночествующихъ, собрались везти его въ Петербургъ. Строитель Дороѳей и вся обитель еле упросили дать имъ проститься съ о. Іоанномъ и двумя арестованными одновременно съ нимъ иноками. Ихъ вывели предъ врата обители въ кандалахъ, поставили въ десяти саженяхъ отъ ограды въ рядъ. Съ боковъ и сзади стали съ оружіемъ солдаты. Братіи же велѣли выйти къ нимъ, не подходя близко и не говоря имъ ни слова. То была величественная минута. Бряцаніе кандалъ и плачъ братіи одинъ нарушалъ тишину. Перекрестясь, первоначальникъ Саровскій положилъ три поклона предъ святыми вратами созданной имъ обители. Затѣмъ, обернувшись къ оставляемой имъ братіи, трижды поклонился ей въ ноги, на что и братія отвѣчала земнымъ поклономъ. Затѣмъ, онъ молча осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ.

Около четырехъ лѣтъ протомился Іоаннъ въ узахъ въ Петербургѣ. Предъ кончиною, напутствоваемый Святыми Дарами, онъ просилъ духовника доставить въ Саровскую пустынь письмо съ его предсмертнымъ завѣтомъ братіи—твердо хранить уставъ, держать миръ и любовь между собою и безропотно нести послушанія. Іеросхимонахъ Іоаннъ, скончавшійся 4 іюня 1737 г., схороненъ при церкви Преображенія Господня, что въ Колтовской, въ С.-Петербургѣ.

Изъ пріемниковъ о. Іоанна болѣе всѣхъ замѣчателенъ строитель Ефремъ. Онъ также пострадалъ по несправед-

ливому доносу въ измѣнѣ и провелъ 16-ть лѣтъ въ ссылкѣ въ Оренбургской крѣпости, пономаремъ при церкви. Онъ отличался необыкновеннымъ милосердіемъ. Особенно проявилъ онъ свое человѣколюбіе во время великаго голода 1775 года, когда многимъ приходилось питаться древесной корой, смѣшивая съ мукой гнилое дерево и дубовые желуди. Тогда старецъ, печалясь о бѣдствующихъ, приказалъ кормить всѣхъ приходящихъ въ обитель, какихъ бывало до тысячи въ день. Братія, было, стала роптать, боясь, что для нея самой не хватитъ хлѣба. Тогда старецъ, собравъ старшую братію и, описавъ имъ нужду народную, сказалъ: „Не знаю, какъ вы, а я расположился, доколѣ Богу будетъ угодно за наши грѣхи продолжать гладъ, лучше страдать со всѣмъ народомъ, нежели оставить его гибнуть отъ глада. Какая намъ польза пережить подобныхъ намъ людей? Изъ нихъ, можетъ быть, нѣкоторые до сего бѣдственнаго времени и сами насъ питали своими даяніями".

Утѣшительная радость и миръ сіяли всегда на благообразномъ лицѣ старца, пользовавшагося повсюду славою святости. Святитель Тихонъ Задонскій былъ съ нимъ въ перепискѣ. Къ портрету о. Ефрема сдѣлана въ обители слѣдующая надпись:

Не Сиринъ ты, но русскій ты Ефремъ.
Саровской пустыни броня еси и шлемъ.

Онъ оставилъ также по себѣ благодарную память прекрасными постройками. Кромѣ трапезы и корпуса келлій онъ воздвигъ великолѣпный храмъ въ честь Успенія Богоматери—обширный, величественный, съ высокимъ, точно въ небо уходящимъ, иконостасомъ, богато украшенный.

Жизнь въ Саровѣ сложилась истинно монашеская. Не имѣя еще святынь, кромѣ чудотворной иконы Богоматери, называемой „Живоносный Источникъ“, Саровъ сталъ, тѣмъ не менѣе, цѣлью богомолій; народъ шелъ полюбоваться красою храмовъ его, насладиться стройнымъ, истовымъ богослуженіемъ, наставиться у мудрыхъ и праведныхъ его старцевъ. Въ одной старинной рукописи, въ главѣ о „приписныхъ къ Суздальской епархіи городахъ“ (Саровъ принадлежалъ прежде къ этой епархіи) сохранились слѣдующія интересныя свѣдѣнія о Саровѣ.

„Въ Темниковскомъ уѣздѣ имѣется пустыня въ великихъ непроходимыхъ мѣстахъ, именуемая Саровская, отдаленная весьма отъ селеній мірскихъ со всѣхъ сторонъ, имѣющая начальствующаго строителя. Обитель оная въ недавнихъ весьма годѣхъ составися при рѣкѣ Саровѣ именуемой, на мѣстѣ, гдѣ въ прежнія лѣта имѣлся нѣкоторый Косимовскаго царства городъ, называемый Сатисъ, и по семъ много лѣтъ бывшій въ упустѣніи. Пребывающіи въ той обители монахи и бѣльцы житіе имѣютъ воздержное и крѣпкое, пищу и одежду общую, и болѣе упражняются въ трудахъ, между ими самъ строитель первенство во всякомъ имѣетъ дѣлѣ (т. е. первый въ трудахъ). Чинъ монастырскій взятъ изъ Флорищевой пустыни, сущія въ Гороховскомъ уѣздѣ. Въ той (Саровской) пустынѣ вотчинъ никаковыхъ кромѣ лѣсу и пашенной земли не имѣется, но довольствуются отъ подаянія Христолюбивцевъ, которыя Христолюбцы премного тую снабдѣваютъ, не токмо святой церкви потребными, но и братіи на пищу и одежду весьма нескудно. Въ помянутой пустынѣ церкви святыя устроены

каменныя—пять, внутреннимъ и внѣшнимъ украшеніемъ премного украшены".

Изъ подвижниковъ XIX вѣка, принадлежащихъ Саровской пустыни, особенно памятны знаменитый игуменъ и возобновитель Валаама Назарій, „полагавшій начало" въ Саровѣ и проведшій тамъ же послѣдніе годы жизни, молчальникъ схимонахъ Маркъ, долгое время ютившійся въ дремучемъ лѣсу Саровскомъ, въ шалашахъ или пещерахъ.

Теперь Саровская пустынь принадлежитъ къ числу обезпеченнѣйшихъ русскихъ обителей, обладая обширными лѣсными угодьями. Двухвѣковое усердіе къ ней многихъ богатыхъ лицъ снабдило ее прекрасною церковною утварью. Ея тяжелыя литыя паникадила, множество горящихъ свѣчъ, дивная краса ея храмовъ, великолѣпіе церковныхъ сосудовъ (есть громадные потиры, которые трудно держать въ рукѣ, евангеліе, которое могутъ нести лишь двое іеродіаконовъ), роскошныя облаченія—во дни великихъ праздниковъ, все это богослужебное, долгими десятилѣтіями скопленное богатство радуетъ православное сердце. Но, находясь вдали отъ желѣзнодорожныхъ путей, обитель сохранила и высокій строй жизни иноковъ, и настроеніе пустыни. Монахи имѣютъ смиренный видъ, благоговѣйно стоятъ въ церквахъ, усердно исполняютъ послушанія, кротки, прилежны. Главное, что доселѣ влекло сюда богомольцевъ и что теперь привлечетъ сюда вниманіе Россіи и стремленіе къ этому мѣсту всѣхъ вѣрующихъ сердецъ: это могила старца Серафима. Какъ солнце, онъ сіяетъ на небѣ Сарова. Весь Саровъ какъ бы полонъ имъ. Назвать Саровъ—значитъ назвать и старца Серафима. Передадимъ же съ благоговѣніемъ и любовію главныя черты его жизни.

Великій избранникъ Божій, старецъ Серафимъ родился въ древнемъ городѣ Курскѣ, который раньше уже далъ Россіи отца русскаго иночества, преподобнаго Ѳеодосія Кіевопечерскаго. Онъ происходилъ изъ семьи богатаго и именитаго Курскаго купца, Исидора Мошнина, имѣвшаго кирпичные заводы и бравшаго подряды на постройку каменныхъ зданій, церквей и домовъ. Онъ былъ извѣстенъ за чрезвычайно честнаго человѣка, усерднаго къ храмамъ. Главною его постройкою въ Курскѣ былъ воздвигнутый по плану знаменитаго архитектора Растрелли храмъ, во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго. Въ 1833 году эта церковь была наименована каѳедральнымъ соборомъ. Послѣ десятилѣтнихъ работъ, въ 1762 году, нижняя церковь, съ престоломъ во имя преподобнаго Сергія, была довершена, и въ тотъ же годъ Мошнинъ скончался, передавъ всѣ дѣла свои умной, распорядительной женѣ своей Агаѳіи.

Мошнина слыла еще болѣе благочестивою, чѣмъ ея мужъ. Особенною чертою ея,—которая впослѣдствіи такъ рѣзко отличала и ея великаго сына — было милосердіе. Она любила раздавать милостыню; особенно же по сердцу ей было заниматься судьбою бѣдныхъ дѣвочекъ-сиротъ. Она готовила имъ приданое и выдавала ихъ замужъ. Лѣтъ 15 еще, по смерти мужа, Агаѳья вела строеніе Сергіевской церкви и довела дѣло до конца. Все было исполнено такъ добросовѣстно, что позолота, напримѣръ, въ 1863 году сохраняла всю свою свѣжесть. Старшаго сына Мошниныхъ звали Алексѣй, потомство его существуетъ доселѣ. Отецъ Серафимъ, второй сынъ Мошниныхъ, родился 19 іюля 1759 года. Его назвали Прохоромъ, въ честь апостола Прохора, память котораго со-

вершается 28 іюля. По смерти отца, Прохоръ остался трехлѣтнимъ. Всѣмъ воспитаніемъ своимъ онъ обязанъ матери.

Къ сожалѣнію, очень мало свѣдѣній сохранилось о его дѣтской порѣ. Онъ росъ тихо, въ обстановкѣ исконнаго русскаго благочестія, и, можно сказать, все завѣтнѣйшее, лучшее содержаніе русскаго народа, всю высокую его духовность, всю заботу и думу его о спасеніи, о вѣчности мало по малу впиталъ въ свою душу до того, что уже въ ней не стало мѣста иной заботѣ, иной думѣ.

Особое промышленіе Божіе о Прохорѣ выразилось въ двухъ событіяхъ его жизни. Однажды, когда ему было семь лѣтъ, мать его, отправляясь на стройку церкви, взяла его съ собой. Она поднялась на самый верхъ колокольни, гдѣ не были еще утверждены перила. Мальчикъ, по живости, забывъ, гдѣ онъ находится, неосторожно подошелъ къ краю и упалъ внизъ. Мать, предполагая, что онъ убился до смерти и что тамъ, внизу, можетъ быть только его изуродованный трупъ, поспѣшно сбѣжала по ступенямъ. Ребенокъ стоялъ на землѣ цѣлый и невредимый.

Прохоръ отличался крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, острымъ умомъ, впечатлительностью, прекрасною памятью и, вмѣстѣ, кротостію и благонравіемъ. Когда его стали учить церковной грамотѣ, онъ принялся за дѣло съ большою охотой и сталъ быстро успѣвать въ ученіи, какъ вдругъ сильно занемогъ. Домашніе отчаялись въ его выздоровленіи. И снова суждено было проявиться надъ нимъ благодати Божіей. Прохоръ увидѣлъ во снѣ Пресвятую Богородицу, Которая обѣщала посѣтить и исцѣлить его. Онъ разсказалъ это сновидѣніе матери. Вскорѣ крестнымъ ходомъ

несли по Курску чудотворную Коренную икону Богоматери по той самой улицѣ, гдѣ стоялъ домъ Мошниныхъ. Ударилъ сильный ливень. Вѣроятно, для сокращенія пути, крестный ходъ свернулъ черезъ дворъ Мошниныхъ. Мать Прохора воспользовалась этимъ и поднесла къ иконѣ больного сына. Затѣмъ икону пронесли надъ мальчикомъ. Съ этого времени онъ сталъ поправляться и скоро совсѣмъ выздоровѣлъ.

Оправившись, Прохоръ продолжалъ ученіе: прошелъ Часословъ, Псалтирь, выучился писать и полюбилъ чтеніе Библіи и духовныхъ книгъ. У старшаго Мошнина, Алексѣя, была въ Курскѣ торговля разнымъ деревенскимъ товаромъ: ремнями, дегтемъ, бичевками, дугами, шлеями, лаптями, желѣзомъ, и Прохора старались пріучить къ этой торговлѣ. Но сердце его къ этому дѣлу не лежало. Торговля мѣшала ему бывать, какъ бы онъ хотѣлъ, у всѣхъ церковныхъ службъ. До этого онъ ходилъ ежедневно къ обѣднѣ и вечернѣ. Теперь же, опуская по необходимости эти службы, подымался пораньше, чтобъ отстоять заутреню.

Большое вліяніе на Прохора въ эту пору его жизни имѣлъ одинъ чтимый въ Курскѣ юродивый, имя котораго, къ сожалѣнію, не сохранилось. Часто бесѣдуя съ Прохоромъ, онъ окончательно укрѣпилъ его въ духовной жизни.

Умная и благочестивая мать Прохора сердцемъ чуяла, что не жилецъ ея мальчикъ въ міру, что иная ждетъ его доля. Вообще въ отношеніи Мошниной къ своему сыну мы видимъ полную противуположность тому, какъ относилась къ преподобному Θеодосію (Кіево-Печерскому) его, тоже по своему любившая его, мать. Та всячески

старалась удержать сына въ міру и крайне недоброжелательно относилась къ его дѣтскимъ попыткамъ подвижничать. Она жестоко наказала сына, когда увидѣла на тѣлѣ его вериги; избила его и заковала его, когда онъ тайкомъ ушелъ изъ дому со странниками, а она догнала его и привела домой. Даже изъ монастыря Кіево-Печерскаго, когда она послѣ долгихъ поисковъ нашла тамъ сына, она старалась вернуть его въ міръ—угрозами, упреками и мольбами. Умная и благочестивая Агаѳія Мошнина поступила не такъ. Какъ мудрая христіанка, она поняла, что пожертвовать сыномъ, безъ ропота уступивъ его Богу, будетъ угодной Ему жертвой, и что Богъ всякому, ищущему Его, силенъ дать такое счастье, предъ которымъ—ничто вся слава, счастье и благополучіе міра. И вѣра ея оправдалась.

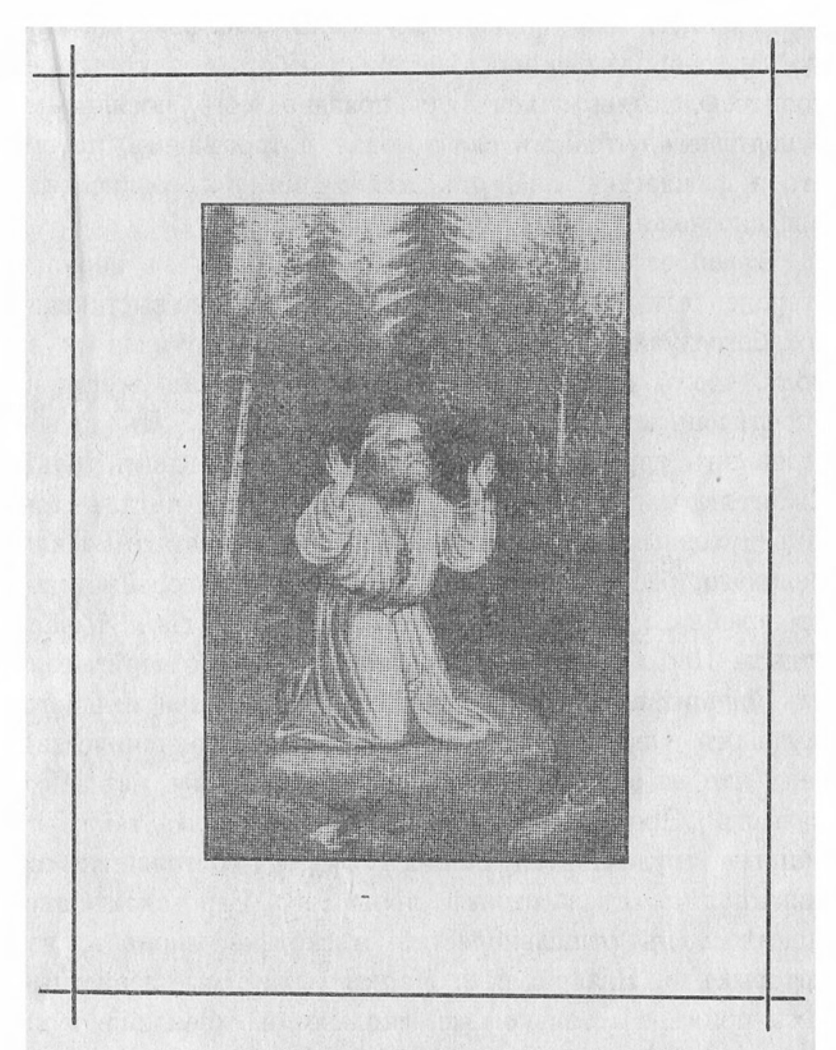
Боясь огорчить мать, Прохоръ, когда въ немъ стало постепенно складываться рѣшеніе оставить міръ—старался осторожно вызнать мысли матери, пуститъ ли она его въ монастырь. Онъ съ радостью замѣтилъ, что она нисколько не будетъ препятствовать ему, и тогда онъ сталъ прямо заговаривать объ этомъ предметѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ повѣрялъ свои мысли нѣкоторымъ товарищамъ, и пять человѣкъ изъ Курской купеческой молодежи порѣшили одновременно съ нимъ начать иноческую жизнь. Въ этомъ нельзя не видѣть значительнаго вліянія Прохора на сверстниковъ. Извѣстно, что, хотя въ годы и отрочества, и ранней юности онъ любилъ уединеніе, все же не избѣгалъ общества товарищей; но, какъ сильная, цѣльная натура, подчинялъ ихъ своему настроенію. Онъ любилъ читать сверстникамъ вслухъ духовныя книги и вести съ ними духовную бесѣду.

Сохранилось воспоминанiе о томъ, какъ простился Прохоръ съ матерью. Сперва, по русскому обычаю, всѣ посидѣли. Потомъ Прохоръ всталъ, помолился Богу, поклонился матери в ноги. Она дала ему приложиться къ иконамъ Спасителя и Божiей Матери, потомъ благословила его мѣднымъ большимъ крестомъ. Этотъ крестъ онъ всю жизнь свою хранилъ, какъ величайшую святыню, никогда не снималъ его съ себя, нося его поверхъ одежды открыто на груди, съ нимъ и скончался. Заранѣе было взято Прохоромъ для постриженiя въ монастырь увольненiе отъ Курскаго градскаго общества. Оставалось только рѣшить, куда идти. Саровская пустынь славилась истинною иноческою жизнiю и тѣмъ болѣе должна была привлекать Прохора, что начальствовалъ въ ней строитель Пахомiй, родомъ изъ Курскихъ купцовъ и знакомый родителямъ Мошнинымъ. Но ему хотѣлось повѣрить свое рѣшенiе совѣтами людей опытныхъ и духовныхъ. Кромѣ того, онъ жаждалъ поклониться Кiевскимъ святынямъ, гдѣ все говоритъ сердцу человѣка, избирающаго иноческiй путь. И съ пятью своими единомышленниками онъ отправился пѣшкомъ въ Кiевъ.

Въ то время славился жизнiю и даромъ прозорливости старецъ Досиѳей—затворникъ, спасавшiйся въ Китаевской обители. Прохоръ пришелъ къ нему, открылъ ему всю свою душу и, ставъ предъ нимъ на колѣни, цѣлуя ему ноги, умолялъ его указать ему мѣсто, гдѣ онъ долженъ поселиться. Прозорливый старецъ прямо указалъ ему на Саровъ такими словами: „Гряди, чадо Божiе, и пребуди тамо. Мѣсто сiе будетъ тебѣ во спасенiе, съ помощiю Господа. Тутъ скончаешь ты и земное странствiе твое. Только старайся стяжать непрестанное призыванiе

имени Божія такъ: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго!“ Въ этомъ да будетъ все твое вниманіе и обученіе. Ходя и сидя, при дѣлѣ и въ церкви стоя, вездѣ, на всякомъ мѣстѣ, входя и исходя, сіе непрестанное вопіяніе да будетъ и въ устахъ, и въ сердцѣ твоемъ. Съ нимъ найдешь покой, пріобрѣтешь чистоту духовную и тѣлесную, и вселится въ Тебя Духъ Святый, Источникъ всякихъ благъ, и управитъ жизнь твою во святынѣ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Въ Саровѣ и настоятель Пахомій богоугодной жизни. Онъ послѣдователь нашихъ Антонія и Ѳеодосія“. Съ радостнымъ сердцемъ принялъ Прохоръ старцевъ совѣтъ. Онъ отговѣлъ въ Кіевѣ, потомъ вернулся въ Курскъ, гдѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Хотя онъ временами и ходилъ въ лавку, но уже не занимался торговлей, а велъ духовную бесѣду: съ нимъ приходили поговорить о монастыряхъ, о томъ, какъ спасаться, или послушать, какъ онъ читалъ духовныя книги.

20-го ноября 1778 года, наканунѣ праздника Введенія во храмъ Богоматери, 19-ти лѣтній Прохоръ пришелъ въ Саровъ. Всенощное бдѣніе, благоговѣніе братіи съ перваго же раза произвели на него сильное впечатлѣніе. Строитель Пахомій, истинный инокъ, ласково его принялъ и поручилъ его казначею, старцу Іосифу. Кромѣ того, что этому старцу Прохоръ долженъ былъ прислуживать, онъ исполнялъ и другія послушанія: въ хлѣбнѣ, въ просфорнѣ, въ столярной, пономарилъ. Съ величайшею ревностью принялся онъ за дѣло нравственнаго перевоспитанія себя, постояннаго наблюденія за собою и стремленія къ совершенству, въ какомъ состоитъ все призваніе и назначеніе монаха. Постоянною дѣятельностью онъ старался предо-

Моленіе преп. Серафима на камнѣ.

хранить себя отъ скуки, которую считалъ однимъ изъ опаснѣйшихъ для инока искушеній. „Болѣзнь сія врачуется, говорилъ онъ впослѣдствіи по собственному опыту,— молитвою, воздержаніемъ отъ празднословія, посильнымъ рукодѣліемъ, чтеніемъ слова Божія и терпѣніемъ, потому что и раждается она отъ малодушія и праздности и празднословія".

Въ опредѣленные часы приходилъ онъ въ церковь, стараясь быть тамъ раньше всѣхъ, неподвижно выстаивалъ все богослуженіе, постоянно имѣя взоръ опущенный къ полу, чтобъ избѣжать разсѣянности, стоялъ всегда на опредѣленномъ мѣстѣ и до самаго конца. Въ келліи своей онъ упражнялся въ чтеніи и въ тѣлесномъ трудѣ. Евангеліе и посланія апостоловъ онъ всегда читалъ стоя. Изъ духовныхъ книгъ читалъ Шестодневъ святаго Василія Великаго, бесѣды святаго Макарія Великаго, Лѣствицу преподобнаго Іоанна, Добротолюбіе и другія. Въ часы отдыха Прохоръ занимался работою: искусно вырѣзывалъ изъ кипариснаго дерева крестики для раздачи ихъ богомольцамъ. Онъ былъ вообще искусенъ въ столярничествѣ, такъ что въ одномъ расписаніи иноковъ одинъ изъ всѣхъ названъ „Прохоръ-столяръ". Участвовалъ онъ также въ общихъ трудахъ-послушаніяхъ братіи, состоявшихъ въ сплавѣ лѣса, въ заготовкѣ дровъ. Въ Саровскомъ лѣсу спасалось въ отшельничествѣ нѣсколько иноковъ, изъ которыхъ о. Назарій и о. Маркъ были самые извѣстные. Ихъ примѣръ, столько же, сколько и стремленіе души Прохора, побудили его въ свободные часы укрываться въ лѣсу для уединенной молитвы. Онъ говорилъ впослѣдствіи такъ: „Если не всегда можно пребывать въ уединеніи и молчаніи, живя въ монастырѣ и занимаясь

возложенными отъ настоятеля послушаніями, то хотя нѣкоторое время, остающееся отъ послушанія, должно посвящать на уединеніе и молчаніе. И за это малое Господь Богъ не оставитъ ниспослать на тебя богатую Свою милость".

Здѣсь, среди природы, къ воспріятію красотъ которой онъ былъ такъ чутокъ, свободно и восторженно лились его хвала и молитва къ Богу. Кромѣ этой уединенной молитвы, Прохоръ принялъ еще подвигъ: усиленный постъ. Въ среду и пятницу онъ ничего не вкушалъ, а въ другіе дни недѣли принималъ пищу лишь по разу въ день. Въ 1780 году Прохоръ опасно заболѣлъ. Недугъ,— повидимому, водянка,—продолжался три года, изъ нихъ не менѣе полутора лѣтъ больной провелъ въ постели. Какимъ уваженіемъ уже тогда онъ пользовался, какъ цѣнили его, видно уже изъ того, что за нимъ, послушникомъ, во все время его болѣзни ходили строитель Пахомій и другіе старшіе иноки. Больному становилось все хуже, и о. Пахомій сталъ настойчиво предлагать обратиться къ врачу, или, по крайней мѣрѣ, пустить кровь. Прохоръ отвѣчалъ: „Я предалъ себя, святый отче, истинному врачу душъ и тѣлесъ, Господу нашему Іисусу Христу и Пречистой Его Матери. Если же любовь ваша разсудитъ, снабдите меня духовнымъ врачествомъ".

Старецъ Іосифъ отслужилъ объ исцѣленіи болящаго особо всенощную и литургію, братія молилась за него. Прохоръ сталъ поправляться. Много, много лѣтъ спустя, старецъ разсказывалъ одной инокинѣ Дивѣевской, что тогда, въ болѣзни, послѣ причащенія святыхъ Тайнъ, явилась ему въ несказанномъ свѣтѣ Пресвятая Богородица съ апостолами Іоанномъ Богословомъ и Петромъ.

Указывая на Прохора, Владычица сказала: „Этотъ нашего рода!“ Потомъ Владычица возложила на голову Прохора правую руку и жезломъ, который Она держала въ лѣвой рукѣ, коснулась больного. У него образовалось въ бедрѣ углубленіе, въ которое собралась вся вода со всего тѣла. Та келлія, въ которой жилъ тогда Прохоръ и въ которой совершилось это чудесное исцѣленіе, была вскорѣ снесена, и на мѣстѣ ея воздвигнута больница съ двухъэтажною церковью: въ честь преподобныхъ Зосимы и Савватія и Преображенія Господня. За сборомъ на украшеніе этой церкви былъ посланъ Прохоръ. Между прочимъ, побывалъ онъ тогда и въ Курскѣ. Матери его уже не было въ живыхъ, но его братъ оказалъ ему большую помощь. По возвращеніи домой, Прохоръ своими руками построилъ престолъ изъ кипариснаго дерева для нижней церкви Соловецкихъ чудотворцевъ. О. Серафимъ всегда съ особымъ чувствомъ относился къ этому храму, какъ мѣсту благодатнаго посѣщенія. Онъ любилъ въ немъ пріобщаться. Этотъ же храмъ онъ посѣтилъ и пріобщился въ немъ и наканунѣ блаженной кончины своей, 1-го января 1833 года.

Восемь лѣтъ прожилъ о. Серафимъ послушникомъ. Наружность его въ это время была такова. Онъ былъ очень силенъ, росту въ немъ было 2 аршина 8 вершковъ, крѣпкаго сложенія. Несмотря на строгое воздержаніе и постъ, у него было полное, бѣлое лицо. Выразительные и проницательные глаза его были свѣтло-голубого цвѣта, носъ прямой и острый, густыя брови и густые свѣтлорусые волосы на головѣ, въ окладистой бородѣ и усахъ. Онъ говорилъ увлекательно и имѣлъ счастливую память.

13-го августа 1786 г. Прохоръ постриженъ въ ино-

чество, причемъ, безъ вѣдома его и выбора, ему дано имя Серафимъ, что значитъ „пламенный". Черезъ годъ онъ рукоположенъ во іеродіакона. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе безъ малаго шести лѣтъ, онъ почти безпрерывно служилъ. Онъ усугубилъ теперь свои подвиги. Ночи на воскресенья и большіе праздники проводилъ всѣ въ молитвѣ. Господь укрѣплялъ его. Онъ не чувствовалъ утомленія, не нуждался почти въ отдыхѣ, часто забывалъ о пищѣ и питьѣ; ложась спать, жалѣлъ, что человѣкъ не можетъ, какъ ангелъ, непрестанно, безъ перерыва, служить Богу. Строитель о. Пахомій очень цѣнилъ іеродіакона Серафима и, уѣзжая изъ обители по дѣламъ или для служенія гдѣ-нибудь, бралъ его обыкновенно съ собой. Это дало случай о. Серафиму присутствовать при кончинѣ одной великой жены и принять отъ нея дѣло, которое впослѣдствіи такъ изумительно разраслось чрезъ него: именно Дивѣевскую общину.

Вдова полковника Агаѳья Симеоновна Мельгунова, богатая помѣщица нѣсколькихъ губерній, посвятила жизнь свою странствованіямъ по святымъ мѣстамъ и дѣламъ благотворенія. Есть сказаніе, что, во время пребыванія ея въ Кіевскомъ Фроловскомъ монастырѣ, ей явилась Пресвятая Дѣва съ повелѣніемъ идти къ сѣверу Россіи и остановиться на томъ мѣстѣ, какое ей Владычица укажетъ, и что на томъ мѣстѣ возникнетъ славная обитель. Когда Мельгунова, идя въ Саровъ, дошла до села Дивѣева и, присѣвъ отдохнуть на бревна у сельской церкви, забылась отъ усталости, — ей вновь явилась Царица небесная съ повелѣніемъ остаться на этомъ мѣстѣ. Агаѳія Симеоновна поселилась у сельскаго священника, гдѣ, ища подвиговъ и уничиженія, исполняла всю черную

работу. Кромѣ того, она широко, но въ тайнѣ, благотворила крестьянамъ. Деньги, полученныя ею отъ продажи ея имѣній, она употребила на возведеніе нѣсколькихъ и украшеніе многихъ храмовъ. Между прочимъ, построила прекрасную каменную церковь въ Дивѣевѣ. Около нея собрались жить нѣсколько благочестивыхъ женщинъ, что и составило первоначальное, такъ сказать, зерно Дивѣевскаго монастыря.

Незадолго до кончины своей она приняла иночество съ именемъ Александры. Она пользовалась великимъ уваженіемъ всей округи и, кромѣ дивной жизни и благочестія, изумляла всѣхъ своею глубокою мудростью. О. Серафимъ благоговѣлъ къ ея памяти. Онъ присутствовалъ при соборованіи ея за нѣсколько дней до ея кончины и при погребеніи ея. Умирая, она передала о. Пахомію остатки своего нѣкогда крупнаго состоянія, прося его позаботиться объ участи остающихся послѣ нея сиротами Дивѣевскихъ насельницъ. О. Пахомій отвѣчалъ, что онъ исполнитъ ея волю, но едва ли доживетъ до исполненія обѣтованія Царицы Небесной о томъ, что здѣсь будетъ монастырь. Но сказалъ, что послѣ его смерти заботу о Дивѣевѣ приметъ на себя о. Серафимъ.

13-го іюня 1789 года первоначальница Дивѣевская опочила смертнымъ сномъ. О. Серафимъ свято исполнилъ данное за него о. Пахоміемъ обѣщаніе. Онъ принялъ близко къ сердцу судьбу Дивѣева. Онъ называлъ инокинь Дивѣевскихъ не иначе, какъ „Дивѣевскія сироты“. Въ Дивѣевѣ, по блаженной кончинѣ старца, какъ будто почилъ его духъ. Что-то чрезвычайно благодатное какъ будто разлито въ воздухѣ этого невыразимо отраднаго мѣста.

Проходя служеніе діаконское, о. Серафимъ удостоивался великихъ духовныхъ откровеній. Временами онъ видѣлъ ангеловъ, сослужащихъ братіи и воспѣвающихъ; они имѣли образъ молніеносныхъ юношей, облеченныхъ въ бѣлыя, златотканныя одежды. А то, какъ пѣли они, нельзя выразить словами. Вспоминая объ этомъ, о. Серафимъ говорилъ: „Бысти сердце мое, яко воскъ тая отъ неизреченной радости“.

Особо же великаго откровенія удостоился о. Серафимъ въ одинъ великій четвергъ, совершая литургію со строителемъ о. Пахоміемъ.

Какъ извѣстно, „малый“ выходъ изъ алтаря и слѣдующее за тѣмъ вступленіе священнослужителей въ алтарь выражаетъ вступленіе ихъ въ самое небо, и священникъ тогда молится: „Сотвори со входомъ нашимъ входу святыхъ ангеловъ быти, сослужащихъ намъ и сославословящихъ Твою благость“. Когда послѣ малаго входа и паремій іеродіаконъ Серафимъ возгласилъ „Господи, спаси благочестивыя и услыши ны“ и, обратясь къ народу и давъ знакъ ораремъ, закончилъ: „и во вѣки вѣковъ“, какъ онъ весь измѣнился, не могъ сойти съ мѣста и вымолвить слова. Служащіе поняли, что ему было видѣніе. Его ввели подъ руки въ алтарь, гдѣ онъ простоялъ три часа, то весь разгораясь лицомъ, то блѣднѣя, — все не въ состояніи вымолвить ни одного слова. Когда онъ пришелъ въ себя, то разсказалъ своимъ старцамъ и наставникамъ, о. Пахомію и казначею, что онъ видѣлъ. „Только что провозгласилъ я, убогій — *Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!* — и наведя ораремъ на народъ, окончилъ: *и во вѣки вѣковъ,* вдругъ меня озарилъ лучъ какъ бы солнечнаго свѣта, и увидѣлъ я Господа и Бога

нашего Іисуса Христа, во образѣ Сына Человѣческаго, во славѣ, сіяющаго неизреченнымъ свѣтомъ, окруженнаго небесными силами, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, какъ бы роемъ пчелинымъ, и отъ западныхъ церковныхъ вратъ грядущаго на воздухѣ. Приблизясь въ такомъ видѣ до амвона и воздвигнувъ пречистыя Свои руки, Господь благословилъ служащихъ и предстоящихъ. Посемъ, вступивъ во святой мѣстный образъ Свой, что по правую руку царскихъ вратъ, преобразился, окружаемый ангельскими ликами, сіявшими неизреченнымъ свѣтомъ во всю церковь. Я же, земля и пепелъ, срѣтая тогда Господа Іисуса Христа, удостоился особеннаго отъ Него благословенія. Сердце мое возрадовалось чисто, просвѣщенно, въ сладости любви ко Господу".

Попрежнему, о. Серафимъ искалъ пустыни для уединенной молитвы, и вечеромъ уходилъ въ лѣсную свою келью и, проведя тамъ ночь въ молитвѣ, къ утру возвращался въ Саровъ. 34-хъ лѣтъ, 2-го сентября 1793 года, о. Серафимъ въ Тамбовѣ рукоположенъ въ іеромонаха. Теперь душа его томилась желаніемъ совершеннаго уединенія, полнаго пустынничества. Такая жизнь является одною изъ высшихъ ступеней на пути восхожденія человѣка къ Богу. Это ничѣмъ не отвлекаемое, полное погруженіе человѣка въ думу о Богѣ и постоянная молитвенная бесѣда съ Богомъ, ничѣмъ не ослабляемый единый порывъ души въ благость Божества. Не потому, что ненавидятъ или презираютъ людей, удаляются подвижники въ уединеніе и не потому, что не желаютъ служить людямъ. А потому, что сперва хотятъ приблизиться къ Богу, а тогда уже, ставши въ Немъ сильными, служить людямъ. — „Отче, спросилъ какъ то у о. Серафима одинъ

инокъ, много размышлявшій объ уединеніи: нѣкоторые говорятъ, что удаленіе отъ общежитія въ пустыню есть фарисейство, что оказывается пренебреженіе братіи, или, еще, бросается на нее осужденіе. Какъ ты думаешь?"

— Не наше дѣло, отвѣчалъ старецъ, судить другихъ. А удаляемся мы изъ общества братства не изъ ненависти къ нему, а болѣе для того, что мы приняли и носимъ на себѣ чинъ ангельскій, которому не вмѣстительно быть тамъ, гдѣ словомъ и дѣломъ прогнѣвляется Господь Богъ. И потому мы, отлучаясь отъ братства, удаляемся только отъ слышанія и видѣнія того, что противно заповѣдямъ Божіимъ, какъ это случается неизбѣжно при множествѣ братіи. Мы избѣгаемъ не людей, которые одного съ нами естества и носятъ одно и то же имя Христово, но пороковъ, ими творимыхъ, какъ и великому Арсенію сказано было: „бѣгай людей, и спасешься". Но, испытавъ всѣ трудности житія пустынническаго, старецъ впослѣдствіи предостерегалъ спрашивавшихъ у него совѣта, что въ монастырѣ иноки борются съ противными силами, какъ съ голубями, а въ пустынѣ, какъ со львами и леопардами.

Предъ смертью своею строитель Пахомій, принявшій 16-ть лѣтъ назадъ молодого, жаждавшаго подвига Прохора Мошнина въ число Саровскихъ послушниковъ, благословилъ теперь іеромонаха Серафима на жизнь въ пустынѣ. О. Серафимъ заботливо ходилъ за умирающимъ наставникомъ и благодѣтелемъ своимъ и горько оплакивалъ его. Послѣ его кончины онъ удалился, 20-го ноября 1794 г., въ лѣсную келлію. Видимымъ предлогомъ для удаленія послужила сильная болѣзнь ногъ, вслѣдствіе постояннаго стоянія на ногахъ. Келлія, куда удалился о. Серафимъ, была расположена въ дремучемъ сосновомъ

лѣсу, на берегу рѣки Саровки, на холмѣ, въ 5—6 верстахъ отъ Сарова. Въ ней была изба съ печью, сѣни и крылечко. Вокругъ былъ небольшой огородъ, обведенный заборомъ. Одна и та же убогая одежда была на о. Серафимѣ зимою и лѣтомъ: бѣлый полотняный балахонъ, кожаныя рукавицы, кожаные чулки (бахили), лапти, старая камилавка. На груди былъ крестъ, материнское благословеніе. Наспинѣ онъ носилъ сумку, а въ ней евангеліе.

Внѣшніе труды его состояли въ заготовленіи дровъ и топкѣ келліи; впрочемъ, часто онъ, чтобъ томить себя, терпѣлъ въ келліи морозъ. Лѣтомъ онъ обработывалъ огородъ, который удобрялъ мхомъ, собираемымъ въ болотѣ. Во время этой работы онъ иногда обнажался до пояса, и множество насѣкомыхъ безжалостно жалили его. Тѣло опухало, покрывалось запекшеюся кровью, а онъ терпѣлъ. Во время работы часто молитвенный восторгъ сходилъ на душу подвижника. Онъ любилъ пѣть въ это время церковныя пѣсни, которыхъ, при прекрасной памяти своей, зналъ множество наизусть. Особенно онъ любилъ „Всемірную славу“, антифонъ „Пустыннымъ непрестанное Божественное желаніе бываетъ“. Случалось, что во время работы вдругъ лопата или заступъ выпадали изъ его рукъ, лицо его принимало дивное выраженіе, онъ стоялъ неподвижно, углубясь, въ созерцаніе тайнъ духовныхъ. Въ томъ же лѣсу жили отшельники о. Назарій, Маркъ и Досиѳей. Приходя иногда къ о. Серафиму, они заставали его въ такомъ же положеніи, онъ ихъ не замѣчалъ и, иногда прождавъ предъ нимъ около часу, они такъ и уходили, не замѣченные имъ. Молитвенное правило его было чрезвычайно обширно. Часто

вмѣсто вечернихъ молитвъ онъ клалъ заразъ тысячу поклоновъ. Питался онъ въ пустынѣ тѣмъ хлѣбомъ, который въ воскресенье приносилъ съ собой изъ Сарова и который, конечно, на третій день былъ сухъ и черствъ. И тѣмъ онъ дѣлился съ птицами и лѣсными животными, которыя очень любили его и ходили къ нему. Ставъ на высокую ступень духовности, старецъ получилъ и тотъ даръ, который былъ у перваго человѣка и утраченъ чрезъ грѣхопаденіе. Звѣри повиновались ему. Не разъ видали его кормящимъ громаднаго медвѣдя, который, по его слову, отходилъ въ чащу лѣса, а потомъ возвращался опять. Кромѣ хлѣба, пищею ему служили овощи, выросшіе въ его огородѣ. Потомъ онъ ограничилъ себя однѣми овощами. Наконецъ, онъ дошелъ до неимовѣрнаго воздержанія.

Онъ пересталъ брать вовсе хлѣбъ изъ монастыря, и братія недоумѣвала, чѣмъ онъ питается. Незадолго до смерти старецъ разсказалъ, что около 3 лѣтъ онъ питался лишь отваромъ изъ травы снитки, которую лѣтомъ сбиралъ и сушилъ на зиму. Проводя будни въ пустынѣ, о. Серафимъ. наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, приходилъ въ пустынь и тамъ пріобщался. Послѣ обѣдни онъ говорилъ съ тѣми изъ братіи, кто въ немъ нуждался. А затѣмъ возвращался въ пустынь. Иноки, жившіе въ лѣсу, слыхали отъ него мудрыя наставленія. Вотъ одно изъ нихъ, о непрестанной молитвѣ: „Истинно рѣшившіеся служить Господу Богу должны упражняться въ памяти Божіей и непрестанной молитвѣ, говоря умомъ: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“; въ часы же послѣобѣденные можно говорить эту молитву такъ: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, молитвами

Богородицы помилуй мя грѣшнаго", или же прибѣгать собственно къ Пресвятой Богородицѣ, моляся: „Пресвятая Богородица, спаси насъ", или говорить поздравленіе ангельское: „Богородице, Дѣво, радуйся!" Таковымъ упражненіемъ, при охраненіи себя отъ разсѣянія и при соблюденіи мира совѣсти, можно приблизиться къ Богу и соединиться съ Нимъ. Ибо, по словамъ святаго Исаака Сирина, кромѣ непрестанныя молитвы, мы приблизиться къ Богу не можемъ". — Если подвижникъ встрѣчался съ кѣмъ въ лѣсу, то онъ смиренно кланялся и поспѣшно отходилъ въ сторону.

Но, на не слыхавшихъ даже словъ его, одинъ вдохновенный видъ его, въ его убогой одеждѣ, производилъ великое впечатлѣніе: трогалъ души, поучалъ, возбуждалъ къ добру.

Отецъ Серафимъ не избѣжалъ тѣхъ великихъ искушеній, какими обычно врагъ спасенія воюетъ на иноковъ, проходящихъ пустынническую жизнь и какими онъ силится смутить ихъ въ эту великую пору ихъ духовнаго роста. Однажды во время молитвы о. Серафимъ услышалъ вой звѣрей за стѣнами келліи, потомъ точно скопище народа стало ломать дверь, выбили у двери косякъ и бросили въ келлію громадный отрубокъ дерева, который потомъ съ трудомъ могли вынести восемь человѣкъ. Иногда во время молитвы ему представлялось, что келлія его разваливается начетверо и что къ нему съ ревомъ отовсюду рвутся страшные звѣри. Иногда онъ видалъ открытый гробъ, изъ котораго вставалъ мертвецъ. Этимъ привидѣніямъ о. Серафимъ не поддавался, но прогонялъ ихъ силою крестнаго знаменія. Тогда врагъ сталъ нападать на него съ еще большею яростью. Онъ поднималъ подвижника на воздухъ и съ такою силою ударялъ его объ

полъ, что кости могли бы быть сломаны, еслибъ не охранявшая отца Серафима благодать. Можно думать, что о. Серафимъ видѣлъ самихъ злыхъ духовъ, потому что на простосердечный о томъ вопросъ одного мірянина старецъ съ улыбкою отвѣтилъ: „Они гнусны. Какъ на свѣтъ ангела взглянуть грѣшному невозможно, такъ и бѣсовъ видѣть ужасно, потому что они гнусны".

Всѣ искушенія о. Серафимъ побѣдилъ молитвою, именемъ Христовымъ и знаменіемъ крестнымъ и нѣкоторое время наслаждался миромъ. Между тѣмъ о. Серафимъ получилъ предложеніе быть настоятелемъ Алатырскаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Онъ отказался, отказался по смиренію и отъ другого такого же предложенія. Извѣстно, что смиреніе есть вѣнецъ добродѣтелей, какъ бы цементъ, скрѣпляющій всѣ добродѣтели. Ничто такъ не ручается за вѣрный путь спасенія, ничто такъ не страшитъ и не посрамляетъ врага, какъ смиреніе. Смиреніемъ побѣдилъ и Христосъ злобу его, такъ какъ то, чѣмъ искушалъ и искусилъ врагъ перваго человѣка „будете, яко боги"—то самое путемъ смиренія совершилъ Христосъ: сойдя на землю и ставъ Человѣкомъ, Онъ обожествилъ человѣка и влилъ въ него пролитую за него Божественную кровь Свою.

Не терпя великаго смиренія о. Серафима, врагъ еще лютѣе ополчился на него: онъ воздвигъ въ душѣ его такъ называемую мысленную брань. Для побѣды въ этой страшной, роковой, ожесточенной борьбѣ старецъ рѣшился предпринять новый подвигъ, на который въ древности рѣшались весьма немногіе подвижники и который казался невыносимо тяжекъ въ послѣдующія времена. То было столпничество.

На полъ-пути отъ келліи къ монастырю лежала громадная гранитная скала. На эту скалу отецъ Серафимъ сталъ всходить при наступленіи всякой ночи. Онъ молился или на колѣняхъ, или стоя на ногахъ, воздѣвъ руки вверхъ и взывая словами молитвы мытаря: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* Въ келліи своей онъ поставилъ другой, небольшой камень, и въ томъ же положеніи молился на немъ весь день, сходя съ него только для краткаго отдыха и принятія пищи. Въ этомъ великомъ подвигѣ провелъ онъ тысячу дней и тысячу ночей. Врагъ былъ окончательно побѣжденъ. Но отъ этого почти трехлѣтняго непрерывнаго стоянія опять открылась у старца болѣзнь въ ногахъ, которая была въ первое время пустыннической жизни его. Болѣзнь эта не проходила болѣе до самой кончины о. Серафима. Дивный подвижникъ съумѣлъ скрыть свое тысячедневное и тысяченощное моленіе. Впослѣдствіи отъ Тамбовскаго архіерея былъ тайный запросъ объ о. Серафимѣ игумену Нифонту. Сохранился отзывъ Нифонта, въ которомъ онъ пишетъ: „О подвигахъ и жизни отца Серафима мы знаемъ. О тайныхъ же дѣйствіяхъ какихъ, также и о стояніи 1000 дней и ночей на камнѣ никому не было извѣстно“. Лишь незадолго до кончины своей, по примѣру многихъ другихъ праведниковъ, открывая нѣкоторыя обстоятельства своей жизни, великій старецъ повѣдалъ объ этомъ моленіи нѣкоторымъ изъ Саровской братіи. Одинъ изъ слушателей замѣтилъ тогда, что подвигъ этотъ выше силъ человѣческихъ.

— Святой Симеонъ Столпникъ, отвѣчалъ старецъ,— сорокъ семь лѣтъ стоялъ на столпѣ. А мои труды похожи-ли на его подвигъ?.. Собесѣдникъ замѣтилъ, что,

вѣроятно, старецъ ощущалъ въ это время помощь благодати.

— Да, отвѣчалъ онъ:—иначе силъ человѣческихъ не хватило-бы. Потомъ, помолчавъ, онъ прибавилъ: „Когда въ сердцѣ есть умиленіе, то и Богъ бываетъ съ нами“.

Посрамленный въ личной, такъ сказать, борьбѣ съ отшельникомъ, врагъ началъ дѣйствовать на него черезъ людей.

12 сентября 1804 года пришли къ о. Серафиму, рубившему въ лѣсу дрова, трое крестьянъ и дерзко потребовали денегъ, говоря, что мірскіе люди носятъ ему деньги. О. Серафимъ отвѣтилъ, что ни отъ кого ничего не беретъ. Не повѣривъ ему, крестьяне напали на него. Одинъ, кинувшись на него сзади, хотѣлъ его повалить, но самъ упалъ. О. Серафимъ былъ ловокъ и очень силенъ. Съ топоромъ въ рукѣ, онъ легко могъ разсчитывать отбиться отъ злодѣевъ. Но вспомнились ему слова евангелія: „ Пріимшіи ножъ, ножемъ погибнутъ“,—и онъ рѣшился не защищаться. Бросивъ топоръ на землю и сложивъ руки крестомъ на груди, онъ спокойно сказалъ своимъ обидчикамъ: „Дѣлайте, что вамъ надобно“. Одинъ изъ нихъ, схвативъ топоръ, обухомъ ударилъ его по головѣ, такъ что изо рта и ушей подвижника хлынула кровь и онъ въ безпамятствѣ упалъ. Тогда они потащили его въ келлію, продолжая бить его топоромъ, дубиной, топтали его ногами, думали даже бросить его въ рѣку. Но, видя, что онъ въ родѣ мертваго, связавъ ему руки и ноги, бросили его въ сѣняхъ, а сами кинулись въ келлію, гдѣ обшарили всѣ углы, сломали даже печь, всѣ надѣясь отыскать деньги. Но нашли лишь икону да нѣсколько картофелинъ. На нихъ напалъ страхъ, и они

убѣжали. Когда о. Серафимъ пришелъ въ себя, онъ выпутался съ трудомъ изъ веревокъ, поблагодарилъ Бога за неповинное страданье, помолился объ обидчикахъ и на другой день во время самой литургіи приплелся въ пустынь въ самомъ ужасномъ видѣ. Волосы на бородѣ и головѣ его были въ запекшейся крови, въ пыли, спутаны. Руки и лицо были избиты, выбито нѣсколько зубовъ, на ушахъ и лицѣ — запекшаяся кровь, окровавленная одежда мѣстами пристала къ ранамъ на тѣлѣ. Онъ разсказалъ о случившемся настоятелю и братіи и остался въ Саровѣ. Первые восемь дней страданія его были чрезвычайны. Онъ не могъ ни пить, ни ѣсть, ни забыться ни на минуту сномъ отъ нестерпимой боли. Въ обители ждали его смерти. На седьмой день болѣзни, не видя улучшенія, настоятель послалъ за врачами въ Арзамасъ. Врачи нашли больного въ такомъ положеніи: голова проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, по тѣлу смертельныя раны, и лишь удивлялись, какъ онъ еще живъ. Пока эти три врача, при которыхъ было три фельдшера, совѣщались надъ постелью больного по-латыни, что предпринять, о. Серафимъ забылся и имѣлъ во снѣ видѣніе.

Къ постели его подошла окруженная славой, въ царской порфирѣ, Пресвятая Богородица съ апостолами Петромъ и Іоанномъ Богословомъ. Она рекла въ сторону врачей: „Что вы трудитесь?“ А затѣмъ, указывая апостоламъ на подвижника, произнесла: *„Сей отъ рода нашего“*. Послѣ этого видѣнія онъ отказался отъ какой-бы то ни было врачебной помощи, говоря, что всю надежду возлагаетъ на Господа и Богоматерь.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ послѣ видѣнія стра-

Преподобный Серафимъ кормитъ медвѣдя.
(Со старинной гравюры)

далецъ ощущалъ чрезвычайную духовную радость. Потомъ, почувствовалъ облегченіе. Въ тотъ-же вечеръ въ первый разъ послѣ пораненія спросилъ пищи, и поѣлъ хлѣба съ квашеной капустой. Съ того дня онъ мало-по-малу сталъ оправляться, но слѣды этого происшествія остались навсегда на немъ. Еще раньше онъ какъ-то во время рубки лѣса былъ придавленъ упавшимъ деревомъ, и, раньше прямой и стройный, сталъ теперь согбенный. Теперь-же онъ еще больше сгорбился и не могъ ходить иначе, какъ опираясь на палку или топорикъ.

Пробывъ пять мѣсяцевъ въ Саровѣ, о. Серафимъ вернулся опять въ любимую свою пустынную келлію. Такимъ образомъ, опять врагъ спасенія потерпѣлъ новое пораженіе. Обидчики подвижника были найдены и оказались крѣпостными крестьянами помѣщика Татищева, изъ села Кременокъ. Отецъ Серафимъ просилъ настоятеля не преслѣдовать ихъ и писалъ о томъ же помѣщику. Всѣ настаивали на наказаніи. Тогда о. Серафимъ объявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ оставитъ Саровъ и совсѣмъ уйдетъ въ другое мѣсто.

Господь Самъ наказалъ этихъ людей: у нихъ сгорѣли всѣ избы. Тогда, раскаявшись, они пришли къ о. Серафиму и просили у него прощенія.

Въ 1807 году скончался второй, со времени поступленія о. Серафима, настоятель Саровскій—праведный игуменъ Исаія, который весьма чтилъ о. Серафима и которому о. Серафимъ платилъ искренней любовью. Когда о. Исаія былъ здоровъ, онъ самъ ходилъ въ пустынь къ о. Серафиму. Когда онъ сложилъ съ себя должность, о. Серафимъ былъ избранъ братіею въ настоятели, но отказался, и былъ избранъ въ

настоятели казначей Нифонтъ. Больной старецъ не могъ лишить себя утѣшенія въ бесѣдѣ съ о. Серафимомъ и братія возила бывшаго своего настоятеля въ телѣжкѣ въ пустыню къ о. Серафиму. Кончина о. Исаіи тяжело отразилась на о. Серафимѣ. Три любимые имъ старца, изъ которыхъ двое, Іосифъ и Пахомій, руководили первыми его иноческими шагами, лежали въ могилахъ. Онъ самъ прожилъ уже почти полъ-вѣка. И новое поколѣніе иноковъ не могло дать его привязчивой душѣ то, что давало ему общеніе съ этими тремя глубоко-духовными, а для него незамѣнимыми, коренными людьми. Какъ ни ограничивалъ онъ людскихъ отношеній, уходъ этихъ людей болѣзненно на немъ отразился. Никогда не проходилъ онъ мимо кладбища монастырскаго безъ того, чтобъ не помолиться на ихъ могилахъ. Начальницѣ Ардатовской общины онъ какъ-то сказалъ: „Когда идешь ко мнѣ, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобъ Онъ успокоилъ души рабовъ Своихъ Исаіи, Пахомія, Іосифа, и потомъ припади ко гробу, говоря про себя: „простите, отцы святіи, и помолитесь обо мнѣ!“

Стремясь все далѣе, все болѣе очищая душу, а, быть можетъ, чтобъ подвигомъ смирить печаль души, о. Серафимъ приступилъ къ новому дѣланію—молчальничеству. Онъ болѣе не выходилъ, если кто посѣщалъ его. Встрѣчаясь съ кѣмъ въ лѣсу, падалъ лицомъ къ землѣ, и не вставалъ, пока не уходили отъ него,ересталъ даже ходить въ монастырь по праздникамъ. Разъ въ недѣлю, по праздникамъ, старцу приносилъ послушникъ изъ Сарова пищу. Зимой приходилось идти къ нему по глубокому снѣгу. Дойдя до келліи, послушникъ стучалъ, говоря вслухъ молитву Іисусову, и старецъ, отвѣтивъ

„аминь“, отворялъ дверь сѣней, гдѣ былъ приготовленъ лоточекъ. Самъ онъ стоялъ въ это время со сложенными руками, смотря въ землю и не подымая глазъ на пришедшаго. Послушникъ складывалъ принесенное на лоточекъ, а о. Серафимъ клалъ туда же кусочекъ хлѣба или капусты, означая тѣмъ, что нужно принести на слѣдующій разъ. Затѣмъ послушникъ уходилъ, не слыхавъ и голоса старца. Таково было внѣшнее выраженіе молчальничества. Значеніе же и сущность его состояли въ отреченіи отъ всякихъ житейскихъ попеченій для совершеннѣйшаго служенія Богу.

О. Серафимъ пояснялъ: „Паче всего должно украшать себя молчаніемъ, ибо святой Амвросій Медіоланскій говорилъ, что молчаніемъ многихъ видѣлъ спасающихся, многоглаголаніемъ же ни единаго. И паки нѣкто изъ старцевъ говоритъ: молчаніе есть таинство будущаго вѣка, словеса же — орудія суть міра сего. Молчаніе приближаетъ человѣка къ Богу и дѣлаетъ его какъ бы земнымъ ангеломъ. Ты только сиди въ келліи своей во вниманіи и молчаніи, и всѣми мѣрами старайся приблизить себя къ Господу. А Господь готовъ сдѣлать тебя изъ человѣка ангеломъ: „На кого бо, говоритъ онъ (Исаіи, 66, 2) воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ“. Плодомъ молчанія, кромѣ другихъ духовныхъ пріобрѣтеній, бываетъ миръ души. Молчаніе учитъ безмолвію и постоянной молитвѣ. Наконецъ, пріобрѣтшаго сіе ожидаетъ мирное состояніе. Когда старца спросили, зачѣмъ онъ, наложивъ на себя молчаніе, лишаетъ братію той духовной пользы, какую онъ могъ бы принести ей своими бесѣдами, онъ отвѣчалъ: „Святой Григорій Богословъ рекъ: прекрасно богослов-

ствовать для Бога. Но лучше сего, если человѣкъ себя очищаетъ для Бога".

Отъ молчальничества онъ перешелъ еще къ новому подвигу — затворничеству. Этому способствовало отчасти слѣдующее обстоятельство. Не было извѣстно, кто и какъ пріобщаетъ о. Серафима съ тѣхъ поръ, какъ онъ, принявъ на себя молчаніе, пересталъ ходить въ монастырь. Соборъ старшихъ іеромонаховъ рѣшилъ предложить ему: или ходить въ воскресные и праздничные дни для пріобщенія въ монастырь, или, если болѣзнь ногъ не позволяетъ этого, переселиться въ Саровъ. Монаху, носившему о. Серафиму пищу, было велѣно передать это ему и спросить у него объ его рѣшеніи. Въ первый разъ о. Серафимъ ничего не отвѣтилъ, во второй же разъ молча пошелъ за монахомъ въ Саровъ, и тамъ остался. Это было въ маѣ 1810 года.

О. Серафимъ поселился въ прежней келліи своей, ни къ кому не ходилъ и къ себѣ никого не принималъ. У него не было теперь даже самыхъ необходимыхъ вещей. Икона съ горящей лампадой и обрубокъ пня вмѣсто стула — вотъ все, что было въ келліи. И огня онъ теперь не сталъ для себя потреблять. На плечахъ онъ носилъ теперь подъ сорочкою тяжелый желѣзный пятивершковый крестъ. Собственно же веригъ, вѣроятно, не носилъ. „Кто насъ оскорбитъ словомъ или дѣломъ, и если мы переносимъ обиды по евангельски, училъ онъ, вотъ и вериги наши, вотъ и власяница". Пищею его были теперь толокно и бѣлая рубленая капуста. Воду и пищу относилъ ему сосѣдъ его по келліи, монахъ Павелъ. Затворникъ, покрывшись полотенцемъ, чтобъ никто не видалъ лица его, выходилъ изъ дверей и

на колѣняхъ, какъ Божій даръ, принималъ посуду съ пищей.

Попрежнему сложно и велико было молитвенное его „правило". Между прочимъ, онъ въ теченіе недѣли прочитывалъ весь Новый Завѣтъ и, читая, толковалъ себѣ Писаніе вслухъ. Многіе приходили къ его двери и съ радостью слушали его. Иногда же онъ, сидя надъ книгой, какъ бы замиралъ, погруженный въ созерцаніе, не читая далѣе. Также иногда на молитвѣ онъ переставалъ читать слова, замолкалъ и, не двигаясь, стоялъ предъ иконой. Всякое воскресенье и большіе праздники старецъ пріобщался Святыхъ Таинъ, которыя послѣ ранней обѣдни ему приносили въ келлію изъ любимой и знаменательной для него больничной церкви.

Въ сѣняхъ у него стоялъ дубовый гробъ, сдѣланный, вѣроятно, имъ самимъ, какъ искуснымъ столяромъ. Онъ просилъ послѣ смерти положить его въ этотъ непремѣнно гробъ и часто около него молился, готовясь къ смерти. Онъ выходилъ иногда изъ келліи по ночамъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и, читая тихо молитву Іисусову, въ это время переносилъ дрова.

Послѣ пятилѣтняго строгаго затвора старецъ внѣшне нѣсколько ослабилъ его. Всякій могъ войти къ нему, такъ какъ онъ отперъ дверь келліи. На вопросы старецъ, хотя и не стѣсняясь посѣтителями, не давалъ отвѣта. Даже, когда посѣтилъ Саровъ Тамбовскій епископъ Іона (впослѣдствіи экзархъ Грузіи) и пришелъ къ его келліи, старецъ не отперъ ему двери и ничего не отвѣчалъ.

Прошло еще пять лѣтъ затвора, и о. Серафимъ сталъ отвѣчать на вопросы братіи и даже бесѣдовать съ нею. Онъ внушалъ братіи неопустительно совершать богослу-

женіе, благоговѣйно стоять въ церкви, постоянно заниматься умной молитвой,—каждому усердно исполнять послушаніе, не ѣсть ничего внѣ трапезы, за трапезою сидѣть съ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ, безъ важной причины не выходить за ворота, бояться своеволія, какъ причины великаго зла.

Въ 1825 году послѣдовало явленіе о. Серафиму Богоматери. Пречистая повелѣла ему выйти изъ затвора и принимать всѣхъ, кто будетъ идти къ нему. Въ это время о. Серафимъ былъ уже 66-лѣтній старецъ. За почти полувѣковую монашескую жизнь сколько великаго опыта духовнаго скопилъ онъ, какую великую воспиталъ въ себѣ любовь къ Богу, какъ изучилъ онъ малѣйшія движенія души, какъ позналъ всѣ оттѣнки той борьбы, которую „врагъ“ ведетъ съ человѣкомъ... И теперь онъ долженъ былъ въ оставшіяся ему 7 лѣтъ жизни излить на русскій народъ всѣ сокровища своего опыта, всю силу своихъ молитвъ, всю великость своей любви... Онъ началъ новый подвигъ: старчества, духовнаго руководства людьми. Съ окончанія ранней обѣдни до 8 часовъ вечера келлія была открыта для мірянъ, а для Саровской братіи во всякое время. Эта маленькая келлія освѣщалась лишь лампадой и свѣчами, зажженными предъ иконами. Печь въ ней никогда не топилась. Двумя маленькими окнами она смотрѣла въ широкую, привольную луговую даль. Мѣшки съ пескомъ и каменья лежали на полу, служа, вѣроятно, ему постелью. Обрубокъ дерева замѣнялъ стулъ.

Обычно старецъ принималъ посѣтителей такимъ порядкомъ. Одѣтый въ бѣлый балахонъ и мантію, онъ надѣвалъ еще епитрахиль и поручи въ тѣ дни, когда

пріобщался. Съ особенною любовью встрѣчалъ онъ тѣхъ, въ комъ видѣлъ желаніе исправиться, искреннее раскаяніе въ грѣхахъ. Побесѣдовавъ съ такими людьми, онъ накрывалъ ихъ голову своею епитрахилью и произносилъ надъ ними, положивъ свою правую руку на ихъ голову: „Согрѣшилъ я, Господи, согрѣшилъ душою и тѣломъ, словомъ, дѣломъ, умомъ и помышленіемъ, и всѣми моими чувствами: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ, осязаніемъ, волею или неволею, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ". Затѣмъ произносилъ обычную разрѣшительную молитву, причемъ посѣтитель испытывалъ необыкновенно отрадное чувство. Вслѣдъ затѣмъ старецъ начертывалъ на лбу посѣтителя крестъ елеемъ отъ иконы и давалъ, если то было утромъ, богоявленской воды и антидора. Наконецъ, цѣлуя всякаго въ уста, произносилъ всегда, какой-бы то ни былъ день года, *Христосъ Воскресе* и давалъ приложиться къ образу Богоматери, или кресту — материнскому благословенію, висѣвшему у него на груди.

Особенно совѣтовалъ старецъ непрестанно молиться, и для этого повторять всегда молитву Іисусову — „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго". „Ходя и сидя, на дѣлѣ, и въ церкви стоя до начала богослуженія, входя и исходя, сіе непрестанно содержи на устахъ и въ сердцѣ твоемъ. Съ призываніемъ имени Божія найдешь ты покой, достигнешь чистоты духовной и тѣлесной, и вселится въ тебя Святый Духъ". Многіе изъ посѣтителей старца винились въ томъ, что мало молятся, не вычитывая даже положенныя утреннія и вечернія молитвы. Дѣлали они это и по недосугу, и по безграмотности. О. Серафимъ установилъ для такихъ лю-

дей такое легко исполнимое правило. „Поднявшись отъ сна, всякій христіанинъ, ставъ предъ святыми иконами, пусть прочитаетъ молитву Господню „Отче нашъ“ трижды, въ честь Пресвятой Троицы. Потомъ пѣснь Богородицѣ „Богородице Дѣво, радуйся“ также трижды. Въ завершеніе же Сvмволъ вѣры „Вѣрую во единаго Бога“—разъ. Совершивъ это правило, всякій православный пусть занимается своимъ дѣломъ, на какое поставленъ или призванъ. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь, пусть тихо читаетъ: „Господи Іисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго (или грѣшную)“; а если окружаютъ его другіе, то, занимаясь дѣломъ, пусть говоритъ умомъ только „Господи, помилуй!“ — и такъ до обѣда. Предъ самымъ же обѣдомъ пусть опять совершаетъ утреннее правило. Послѣ обѣда, исполняя свое дѣло, всякій христіанинъ пусть читаетъ такъ же тихо: „Пресвятая Богородица, спаси мя грѣшнаго“, и это пусть продолжаетъ до самаго сна. „Когда случится ему проводить время въ уединеніи, то пусть читаетъ онъ: „Господи Іисусе Христе, Богородицею помилуй мя грѣшнаго или грѣшную“. Отходя же ко сну, всякій христіанинъ пусть опять прочитаетъ утреннее правило, то есть трижды „Отче нашъ“, трижды „Богородице“ и одинъ разъ „Сvмволъ вѣры“. О. Серафимъ объяснялъ, что, держась этого малаго „правила“, можно достигнуть мѣры христіанскаго совершенства, ибо эти три молитвы—основаніе христіанства. Первая, какъ молитва, данная Самимъ Господомъ, есть образецъ всѣхъ молитвъ. Вторая принесена съ неба Архангеломъ въ привѣтствіе Богоматери, Сvмволъ же содержитъ въ себѣ вкратцѣ всѣ спасительные догматы христіанской вѣры“.

Кому невозможно выполнять и этого малаго правила, старецъ совѣтовалъ читать его во время занятій, на ходьбѣ, даже въ постели, и при этомъ приводилъ слова изъ посланія къ Римлянамъ: „всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется“. Кому же есть время, старецъ совѣтовалъ читать изъ евангелія, каноны, акаѳисты, псалмы. Бывали у о. Серафима знатные люди. Съ ними старецъ бесѣдовалъ объ обязанностяхъ ихъ званія. Особенно же онъ умолялъ ихъ хранить вѣрность православной церкви, соблюдать ея уставы, защищать ее отъ нападеній. Какъ простосердечно относился старецъ къ нуждамъ простого народа, можно видѣть изъ двухъ слѣдующихъ примѣровъ.

Однажды прибѣжалъ въ Саровскую пустынь крестьянинъ съ признаками сильнѣйшаго волненія и спрашивалъ у всякаго попадавшагося ему навстрѣчу инока: „Батюшка, ты что-ли о. Серафимъ?“ Когда ему указали старца, онъ упалъ ему въ ноги и закричалъ: „Батюшка, у меня лошадь украли. Не знаю, какъ теперь буду семью кормить. Я безъ нея сталъ нищій. А ты, говорятъ, угадываешь“. Ласково сказалъ ему старецъ, приложивъ его голову къ своей головѣ: „Огради себя молчаніемъ, иди въ село (старецъ назвалъ село). Какъ станешь подходить къ нему, свороти съ дороги вправо и пройди задами четыре дома, тамъ ты увидишь калиточку. Войди въ нее, отвяжи свою лошадь отъ колоды и выведи молча“. Крестьянинъ тотчасъ побѣжалъ по указанному направленію, и былъ слухъ, что онъ нашелъ свою лошадь.

Въ другой разъ одинъ монахъ привелъ къ старцу молодого крестьянина съ уздою въ рукахъ, плакавшаго о потерѣ своихъ лошадей, и оставилъ старца съ крестья-

ниномъ вдвоемъ. Черезъ нѣсколько времени, встрѣтивъ этого крестьянина, монахъ его спросилъ:

— Ну что, отыскалъ ты своихъ лошадей?

— Какъ же, отыскалъ. — Отецъ Серафимъ сказалъ мнѣ, чтобъ я шелъ на торгъ, и что я тамъ увижу ихъ. Я и вышелъ, и какъ разъ увидѣлъ и взялъ къ себѣ своихъ лошадокъ.

Въ отцѣ Серафимѣ въ великой мѣрѣ дѣйствовалъ даръ исцѣленія. Въ первый разъ онъ проявился надъ человѣкомъ, ставшимъ впослѣдствіи преданнѣйшимъ, вѣрнѣйшимъ до самозабвенія, до полнаго отреченія, почитателемъ его.

Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ, помѣщикъ села Нучи, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, долго служившій въ военной службѣ, тяжко заболѣлъ и, выйдя въ оставку, долженъ былъ поселиться въ своемъ имѣніи. Болѣзнь его была въ высшей степени странная и необъяснимая. Лучшіе доктора не могли ни понять, ни лѣчить ее. Нуча лежала въ 40 верстахъ отъ Сарова, и въ нее доходили слухи о святости отца Серафима. Когда болѣзнь приняла такіе размѣры, что у Мантурова стали выпадать кусочки костей изъ ногъ, онъ, въ видѣ послѣдней надежды, рѣшился ѣхать къ о. Серафиму. Съ большими усиліями люди его, привезя его въ Саровъ, ввели его въ сѣни келліи старца. Старецъ вышелъ къ нему и ласково сказалъ:

— Что пожаловалъ? Посмотрѣть на убогаго Серафима?

Мантуровъ упалъ ему въ ноги и сталъ со слезами просить его объ исцѣленіи. Проникновенно и любовно старецъ трижды спрашивалъ больного, вѣруетъ ли онъ

въ Бога, и трижды получилъ горячее увѣреніе въ совершенной, пламенной вѣрѣ. Тогда на это старецъ отвѣтилъ:

— Радость моя, если ты такъ вѣруешь, то вѣрь же и въ то, что вѣрующему все возможно отъ Бога. А потому вѣруй, что и тебя исцѣлитъ Господь. А я, убогій, помолюсь.

Посадивъ Мантурова въ сѣняхъ у гроба, о. Серафимъ удалился для молитвы къ себѣ въ келлію, и чрезъ нѣсколько времени вернулся, неся освященное масло. Онъ приказалъ больному обнажить ноги, и, приготовившись, вытереть ихъ масломъ, произнесъ: „По данной мнѣ отъ Господа благодати, я перваго тебя врачую!" Помазавъ больныя ноги и надѣвъ на нихъ чулки изъ посконнаго холста, старецъ вынесъ изъ келліи большое количество сухарей, всыпалъ ихъ въ фалды сюртука Мантурова, и такъ велѣлъ ему идти въ монастырь. Съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ сталъ исполнять Мантуровъ приказаніе отца Серафима. Но внезапно почувствовалъ въ ногахъ силу, и крѣпко, смѣло могъ стоять. Онъ не помнилъ себя отъ изумленія и радости, и бросился въ ноги старцу, но о. Серафимъ поднялъ его, строго говоря: „Развѣ Серафимово дѣло мертвить и живить? Что ты, батюшка? Это дѣло Единаго Господа, Который творитъ волю боящихся Его и молитву ихъ слушаетъ; Господу Всемогущему да Пречистой Его Матери даждь славу!"

Прошло нѣкоторое время. Мантуровъ чувствовалъ себя такъ хорошо, что сталъ даже забывать о недавней, такъ мучившей его болѣзни. Ему захотѣлось побывать у о. Серафима, принять его благословеніе, и онъ отправился въ Саровъ. Дорогой онъ размышлялъ о словахъ о. Серафима, сказанныхъ старцемъ послѣ его исцѣленія, что надо

ему возблагодарить и прославить Господа. Старецъ встрѣтилъ его словами: „Радость моя, а вѣдь мы обѣщались поблагодарить Господа, что Онъ возвратилъ намъ жизнь!“

— Я не знаю, батюшка, чѣмъ и какъ прикажете,— отвѣчалъ Мантуровъ, удивляясь прозорливости старца.

Радостно взглянувъ на исцѣленнаго, старецъ сказалъ: — „Вотъ, радость моя, все, что ни имѣешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!“ Странное, трудно передаваемое впечатлѣніе произвело на Мантурова это слово, возбудивъ напряженную работу его мысли. Онъ былъ еще молодъ, женатъ: чѣмъ же онъ будетъ жить, если все отдастъ. Зная его мысли, старецъ сказалъ: „Не пекись, о чемъ думаешь. Господь не оставитъ тебя ни въ сей жизни, ни въ будущей. Богатъ не будешь. Хлѣбъ же насущный у тебя будетъ“. Всего второй разъ видѣлъ Мантуровъ старца. Но старецъ, какъ бы вновь отъ ужасныхъ страданій воззвавшій его къ жизни, уже всецѣло владѣлъ благодарнымъ, привязчивымъ, пылкимъ сердцемъ Михаила Васильевича. Слово старца было для него уже святыней, и онъ отвѣтилъ:— „Согласенъ, батюшка. Что же благословите мнѣ сдѣлать?“

На этотъ разъ мудрый о. Серафимъ не далъ Мантурову опредѣленнаго указанія и отпустилъ его съ благословеніемъ. Мантуровъ, исполняя совѣтъ старца, отпустилъ своихъ крѣпостныхъ на волю, продалъ имѣніе, и, сохраняя пока капиталъ, купилъ въ селѣ Дивѣевѣ на указанномъ старцемъ мѣстѣ 15 десятинъ земли. Старецъ завѣщалъ ему хранить ее, никому не отдавать и назначить послѣ смерти въ Дивѣево. Поселившись съ женой своей лютеранкой на этомъ участкѣ, Мантуровъ сталъ

терпѣть недостатки. Его жена, въ общемъ хорошая женщина, была вспыльчиваго характера, нетерпѣлива и упрекала его за его поступокъ. Но, безгранично довѣряя старцу, покоривъ ему свою волю, Мантуровъ никогда не роптал и радостно несъ тотъ великій подвигъ, къ которому Христосъ призывалъ обратившагося къ Нему за словомъ жизни юношу и который тотъ евангельскій юноша былъ не въ силахъ понесть. Главное дѣло, которымъ о. Серафимъ занималъ Мантурова, были Дивѣевскія дѣла. Мантуровъ сталъ вѣрнѣйшимъ, преданнѣйшимъ ученикомъ старца, — можно сказать, довѣреннымъ его другомъ. Старецъ иначе не называлъ его, какъ именемъ „Мишенька".

Бытъ отца Серафима во многомъ измѣнился, когда въ 1825 году онъ, по явленію ему Пресвятой Богородицы, вышелъ изъ затвора. Здоровье старца было не хорошо. Подвиги и изнуреніе всей жизни, стояніе на камняхъ, затворъ — все отозвалось и на его крѣпкой, выносливой природѣ. У него болѣли и ноги, и сильно болѣла голова. Былъ необходимъ свѣжій воздухъ и движеніе. Еще съ весны 1825 года онъ сталъ по ночамъ выходить изъ келліи. Въ ночь на 25 ноября явилась ему Богоматерь, съ разрѣшеніемъ оставить затворъ, и съ 25 же ноября, взявъ благословеніе у настоятеля, старецъ сталъ ходить ежедневно на то мѣсто, которое, въ отличіе отъ прежняго его жилища въ лѣсу *(дальняя пустынька)*, стало называться *ближняя пустынька.*

Въ двухъ верстахъ отъ Сарова, издавна находился родникъ, неизвѣстно кѣмъ вырытый и, по стоявшей около него на столбикѣ иконѣ Іоанна Богослова, называвшійся Богословскимъ. На горкѣ въ четверти версты отъ источ-

ника спасался въ своей кельѣ отшельникъ іеромонахъ Дороѳей, скончавшійся въ сентябрѣ 1825 г. Мѣсто это о. Серафимъ посѣщалъ, еще когда жилъ въ „дальней пустынѣ", работалъ здѣсь иногда и любилъ его. По выходѣ же изъ затвора онъ ежедневно сталъ посѣщать это мѣсто. Тутъ явился новый источникъ, по преданію забившій отъ удара жезла Богоматери, явившейся здѣсь старцу. Вода этого источника, называемаго „Серафимовъ", обладаетъ свойствомъ не портиться даже годы, и множество больныхъ, съ вѣрою омываясь ею, получали дивныя исцѣленія въ тяжкихъ недугахъ.

Лѣтомъ 1825 года былъ возобновленъ Богословскій родникъ. Старецъ, собирая камешки въ рѣчкѣ Саровкѣ, выкидывалъ ихъ на берегъ и унизывалъ ими бассейнъ родника. Около были устроены гряды, на которыхъ старецъ садилъ лукъ и картофель. Такъ какъ въ келлію о. Дороѳея, за четверть версты, ходить утружденному годами и болѣзнями старцу было уже тяжело, ему устроили срубъ на холмѣ, близъ родника. Небольшой этотъ срубъ, длиною и вышиною въ саженъ и шириною въ два аршина, имѣлъ крышу скатомъ въ одну сторону. Ни оконъ, ни дверей не было. Подъ стѣнку надо было подлѣзать. Сюда старецъ укрывался отъ дневного зноя. Черезъ два года ему устроили здѣсь новую келлію, съ дверью, но безъ оконъ. И тогда онъ въ этомъ мѣстѣ сталъ проводить всѣ дни, съ утра, лишь къ вечеру возвращаясь въ Саровъ. Рано утромъ, въ четыре, иногда и въ два часа по полуночи старецъ отправлялся въ ближнюю пустыньку. Онъ шелъ въ своемъ бѣломъ холщевомъ балахонѣ, въ старой камилавкѣ, съ топоромъ въ рукѣ. На спинѣ у него котомка, набитая камнями и пескомъ. По-

верхъ песку лежало Евангеліе. У него спрашивали, зачѣмъ онъ удручаетъ себя этой тяжестью.

— Томлю томящаго мя! отвѣчалъ старецъ. Стеченіе народа, желавшаго кто лишь взглянуть на него, кто принять благословеніе, кто спросить у него совѣта — все увеличивалось. Кто ждалъ его въ Саровѣ, кто надѣялся увидать его на дорогѣ, кто спѣшилъ застать его въ пустынькѣ и быть свидѣтелемъ трудовъ его. Особенно велико было стеченіе народа вокругъ старца въ праздничные дни, когда онъ возвращался послѣ принятія Святыхъ Таинъ изъ храма. Онъ шелъ, какъ подходилъ къ чашѣ—въ мантіи, епитрахили, поручахъ. Шелъ медленно среди тѣснившагося вокругъ него народа, и всякому хотѣлось взглянуть на него, протискаться поближе къ нему. Но онъ ни съ кѣмъ тутъ не говорилъ, никого не благословлялъ, ничего не видѣлъ. Свѣтлое лицо его выражало глубокую сосредоточенность. Онъ весь былъ полонъ радости и сознанія соединенія со Христомъ. И никто не смѣлъ прикоснуться къ нему.

Войдя же въ келлію, старецъ принималъ посѣтителей и говорилъ съ ними. Великою духовною силой полна была рѣчь о. Серафима. Смиренная, пылающая вѣрой и любовью, она какъ бы снимала повязку съ глазъ, открывала новые горизонты, звала человѣка къ совершенію высокаго его земнаго призванія—служенія Богу, какъ источнику добра, правды и счастья. Эти бесѣды уясняли ярко всѣ заблужденія жизни, освѣщали путь впереди, возбуждали жажду новой, лучшей жизни, покоряли старцу волю и сердце слушателей, вливали въ нихъ тишину и покой. Все, что старецъ ни говорилъ, все то онъ основывалъ на словахъ Писанія, на примѣрѣ святыхъ. Онъ

Изображеніе преподобнаго Серафима.
(Со старинной гравюры).

всегда говорилъ то, что въ данныхъ обстоятельствахъ было самое важное, нужное для человѣка. Рѣчь его еще потому имѣла такую силу, что самъ онъ первый исполнялъ все то, чему училъ другихъ. По прекрасному, мѣткому сравненію о. Серафима: „Учить другихъ—это какъ съ высокой колокольни бросать камни внизъ; а самому исполнять — это какъ съ мѣшкомъ камней на спинѣ подниматься на высокую колокольню". Свои благодатные дары старецъ таилъ, не открывая ихъ безъ крайней нужды. Вообще онъ былъ сторонникъ сосредоточенной жизни и находилъ, что и мірскимъ людямъ надо быть сдержанными и не открываться [1]) легко другимъ людямъ.

Вотъ, что онъ пишетъ по этому поводу:

„Не должно безъ нужды другому открывать сердца своего. Изъ тысячи найти можно только одного, который бы сохранилъ твою тайну. Когда мы сами не сохранимъ ее въ себѣ, какъ можемъ надѣяться, что она будетъ сохранена другимъ? Когда случится быть среди людей въ мірѣ, о духовныхъ вещахъ говорить не должно, особенно когда въ нихъ не примѣчается и желанія къ слушанію. Всѣми мѣрами должно стараться скрывать въ себѣ сокровище дарованій: въ противномъ случаѣ потеряешь и не найдешь. Ибо, по изреченію святаго Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже отъ храненія, паче помощи, яже отъ дѣлъ. Когда же надобность потребуетъ, или дѣло дойдетъ, то откровенно въ славу Божію дѣйствовать должно".

Старецъ былъ великій ревнитель православія. Онъ особенно благоговѣлъ къ памяти тѣхъ святыхъ, которые

[1]) Того же мнѣнія придерживался и почившій 11 лѣтъ назадъ великій Оптинскій старецъ Амвросій.

выяснили и установили сущность правой вѣры: Климента, папы Римскаго, Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова, Аѳанасія Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Епифанія Кипрскаго, Амвросія Медіоланскаго. Онъ любилъ вспоминать ихъ твердое стояніе за вѣру. Убѣждая хранить догматы вѣры, старецъ приводилъ въ примѣръ блаженнаго Марка Ефесскаго, который съ непоколебимымъ мужествомъ защищалъ православіе на Флорентійскомъ соборѣ. О. Серафимъ любилъ вести бесѣды о томъ, въ чемъ состоитъ чистота православія, какъ охранять ее, и радовался, что наша церковь содержитъ въ себѣ Христову истину въ полной цѣлости. Высоко чтилъ подвижникъ и нашихъ русскихъ святыхъ, говорилъ о жизни ихъ, бралъ отъ нихъ примѣры для подражанія. Вообще житія святыхъ были для него живыми письменами, по которымъ онъ поучалъ народъ. Особенно поразительно было въ немъ смиреніе и любовь. Всякаго, праведника и изболѣвшаго грѣхами, трепещущаго предъ святостью его грѣшника, богача-вельможу и бѣдняка: онъ одинаково встрѣчалъ земнымъ поклономъ, часто цѣловалъ посѣтителямъ руки. Какъ ни много бывало у него посѣтителей, никто не отходилъ отъ него неудовлетвореннымъ: онъ часто одною фразою, однимъ словомъ охватывалъ жизнь человѣка, наставлялъ его на нужный путь.

Святой образъ его дѣйствовалъ такъ сильно, что иногда предъ нимъ плакали гордые, самонадѣянные люди, пришедшіе къ нему лишь изъ любопытства. Съ людьми же, искавшими его для пользы духовной, искренно стремившимися къ спасенію — старецъ былъ особенно ласковъ.

Яснѣе всего вырисовывается образъ о. Серафима изъ сохранившихся воспоминаній его посѣтителей, людей

разнообразнаго званія и положенія. Вотъ, что отвѣтилъ онъ однажды четыремъ старообрядцамъ изъ села Павлова, Горбатовскаго уѣзда, которые приходили поговорить съ нимъ о двухперстномъ сложеніи. Едва переступили они порогъ келліи и не высказали еще, для чего пришли, какъ старецъ подошелъ къ нимъ, взялъ одного изъ нихъ за правую руку и, сложивъ пальцы его по чину православной церкви, сказалъ:

— „Вотъ христіанское сложеніе креста. Такъ молитесь и прочимъ скажите. Прошу и молю васъ: ходите въ церковь греко-россійскую. Она во всей славѣ и силѣ Божіей! Какъ корабль, имѣющій многія снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святымъ Духомъ. Добрые кормчіе ея—учители церкви, архипастыри—суть преемники апостольскіе. А ваша часовня подобна маленькой лодкѣ, не имѣющей кормила и веселъ. Она привязана вервіемъ къ кораблю нашей церкви, плыветъ за нею, заливается волнами, и непремѣнно потонула бы, если-бы не была привязана къ кораблю“.

Кавалерійскій офицеръ И. Я. Каратаевъ, въ 1830 году посланный изъ полка за ремонтомъ, проѣзжалъ мимо Сарова. Слыша по дорогѣ разсказы о старцѣ, онъ хотѣлъ заѣхать къ нему, но не рѣшился, боясь, что старецъ обличитъ его передъ другими въ его грѣхахъ, особенно же въ его отношеніи къ иконамъ. Ему казалось, что произведеніе рукъ человѣка, часто грѣшнаго, не можетъ вмѣстить въ себѣ благодати и быть предметомъ почитанія. Вскорѣ, по случаю того, что его вызвали въ виду польской кампаніи, ему снова съ командой нижнихъ чиновъ пришлось проѣзжать мимо Сарова, и теперь, по совѣту отца, онъ рѣшилъ быть у старца. Когда онъ сталъ под-

ходить къ келлiи старца, страхъ его смѣнился тихою радостью, и онъ заочно возлюбилъ о. Серафима. Вотъ, что произошло дальше:

„Около келлiи стояло уже множество народа, пришедшаго къ нему за благословенiемъ. О. Серафимъ, благословляя прочихъ, взглянулъ и на меня и далъ мнѣ знакъ рукою, чтобъ я прошелъ къ нему. Я исполнилъ его приказанiе, со страхомъ и любовiю поклонился ему въ ноги, прося его благословенiя на дорогу и на предстоящую войну, и чтобъ онъ помолился о сохраненiи моей жизни. О. Серафимъ благословилъ меня мѣднымъ своимъ крестомъ, который висѣлъ у него на груди, и, поцѣловавъ, началъ меня исповѣдывать,. самъ сказывая грѣхи мои, какъ будто бы они при немъ были совершены. По окончанiи этой утѣшительной исповѣди, онъ сказалъ мнѣ: „Не надобно покоряться страху, который наводитъ на юношей дiаволъ, а нужно тогда особенно бодрствовать духомъ и помнить, что хотя мы и грѣшные, но находимся всѣ подъ благодатью нашего Искупителя, безъ воли Котораго не спадетъ ни одинъ волосъ съ головы нашей". Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ говорить и о моемъ заблужденiи относительно почитанiя святыхъ иконъ: „Какъ худо и вредно для насъ желанiе изслѣдовать таинства Божiя, недоступныя слабому уму человѣческому, — напримѣръ, какъ дѣйствуетъ благодать Божiя чрезъ святыя иконы, какъ она исцѣляетъ грѣшныхъ, подобныхъ намъ съ тобой, прибавилъ старецъ,—и не только тѣло ихъ, но и душу, такъ что и грѣшники, по вѣрѣ въ находящуюся въ нихъ благодать Христову, спасались и достигали царства небеснаго". Слушая о. Серафима, поистинѣ я забылъ о земномъ своемъ существованiи. „Солдаты, возвращав-

шіеся со мною въ полкъ, удостоились также принять его благословеніе, и онъ, дѣлая имъ при этомъ случаѣ наставленія, предсказалъ, что ни одинъ изъ нихъ не погибнетъ въ борьбѣ, что и сбылось дѣйствительно: ни одинъ изъ нихъ не былъ даже раненъ. Уходя отъ о. Серафима, я положилъ подлѣ него на свѣчи три цѣлковыхъ. Но врагъ вложилъ мнѣ такую мысль: „Зачѣмъ святому отцу такія деньги?“ Эта мысль смутила меня, и я поспѣшилъ съ раскаяніемъ къ о. Серафиму. Я вошелъ съ молитвою къ старцу, а онъ, предупреждая слова мои, сказалъ мнѣ слѣдующее: „во время войны съ галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннику на святой храмъ, и молитвами святой церкви Господь спасъ ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся въ добрыхъ дѣлахъ. Деньги твои пойдутъ на устроеніе Дивѣевской общины, за твое здоровье“. Потомъ о. Серафимъ опять исповѣдалъ меня, поцѣловалъ, благословилъ и далъ мнѣ съѣсть нѣсколько сухариковъ и выпить святой воды, которую, вливая мнѣ въ ротъ, сказалъ: „да изженется благодатію Божіею духъ лукавый, нашедшій на раба Божія Іоанна“. Старецъ далъ мнѣ и на дорогу сухарей и святой воды и, сверхъ того, просфору, которую самъ положилъ въ мою фуражку. Наконецъ, получая отъ него послѣднее благословеніе, я просилъ его не оставить меня своими молитвами. На это онъ сказалъ: „Положи упованіе на Бога, и проси Его помощи. Да умѣй прощать ближнимъ своимъ, — и тебѣ дастся все, о чемъ ни просишь“. Въ продолженіе польской кампаніи я былъ во многихъ сраженіяхъ, и Господь вездѣ меня спасалъ за молитвы праведника Своего“.

Пришелъ къ старцу одинъ генералъ и благодарилъ его за молитвы. При этомъ онъ разсказалъ ему: „Вашими молитвами я спасся во время турецкой кампаніи. Окруженный многими полками непріятелей, я оставался самъ съ однимъ только полкомъ и видѣлъ, что мнѣ ни укрѣпиться, ни двинуться куда нибудь: ни взадъ, ни впередъ. Не было никакой надежды на спасеніе. Я только твердилъ непрестанно: „Господи, помилуй молитвами старца Серафима", ѣлъ сухарики, данные мнѣ вами въ благословеніе, пилъ воду, и Богъ охранилъ меня отъ враговъ невредимымъ. Старецъ на это отвѣчалъ: „великое средство ко спасенію — вѣра, особенно же непрестанная сердечная молитва".

Высоко ставя пятую заповѣдь, старецъ не позволялъ дѣтямъ говорить противъ родителей, даже имѣвшихъ несомнѣнные недостатки. Одинъ человѣкъ пришелъ къ старцу съ матерью, которая была предана пороку пьянства. Сынъ только что хотѣлъ заговорить объ этомъ, какъ о. Серафимъ зажалъ ему рукою ротъ и не далъ произнести ему ни слова. Потомъ онъ, обращаясь къ матери, сказалъ: „отверзи уста свои"—и, когда она открыла ротъ, трижды дунулъ на нее. Отпуская ее, о. Серафимъ сказалъ: „Вотъ вамъ мое завѣщаніе. Не имѣйте въ дому своемъ не только вина, но даже и посуды винной, такъ какъ (предсказалъ онъ матери) ты отселѣ не потерпишь болѣе вина".

Если кто, спрашивая совѣта старца, впослѣдствіи не исполнялъ этотъ совѣтъ,—ему приходилось горько въ томъ раскаиваться. Одинъ рязанскій помѣщикъ, служившій офицеромъ, просилъ у старца благословенія на вступленіе въ бракъ. Старецъ указалъ ему невѣсту, назначен-

ную ему Богомъ. Она жила неподалеку отъ него, и старецъ назвалъ ее по имени. Но тотъ объявилъ старцу, что женится на другой. „Тебѣ сія не принадлежитъ въ радость, а въ печаль и въ слезы!"—отвѣтилъ ему старецъ. Онъ женился по своему выбору, но не прошло и года, какъ овдовѣлъ. Вдовцомъ онъ былъ опять у старца, потомъ женился на особѣ, указанной въ первый разъ старцемъ, и жилъ съ нею счастливо.

Старецъ соединялъ разошедшихся супруговъ. Супруги Тепловы разъѣхались вслѣдствіе семейныхъ непріятностей. Мужъ жилъ въ Пензѣ, а жена въ Таганрогѣ. Мужъ пріѣхалъ въ Саровъ. Только что старецъ взглянулъ на него, какъ сталъ говорить: „зачѣмъ ты не живешь съ женой? Ступай къ ней, ступай!" Слова старца образумили его: онъ съѣздилъ за женой, былъ съ нею въ Кіевѣ на богомольѣ, потомъ онъ поселился въ деревнѣ, и жили они мирно и счастливо. Извѣстная своимъ благочестіемъ госпожа Колычева писала знаменитому затворнику Георгію послѣ кончины о. Серафима: „Я видѣла письма ихъ послѣ извѣстія о смерти старца. Они исполнены горести, что умеръ отецъ ихъ и благодѣтель".

Одна мать потеряла изъ виду сына, и въ страшной горести отправилась къ о. Серафиму. Старецъ сказалъ ей, чтобъ она подождала въ Саровѣ своего сына три дня. На четвертый день истомившаяся женщина опять пошла къ старцу, чтобъ проститься съ нимъ. А у него въ это время находился ея сынъ, и, взявъ его за руку, о. Серафимъ подвелъ его къ матери.

Одному иноку выпало на долю счастье слышать разсказъ о. Серафима о восхищеніи его въ райскія обители. Старецъ говорилъ такъ: „Вотъ я тебѣ скажу объ убогомъ

Серафимѣ. Я усладился словомъ Господа моего Іисуса Христа, гдѣ Онъ говоритъ: въ дому Отца Моего обители мнози суть. На этихъ словахъ Христа Спасителя я, убогій, остановился и возжелалъ видѣть оныя небесныя обители, и молилъ Господа Іисуса Христа, чтобъ показалъ мнѣ эти обители. Господь не лишилъ меня Своей милости. Вотъ, я былъ восхищенъ въ эти небесныя обители. Только не знаю: съ тѣломъ ли, или кромѣ тѣла, Богъ вѣсть: это непостижимо. А о той радости и сладости, которыя я тамъ вкушалъ, сказать тебѣ невозможно".— О. Серафимъ замолчалъ. Онъ поникъ головой, водя рукой около сердца. Лицо его до того просвѣтлѣло, что нельзя было смотрѣть на него. Потомъ снова заговорилъ: „Еслибъ ты зналъ, какая радость ожидаетъ душу праведнаго на небѣ, ты рѣшился бы во временной жизни переносить всякія скорби, гоненія, клевету; если бы келлія наша была полна червей, и черви эти ѣли бы плоть нашу всю временную жизнь нашу, то надобно бы было на это согласиться, чтобъ только не лишиться той небесной радости.—Если самъ святой апостолъ Павелъ не могъ изъяснить той небесной славы, то какой же другой языкъ человѣческій можетъ изъяснить красоту горняго селенія?"

Помѣщица г-жа Еропкина передаетъ свое впечатлѣніе отъ одного разговора со старцемъ. „Я удостоилась услышать отъ него утѣшительный разсказъ о царствіи небесномъ. Ни словъ его, ни впечатлѣнія, сдѣланнаго имъ на меня въ ту пору, я не въ силахъ теперь передать въ точности. Видъ его лица былъ совершенно необыкновенный. Сквозь кожу у него проникалъ благодатный свѣтъ. Въ глазахъ у него выражалось спокойствіе

и какой-то неземной восторгъ. Надо полагать, что онъ, по созерцательному состоянію духа, находился внѣ видимой природы, въ святыхъ небесныхъ обителяхъ, и передавалъ мнѣ, какимъ блаженствомъ наслаждаются праведники. Всего я не могла удержать въ памяти, но знаю, что говорилъ онъ мнѣ о трехъ святителяхъ: Василіи Великомъ, Григоріи Богословѣ, Іоаннѣ Златоустѣ, въ какой славѣ они тамъ находятся. Подробно и живо описалъ красоту и торжество святой Февроніи и многихъ другихъ мученицъ. Подобныхъ живыхъ разсказовъ я ни отъ кого не слыхала. Но онъ точно не весь высказался мнѣ тогда и прибавилъ въ заключеніе: „Ахъ, радость моя, такое тамъ блаженство, что и описать нельзя!“ Вотъ еще что вспоминаетъ въ первое полугодіе по кончинѣ старца Серафима г-жа Колычева въ письмахъ къ извѣстному затворнику Задонскому Георгію.

„Мнѣ, и въ присутствіи моемъ, другимъ разсказывала генеральша Мавра Львовна Сипягина. Она была больна, чувствовала ужасную тоску, и отъ болѣзни не могла въ постные дни кушать пищи, положенной уставомъ церкви. Когда она пришла къ отцу Серафиму просить помощи, старецъ приказалъ ей напиться воды у его источника. Мавра Львовна напилась. Вдругъ, безъ всякаго принужденія, изъ ея гортани вышло множество желчи, и послѣ сего она стала здорова. Многимъ даже въ ранахъ, о. Серафимъ приказывалъ окатиться водою изъ его источника. Всѣ получали отъ этого исцѣленіе—и въ различныхъ болѣзняхъ. „Жизнь батюшки Серафима и чудныя дѣла Божіи въ немъ меня радуютъ. А какъ вспомню о его переселеніи отъ здѣшнихъ—глаза полны слезъ. Въ бытность у него я такъ была удивлена имъ, что нашлась

мало о чемъ поговорить съ нимъ о себѣ. Только лились неудержимо мои слезы".

Переходя къ описанію послѣднихъ лѣтъ жизни великаго старца, слѣдуетъ замѣтить, что въ эти годы онъ одѣвался нѣсколько иначе, чѣмъ прежде. Онъ носилъ теперь подрясникъ изъ толстаго чернаго сукна. Лѣтомъ сверху накидывался бѣлый холщевый балахонъ, а зимой онъ надѣвалъ теперь шубу и рукавицы. Отъ дождя и жары онъ носилъ кожаную полумантію съ вырѣзами для продѣванія. Обувь его составляли: для церкви—кожаные коты; зимою ходилъ въ бахиляхъ, лѣтомъ—въ лаптяхъ. Отдыхалъ онъ въ сѣняхъ или въ келліи. Спалъ, сидя на полу, спиной прислонясь къ стѣнѣ и протянувъ ноги. Иногда клалъ голову на кирпичъ или полѣнья. Въ самое же послѣднее время его жизни безъ ужаса нельзя было смотрѣть на его сонъ. Онъ становился на колѣни и, поддерживая руками голову, спалъ, опираясь локтями на полъ, лицомъ къ землѣ.

Небо стало для него, дѣйствительно, близкою, родною стихіей. Когда, за два года до кончины его, офицеръ Каратаевъ спросилъ его, не надо ли передать чего его брату и Курскимъ родственникамъ, старецъ указалъ на ликъ Спасителя и Божіей Матери и произнесъ съ улыбкой: „Вотъ мои родные!" Въ эту пору своей жизни о. Серафимъ особенно усердно молился за всѣхъ христіанъ, усопшихъ и живыхъ. Въ келліи о. Серафима горѣло много лампадъ, и особенно много пуковъ восковыхъ свѣчъ большого и малаго размѣра. Онѣ были поставлены на круглыхъ подносахъ, и отъ постояннаго ихъ горѣнія въ тѣсной келліи была постоянная жара. О. Серафимъ самъ объяснилъ значеніе этихъ свѣчъ почитателю своему Мото-

вилову: „Я имѣю, какъ вамъ извѣстно, многихъ особъ, усердствующихъ ко мнѣ и благотворящихъ моимъ сиротамъ (Дивѣеву). Онѣ приносятъ мнѣ елей и свѣчи и просятъ помолиться за нихъ. Вотъ, когда я читаю „правило“ свое, то и поминаю .сначала ихъ единожды. А такъ какъ, по множеству именъ, я не смогу повторять ихъ на каждомъ мѣстѣ „правила“, гдѣ слѣдуетъ,—тогда и времени мнѣ не достало бы на совершеніе моего правила,—то я и ставлю эти свѣчи за нихъ въ жертву Богу, за каждаго по одной свѣчѣ; за иныхъ — за нѣсколько человѣкъ одну большую свѣчку, за иныхъ же постоянно теплю лампады; и, гдѣ слѣдуетъ на „правилѣ“ поминать ихъ, говорю: „Господи, помяни всѣхъ тѣхъ людей, рабовъ Твоихъ, за ихъ же души возжегъ Тебѣ азъ, убогій, сіи свѣщи и кандила“. А что это не моя, убогаго Серафима, человѣческая выдумка, или, такъ, простое мое усердіе, ни на чемъ не основанное: то я приведу вамъ въ подкрѣпленіе слова Божественнаго Писанія. Въ Библіи говорится, что Моисей слышалъ гласъ Господа, глаголавшаго къ нему: „Моисее, Моисее, рцы брату твоему Аарону, да возжигаетъ предъ Мною кандилы во дни и въ нощи. Сія бо угодна есть предъ Мною, и жертва благопріятна Ми есть“.—Такъ вотъ почему святая Церковь пріяла въ обычай возжигать во святыхъ храмахъ и въ домахъ вѣрныхъ христіанъ кандила или лампады предъ иконами“.

Трогательна была забота его объ умершихъ. Онъ самъ разсказывалъ слѣдующее: „Умерли двѣ монахини, бывшія обѣ игуменьями. Господь открылъ мнѣ, какъ души ихъ были ведены по воздушнымъ мытарствамъ, что на мытарствахъ онѣ были истязуемы, потомъ осуждены. Трое

сутокъ молился я о нихъ, убогій, прося о нихъ Божію Матерь. Господь, по Своей благости, молитвами Богородицы помиловалъ ихъ: онѣ прошли всѣ воздушныя мытарства и получили отъ Бога прощеніе".

Да, старецъ Серафимъ глубоко проникъ во все, невидимое нашему взору. Та преграда, что существуетъ между земнымъ и небеснымъ, для него, кажется, не существовала. Еще въ земномъ тѣлѣ казался онъ безплотнымъ. Такъ, сохранился разсказъ о томъ, какъ видѣли его на молитвѣ поднявшимся на воздухъ. Княгиня Е. С. Ш. привезла къ старцу больного своего племянника Я., пріѣхавшаго къ ней изъ Петербурга. Его на кровати внесли въ монастырскую ограду. Старецъ, какъ бы ожидая его, стоялъ у дверей своей келліи и просилъ, чтобъ больного внесли къ нему. Когда они остались вдвоемъ, о. Серафимъ сказалъ: „Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться. Только смотри: лежи, какъ лежишь, и въ другую сторону не оборачивайся". Долго больной лежалъ, не оборачиваясь, послушный слову старца. Но, наконецъ, любопытство принудило его обернуться, посмотрѣть, что дѣлаетъ старецъ. Онъ увидѣлъ о. Серафима стоящимъ на воздухѣ въ молитвенномъ положеніи. Отъ неожиданности онъ вскрикнулъ. Старецъ, кончивъ молитву, подошелъ къ нему и сказалъ: „Вотъ ты теперь будешь всѣмъ толковать, что Серафимъ святой, молится на воздухѣ. Господь тебя помилуетъ. А... ты смотри, огради себя молчаніемъ, и не открывай того никому до дня преставленія моего. Иначе болѣзнь къ тебѣ опять вернется". Я вышелъ отъ старца самъ, хотя и опираясь на костыль. Когда его стали распрашивать, что дѣлалъ съ нимъ старецъ, онъ упорно молчалъ. Совершенно оправившись,

онъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ обыкновенно жилъ, потомъ снова отправился къ теткѣ въ деревню и узналъ здѣсь о кончинѣ великаго старца. Тогда онъ открылъ то, чему былъ свидѣтелемъ.

По всей Россіи среди людей, сколько нибудь цѣнившихъ благочестіе, глубоко чтили отца Серафима. Всѣ современные ему русскіе подвижники благочестія отзывались о немъ, какъ о великомъ духовномъ мужѣ. Нѣкоторые епископы писали къ нему, спрашивали у него совѣтовъ. Особенно почиталъ его Воронежскій архіепископъ Антоній, котораго старецъ Серафимъ называлъ великимъ архіереемъ Божіимъ. Духомъ о. Серафимъ зналъ многихъ подвижниковъ. Извѣстны, напримѣръ, его полныя изумительной прозорливости отношенія къ Георгію, затворнику Задонскому, къ затворнику Ачинскому (въ Сибири) Даніилу Деліе. Одинъ посѣтитель затворника Георгія, увидѣвъ у него на стѣнѣ незнакомый ему портретъ, спросилъ, чей это портретъ. Тогда Георгій разсказалъ ему замѣчательное проявленіе надъ нимъ прозорливости старца Серафима, который тогда уже скончался и котораго изображалъ портретъ.

Затворника долгое время смущалъ помыслъ, не перейти ли ему изъ Задонскаго монастыря въ другой монастырь. Два года онъ боролся съ этимъ помысломъ, никому его не открывая. Однажды келейникъ его докладываетъ ему, что пришелъ странникъ съ порученіемъ отъ старца Саровскаго Серафима, которое онъ желаетъ передать лично. Когда странникъ былъ допущенъ къ затворнику, онъ сказалъ: „Отецъ Серафимъ приказалъ тебѣ сказать: стыдно-де, столько лѣтъ сидѣвши въ затворѣ, побѣждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить сіе

мѣсто. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велитъ тебѣ здѣсь оставаться". Сказавъ эти слова, престарѣлый странникъ поклонился и вышелъ. Нѣкоторое время, въ глубочайшемъ изумленіи тому, что о. Серафимъ издалека послалъ ему отвѣтъ на тайный помыселъ, неподвижно стоялъ затворникъ. Опомнясь, послалъ келейника вдогонку за нимъ, чтобъ подробно разспросить его. Но ни въ монастырѣ, ни за монастыремъ странника не могли уже найти.

За двадцать одинъ мѣсяцъ до кончины великому старцу Серафиму было дивное посѣщеніе Пречистой Дѣвы Богородицы. Какъ многіе, или, лучше сказать, большинство русскихъ преподобныхъ, старецъ Серафимъ отличался безграничнымъ, умилительнымъ благоговѣніемъ къ Богоматери. Пресвятая Владычица, начиная съ того раза, что въ дѣтствѣ его обѣщала ему исцѣленіе, неоднократно являлась Своему избраннику. Особо же знаменательнаго посѣщенія Владычицы міра, и уже на яву, старецъ сподобился въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, 25-го марта 1831 года. Свидѣтельницей этого посѣщенія была Дивѣевская старица Евдокія. О. Серафимъ наканунѣ зналъ о благодатномъ посѣщеніи.

Раннимъ утромъ, въ день Благовѣщенія, о. Серафимъ, накрывъ инокиню своею мантіею, сталъ читать каноны и акаѳисты. Затѣмъ сказалъ ей: „Неубойся, не устрашись... Благодать Божія къ намъ является"...

...Сдѣлался шумъ, въ родѣ вѣтра, дверь келліи сама отворилась, засіялъ яркій свѣтъ, полилось благоуханіе, раздалось пѣніе. Трепетъ наполнилъ инокиню. О. Серафимъ упалъ на колѣни и, воздѣвая руки къ небу, произнесъ: „О, преблагословенная Пречистая Дѣва, Владычица Богородица!"

Впереди шли два ангела съ вѣтвями въ рукахъ, усаженными только что расцвѣтшими цвѣтами. Они стали впереди. За ними шли: святый Іоаннъ Предтеча и святый Іоаннъ Богословъ въ бѣлой блистающей одеждѣ. За ними шла Богоматерь и двѣнадцать дѣвъ. На Царицѣ небесной была мантія, какъ пишется на образѣ Скорбящей Божіей Матери, несказанной красоты, застегнутая камнемъ, выложеннымъ крестами. Поручи на Ея рукахъ и епитрахиль, наложенная сверхъ платья и мантіи, были тоже выложены крестами. Она казалась выше всѣхъ дѣвъ. На головѣ Ея сіяла въ крестахъ корона — и глазъ не выносилъ свѣта, озарявшаго ликъ Пречистой. Дѣвы шли за Нею попарно въ вѣнцахъ и были разнаго вида, но всѣ великой красоты. Келлія сдѣлалась просторнѣе, и ея верхъ исполнился огней какъ бы отъ горящихъ свѣчъ. Было яснѣе полудня, свѣтлѣе солнца.

Долго инокиня была въ трепетномъ забытьи. Когда же пришла въ себя, о. Серафимъ стоялъ уже не на колѣняхъ, а на ногахъ предъ Владычицей, и Она говорила съ нимъ какъ съ роднымъ человѣкомъ... Дѣвы сказали инокинѣ свои имена и страданія за Христа. То были великомученицы Варвара и Екатерина, Марина и царица Ирина, Пелагія, Дороѳея и Іуліанія, первомученица Ѳекла, преподобныя Евпраксія и Макрина, мученицы Анисія и Іустина.

Изъ бесѣды Пречистой Владычицы съ о. Серафимомъ инокиня слышала: „Не оставь дѣвъ моихъ (Дивѣевскихъ)“. Старецъ отвѣчалъ: „О, Владычице, я собираю ихъ. Но самъ собою не могу ихъ управить“. Царица небесная сказала: „Я тебѣ, любимиче Мой, во всемъ помогу. Кто обидитъ ихъ, тотъ будетъ пораженъ отъ Меня. Кто по-

Изображеніе преп. Серафима.

(Со старинной гравюры).

служитъ имъ ради Господа, тотъ помяновенъ будетъ предъ Богомъ". Благословляя старца, Владычица произнесла: „Скоро, любимиче Мой, будешь съ нами".

Видѣніе исчезло въ одно мгновеніе. Старецъ говорилъ, что оно продолжалось четыре часа.

Въ послѣдній годъ жизни великій старецъ крайне ослабѣлъ. Онъ не могъ всякій день ходить въ „ближнюю пустыньку" и въ монастырѣ не могъ принимать многихъ. Народъ скорбѣлъ о томъ, и многимъ, чтобъ видѣть старца, приходилось подолгу жить въ гостинницѣ монастырской, чтобъ насладиться благоуханіемъ его послѣднихъ бесѣдъ. Все такъ же сіяли въ старцѣ дивные дары его: прозорливость, даръ исцѣленій.

Замѣчательна одна изъ послѣднихъ бесѣдъ старца, которую онъ имѣлъ съ помѣщикомъ Богдановымъ за недѣлю до своего конца. Въ день Рождества Богдановъ очень рано пришелъ въ пустую еще церковь и увидѣлъ, что о. Серафимъ сидѣлъ на полу праваго клироса. Онъ послѣ обѣдни попросилъ назначить ему время для бесѣды. На эту просьбу старецъ отвѣтилъ: „Времени не надо назначать; святой апостолъ Іаковъ, братъ Божій, поучаетъ: аще Господь восхощетъ, и живы будемъ, сотворимъ сіе и сіе". Въ тотъ же день, приготовивъ вопросы, уяснить которые онъ желалъ мнѣніемъ старца, онъ пришелъ къ нему въ келлію, и о. Серафимъ согласился бесѣдовать съ нимъ. Все время бесѣды онъ стоялъ, опершись на дубовый гробъ, и держалъ въ рукахъ горящую восковую свѣчу. На вопросъ — продолжать ли службу, или жить въ деревнѣ, старецъ отвѣтилъ: „Ты еще молодъ—служи. Добро дѣлай. Путь Господенъ все равно. Врагъ вездѣ съ тобой будетъ. Кто прі-

общается, вездѣ спасенъ будетъ. А кто не пріобщается—не мню“.

На вопросъ, учить ли дѣтей языкамъ и прочимъ наукамъ, старецъ отвѣтилъ: „Что же худого знать что-нибудь?“ Въ то же время въ Богдановѣ мелькнула мысль, что самому надо быть ученымъ, чтобъ отвѣчать на это. А прозорливый старецъ тотчасъ молвилъ: „Гдѣ мнѣ, младенцу, отвѣчать на это противъ твоего разума? Спроси кого поумнѣй“.

На вопросъ, должно ли лѣчиться въ болѣзняхъ, старецъ сказалъ: „Болѣзнь очищаетъ грѣхи. Однако же воля твоя. Иди среднимъ путемъ. Выше силъ не берись. Упадешь, и врагъ посмѣется тебѣ. Вотъ, что дѣлай: укоряютъ—не укоряй. Гонятъ—терпи. Хулятъ—хвали. Осуждай самъ себя, такъ Богъ не осудитъ. Покоряй волю свою волѣ Господней. Никогда не льсти. Познавай въ себѣ добро и зло: блаженъ человѣкъ, который знаетъ это. Люби ближняго твоего—ближній твой плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь. А если по Божьему, то обоихъ спасешь. Эти подвиги больше, чѣмъ въ Кіевъ идти“.

На вопросъ, надо ли, для поддержанія своего званія, вовлекаться въ издержки, превышающія достатки человѣка, старецъ сказалъ: „Кто какъ можетъ. Лучше, чѣмъ Богъ послалъ. Хлѣба и воды довольно для человѣка“. На вопросъ, должно ли угожденіе людямъ доходить до несогласія съ волею Божіею, старецъ отвѣтилъ: „За эту любовь многіе погибли. Аще кто не творитъ добра, тотъ и согрѣшаетъ. Надобно любить всѣхъ, а больше всего—Бога“. На вопросъ о томъ, какъ управлять подчиненными, о. Серафимъ отвѣтилъ: „Милостями, облегченіемъ трудовъ,

а не ранами. Напой, накорми, будь справедливъ. Аще Богъ прощаетъ, и ты прощай“. Затѣмъ старецъ говорилъ: „Что облобызала и приняла святая Церковь, все для сердца христіанина должно быть любезно. Не забывай праздничныхъ дней. Будь воздерженъ, ходи въ церковь, развѣ немощи когда. Молись за всѣхъ: много этимъ добра сдѣлаешь. Давай свѣчи, вино и елей въ церковь. Милостыня много тебѣ блага сдѣлаетъ“. На вопросъ о дѣвствѣ и бракѣ, старецъ сказалъ: „И дѣвство славно, и бракъ благословенъ Богомъ. Только врагъ смущаетъ все“.

Богдановъ спросилъ, можно ли ѣсть скоромное по постамъ, если кому постная пища вредна, и врачи требуютъ, чтобъ ѣли скоромное. На это старецъ отвѣтилъ: „Хлѣбъ и вода никому не вредны. Какъ же люди по сту лѣтъ жили? Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ... А что Церковь положила на семи Вселенскихъ соборахъ, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавитъ. Что врачи говорятъ про праведныхъ, которые исцѣляли отъ гніющихъ ранъ однимъ прикосновеніемъ? „Чѣмъ истребить гордость и пріобрѣсть смиреніе?“—спросилъ Богдановъ.—Молчаніемъ, отвѣчалъ старецъ. Молчаніемъ большіе грѣхи побѣждаютъ. Прощаясь съ Богдановымъ, старецъ благодарилъ его „за посѣщеніе его убожества“ и хотѣлъ поцѣловать ему руку, кланяясь все ему до земли; надѣлилъ его сухариками, прося раздать ихъ его подчиненнымъ. Старецъ говорилъ на этотъ разъ чрезвычайно поспѣшно. Не успѣвалъ Богдановъ прочесть записанный на бумажкѣ вопросъ, какъ уже слѣдовалъ отвѣтъ.

То, что сказано старцемъ въ этой бесѣдѣ, представляетъ собою правила жизни для мірянина, идущаго сред-

нимъ путемъ—безъ особыхъ подвиговъ, но не забывающаго о Богѣ.

Свидѣвшись съ истиннымъ подвижникомъ, старцемъ Тимономъ, котораго не видалъ 20 лѣтъ, о. Серафимъ говорилъ ему: „Сѣй, отецъ Тимонъ, сѣй, всюду сѣй данную тебѣ пшеницу. Сѣй на благой землѣ, сѣй и на пескѣ, сѣй на камени, сѣй при пути, сѣй и въ терніи. Все гдѣ нибудь да прозябнетъ и возрастетъ, и плодъ принесетъ, хотя и не скоро". Благословляя при прощаніи исцѣленную имъ за пять мѣсяцевъ до кончины монахиню, которая спрашивала его, можетъ ли она надѣяться еще увидать его, старецъ, указывая рукою на небо, сказалъ: „тамъ увидимся. Тамъ лучше, лучше, лучше!"

Отецъ Серафимъ сталъ готовиться къ концу. Онъ все рѣже и рѣже выходилъ въ пустыньку, все менѣе принималъ у себя. Его нерѣдко видали въ сѣняхъ. Онъ сидѣлъ у приготовленнаго имъ для себя гроба и размышлялъ о смерти и загробной участи. Часто онъ горько плакалъ. Теперь, прощаясь со многими, старецъ утвердительно говорилъ: „Мы не увидимся болѣе съ вами". Когда нѣкоторые говорили о своемъ желаніи пріѣхать въ Саровъ великимъ постомъ, старецъ отвѣчалъ: „Тогда двери мои затворятся. Вы меня не увидите". Старецъ все былъ бодръ,—но, видимо, жизненная сила догорала. „Жизнь моя сокращается, говорилъ онъ нѣкоторымъ, духомъ я какъ бы сейчасъ родился. А тѣломъ по всему мертвъ".

Въ августѣ, за четыре мѣсяца до конца о. Серафима, вновь назначенный въ Тамбовъ преосвященный Арсеній, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій, былъ въ Саровѣ и посѣтилъ о. Серафима. Старецъ поднесъ архіерею въ подарокъ четки, пукъ восковыхъ свѣчъ, обернутыхъ въ

холстину, бутылку деревяннаго масла и шерстяные чулки. Затѣмъ отдѣльно онъ принесъ ему бутылку краснаго церковнаго вина. Все это означало, что старецъ проситъ по смерти своей поминать себя... Свѣчи, масло и вино, сбереженныя преосвященнымъ, были употреблены на ту литургію, которую онъ совершилъ о упокоеніи старца, когда получили извѣстіе о кончинѣ его. А прочіе предметы преосвященный оставилъ у себя. Отецъ Серафимъ приказалъ послать нѣкоторымъ лицамъ письма, приглашая ихъ поспѣшить пріѣздомъ. Также поручилъ передать разнымъ другимъ лицамъ, которыя не могли пріѣхать, нужныя для нихъ наставленія. „Сами-то они меня не увидятъ",— объяснялъ старецъ.

Передъ новымъ годомъ старецъ отмѣрилъ себѣ могилу у алтаря Успенскаго собора, на мѣстѣ, на которомъ когда-то, выйдя изъ затвора, положилъ камень. Какъ-то въ эту пору одинъ инокъ, изумляясь жизни о. Серафима, спросилъ его: „Почему мы, батюшка, не имѣемъ такой строгой жизни, какую вели древніе подвижники благочестія?"

— Потому, отвѣчалъ о. Серафимъ, что не имѣемъ къ тому рѣшимости. Еслибъ рѣшимость имѣли, то и жили бы такъ, какъ отцы, въ древности просіявшіе. Потому что благодать и помощь Божія къ вѣрнымъ и всѣмъ сердцемъ ищущимъ Господа Бога нынѣ та же, какая была и прежде. Ибо, по слову Божію, Іисусъ Христосъ „вчера и днесь, той же и во вѣки". Эти слова можно считать какъ бы печатью жизни отца Серафима.

Да, онъ, въ одномъ человѣческомъ существѣ вмѣстившій столько подвиговъ, на пространствѣ одной жизни соединившій въ себѣ крѣпость, ревность, пылъ какъ бы

многихъ великихъ людей; да, онъ, по правдѣ, доказалъ своею жизнью, что все та же благодать, вдохновлявшая первыхъ великихъ преподобныхъ, воспитавшая величайшихъ мужей Церкви: и теперь, нисколько не оскудѣвъ, пребываетъ въ Церкви, лишь бы искали люди черпать изъ этого источника, только бы имѣли рѣшимость къ Богу одному стремиться, Бога одного желать. Тѣмъ и велико значенiе отца Серафима, что въ его лицѣ завѣтная крѣпость прежнихъ временъ воскресла. Столь же высоко парилъ духъ его, какъ у отцовъ первыхъ христiанскихъ церквей. И потому столь же поразительна, выходя изъ всякихъ обычныхъ рамокъ, была и жизнь его. Вотъ трогательный завѣтъ, переданный старцемъ одной Дивѣевской инокинѣ и, конечно, относящiйся и ко всѣмъ чтущимъ его:

„Когда меня не станетъ, ходите, матушка, ко мнѣ на гробикъ. Ходите, какъ вамъ время есть. И чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Все, что ни есть у васъ на душѣ, все, о чемъ ни поскорбите, что ни случилось бы съ вами — со всѣмъ придите ко мнѣ на гробикъ. Да, припавъ къ землѣ, какъ къ живому, и разскажите. И услышу васъ, и скорбь ваша пройдетъ. Какъ съ живымъ, со мной говорите. И всегда для васъ живъ буду“. Сестеръ Дивѣевскихъ старецъ поручалъ заступленiю Царицы Небесной.

Наступилъ первый день 1833 года, пришедшiйся на воскресенiе. Отецъ Серафимъ прiобщился за ранней обѣдней въ дорогомъ ему храмѣ Соловецкихъ чудотворцевъ. И, чего не дѣлалъ раньше, обошелъ всѣ иконы, прикладываясь ко всякой и ставя свѣчи. Послѣ службы онъ простился со всѣми молившимися монахами, благословилъ, поцѣловалъ и говорилъ: „Спасайтесь, не унывайте, бодр-

ствуйте, днесь намъ вѣнцы готовятся!" Три раза въ этотъ день старецъ выходилъ на мѣсто, назначенное для погребенія его, и долго смотрѣлъ въ землю. Вечеромъ было слышно, какъ онъ въ келліи своей поетъ пасхальныя пѣсни.

Въ концѣ ранней литургіи 2-го января отецъ Серафимъ былъ найденъ въ своей келліи почившимъ въ молитвенномъ колѣнопреклоненномъ положеніи. Старца схоронили на выбранномъ имъ мѣстѣ у стѣны Успенскаго собора, въ приготовленномъ имъ задолго до смерти дубовомъ гробѣ. На грудь, по его завѣщанію, положили ему финифтяное изображеніе преподобнаго Сергія. Впослѣдствіи надъ гробомъ его поставленъ тяжелый памятникъ. Въ недавнее время вокругъ могилы устроена часовня со стеклянными стѣнами. Тамъ размѣщены большія картины, изображающія старца кормящимъ медвѣдя, старца у ближней пустыньки, блаженную кончину старца и благодатное посѣщеніе его Пресвятою Богородицею.

Келлія его въ послѣдніе годы обведена храмомъ, въ которомъ она служитъ алтаремъ. Обѣ „пустыньки" — избы изъ ближней и дальней пустынекъ перенесены въ Дивѣевъ. Въ одной изъ нихъ устроенъ алтарь, гдѣ хранятся разные предметы, принадлежавшіе отцу Серафиму. Въ другой, на память о старцѣ, раздаютъ кусочки ржаного хлѣба, какъ дѣлалъ это онъ самъ. Камень, на которомъ старецъ Серафимъ молился тысячу ночей, былъ разобранъ по кусочкамъ богомольцами на благословеніе. Отъ него остался лишь небольшой кусокъ. Во многихъ русскихъ благочестивыхъ семьяхъ можно встрѣтить обломки этого камня съ изображеніемъ на нихъ молящагося колѣнопреклонно на камнѣ, съ воздѣтыми руками,

отца Серафима. Что-то трогающее до слезъ, привязывающее сердце какою-то невыразимою властью есть въ существѣ дивнаго старца. Счастливъ, кто будетъ призывать его! Справедливъ отзывъ о немъ „великаго архіерея Божія“ архіепископа Антонія Воронежскаго: „Онъ, какъ пудовая свѣча, всегда горитъ предъ Господомъ, какъ прошедшею своею жизнію на землѣ, такъ и настоящимъ дерзновеніемъ предъ Святою Троицею“.

Немногіе праведники прославлялись столь скоро послѣ кончины своей, какъ о. Серафимъ. Всѣ эти 70 лѣтъ, отдѣляющія насъ отъ дня его преставленія — полны проявленіями его жизни, его любви и состраданія. Вотъ нѣкоторыя изъ чудесъ старца.

Изъ письма П. И. Архипова изъ Москвы отъ 7-го октября 1869 года: „Приношу мою искреннюю благодарность за присылку женѣ моей Маріи Николаевнѣ образа на финифти съ изображеніемъ Богоматери и о. Серафима, молящагося предъ нею. Образъ этотъ врученъ былъ во время тяжкой болѣзни утромъ пришедшею монахинею. Жена моя за нѣсколько времени предъ этимъ видѣла во снѣ, или даже на яву—ибо она была въ безпамятствѣ,—что о. Серафимъ хлопоталъ и заботился около нея, обливая ее теплою водою. Когда же она опомнилась, то вся была въ поту. Тутъ ей дали присланный вами образъ, и съ сей минуты она начала выздоравливать, тогда какъ злая горячка, вмѣстѣ съ пузырчатою рожей, совершенно свели ее, было, въ могилу. Я и каждый изъ членовъ моего семейства свидѣтельствуемъ, что молитва преподобнаго о. Серафима велика предъ Богомъ. Много,

много было съ нами чудныхъ случаевъ, увѣрившихъ насъ въ его предъ Богомъ заступленіи".

Письмо Маріи Григорьевны Сабуровой:

„Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь: Я удостоилась во время сильной тифозной горячки видѣть угодника Божія о. Серафима въ видѣніи, будто бы я пришла въ Саровскую пустынь, и старецъ о. Серафимъ послалъ меня въ Дивѣевскую обитель. И, когда въ видѣніи представилась пустынь, въ ней недоконченный храмъ, а на воздухѣ надъ храмомъ я увидѣла икону Божіей Матери: святой отецъ Серафимъ сказалъ мнѣ отъ имени Царицы небесной, что я буду жива, болѣзнь моя не къ смерти. Старецъ еще сказалъ: „и ныньче у васъ траура не будетъ, а въ будущемъ 1869 году будетъ трауръ". Это видѣніе тутъ же, не пришедши еще въ сознаніе, я разсказала всѣмъ присутствующимъ, а, опамятовавшись, опять повторила видѣніе. Все, что я видѣла, исполнилось. И трауръ въ нашемъ семействѣ случился неожиданный чрезъ десять мѣсяцевъ. Братъ моего мужа, молодой человѣкъ, камергеръ Николай Дмитріевичъ Сабуровъ умеръ заграницей. Въ видѣнномъ подписываюсь: М. Г. Сабурова. Свидѣтельницами при этомъ видѣніи были: А. М. Языкова, Т. С. Узнанская, В. Г. Языкова".

Марѳа Толстова, крестьянка Пензенскаго уѣзда, села Заянчкаго, 50 лѣтъ отъ роду, была совершенно слѣпая 14 лѣтъ и видѣла во снѣ старичка, повелѣвшаго ей побывать въ Саровѣ, гдѣ она получитъ исцѣленіе. – Взгляни на меня! говоритъ ей старецъ во снѣ, и она ясно различала его. „Поди, приказалъ онъ, на Серафимовъ источникъ, умойся, и, взявъ изъ него воды, подымись на гору, до камня; нагнувшись, помочи глаза и исцѣлишься

отъ слѣпоты". 29-го іюня 1873 г. исполнилось все сказанное, она въ Саровѣ прозрѣла.

Въ октябрѣ 1874 года было получено въ Дивѣевѣ письмо Нижегородской помѣщицы Каратаевой: она просила прислать масла изъ лампадки отъ образа о. Серафима. Это масло, привезенное изъ Дивѣева, давала ей ея двоюродная сестра княгиня Чегодаева, и оно излечило Каратаеву отъ сильнѣйшаго ревматизма.

Княгиня А. С. Кугушева писала Дивѣевской игуменіи Маріи: „вы не можете себѣ представить, какое страданіе я выносила. Ухо мое и челюсть моя до того разболѣлись, что я ночи не спала и не могла уложить голову, чтобъ успокоиться. Одно благодѣтельное средство — это полотенчико батюшки Серафима. Едва уложу его на больное мѣсто, какъ успокоится боль, и я засну".

Письмо къ Дивѣевской игуменіи, матери Маріи, В. С. Волкова: „Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ. 17-го числа сего мѣсяца въ моей семьѣ совершилось, по молитвамъ батюшки о. Серафима, чудное по мгновенію своему исцѣленіе трехлѣтней внучки моей Ольги, которая, будучи весела и играя, вдругъ впала въ изнеможеніе, глаза ея помутились, она смотрѣла дико, какъ умалишенная, руки ея были сведены, и на дѣлаемые ей вопросы, такъ какъ языкъ у нея отнялся, не могла отвѣчать. Мать ея прибѣжала ко мнѣ въ слезахъ, растерянная и какъ сумашедшая, прося меня дать ей чего нибудь святого. Я немедленно велѣлъ принести водицы изъ источника отца Серафима и полученные мною отъ васъ, въ память его раздаваемые, сухарики, далъ моей больной, которая, сдѣлавъ глотка три водицы, тотчасъ пришла въ себя и стала говорить. А когда съѣла три размоченныхъ въ той же

водѣ сухарика, то глаза ея и руки приняли свой постоянный видъ и она начала смѣяться и играть, и по сіе время здорова.

Протоіерей Арзамасскаго собора Свѣтозарскій писалъ въ Дивѣево 26 апрѣля 1873 г.: „Со второй недѣли минувшаго поста постигло меня посѣщеніе Божіе тяжкою простудою, отъ которой возникла нестерпимая боль внутри. На четвертой недѣлѣ она усилилась до такой степени, что я ожидалъ себѣ конца. Съ 16 марта на 17-е въ часу первомъ по полуночи самъ предсталъ угодникъ Божій видимо предъ моею кроватью и на колѣночкахъ питалъ меня какою-то сладкою пищею, въ родѣ пирожковъ. Приказалъ мнѣ сейчасъ же читать акаѳистъ Божьей Матери, который я зналъ изустно. Я читалъ твердо, а о. Серафимъ продолжалъ свое дѣло меня кормить и вдругъ исчезъ, послѣ чего въ одинъ моментъ болѣзнь моя уничтожилась".

И какъ обаятельно-милостивъ, ласковъ, заботливъ великій старецъ въ такихъ явленіяхъ своихъ. И какіе теперь потоки потекутъ отъ его благодѣяній, знаменій, исцѣленій!

Дивный старецъ Серафимъ, помогай намъ!

Кончина праведныхъ и послѣдніе дни земной жизни старца Серафима.

(2-го января 1833—1903 гг.).

Смерть, представляющаяся ужасомъ, жестокою, роковою гостьею для людей, живущихъ по „образу міра", забывшихъ о Богѣ и равнодушныхъ къ вѣчности: эта же

смерть желанна для человѣка, жившаго чистою духовною жизнію, считавшаго себя на землѣ гостемъ на краткое время и ожидавшимъ конца земного своего бытія, какъ начала блаженной и ликующей вѣчности. Развѣ земная жизнь для христіанина не кажется временемъ печальнаго изгнанія, а смерть—возвращеніемъ въ отчизну, освобожденіемъ отъ тяжкаго плѣна земли? Кто изъ людей, хотя бы временами не угнетавшій въ себѣ духа, хотя бы лишь порывами жившій духовною жизнію, не ощущалъ въ себѣ этой невыразимой тоски по небу, этой глубокой неудовлетворенности землею съ ея ничтожными радостями, въ самомъ веселіи которыхъ слышится грусть.

И если мірскіе люди въ лучшія свои минуты тоскуютъ по небу, — то какъ велика должна быть эта тоска въ Божьихъ избранникахъ, какъ сильно ихъ желаніе вернуться къ Богу. Невольно вспоминаются эти ясно выраженные въ жизни людей Божьихъ не ослабѣвающіе порывы къ иной жизни.

„Желаніе имѣю разрѣшиться (отъ узъ плоти), восклицаетъ божественный Павелъ, и со Христомъ быть!“

Это желаніе, этотъ призывъ Бога и мольба взять къ Себѣ поскорѣе душу слышится въ акаѳистѣ преосвященнаго Иннокентія Херсонскаго Животворящимъ Таинствамъ Христовымъ, въ заключительныхъ восклицаніяхъ икосовъ: „Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ собою на вѣки!“

Оно звучитъ въ заключительныхъ словахъ „молитвы честному кресту“, гдѣ говорится о небесной жизни: „прославлю самымъ лица зрѣніемъ Вѣрованнаго, одержаніемъ Чаяннаго, и наслажденіемъ—Любимаго, единаго въ Троицѣ Бога, славимаго въ безконечные вѣки“. Достигши выс-

шихъ ступеней духовности, знаменитый подвижникъ, старецъ Парѳеній Кіевскій, съ нетерпѣніемъ и радостью ожидая дня смерти, сидя у давно приготовленнаго имъ для себя гроба, говорилъ съ восторгомъ о томъ, какъ душа, покинувъ тѣло, просіяетъ, какъ солнце, и будетъ съ удивленіемъ смотрѣть на свою смрадную темницу; а смерть этотъ человѣкъ называлъ „возвращеніемъ отъ земного, бѣдственнаго, многоплачевнаго, скучнаго, прискорбнаго и болѣзненнаго странничества въ небесное, любимое, блаженное, покойное, всевеселящее, немерцающее, безсмертное, некончаемое, вѣчное и неизреченное отечество“.

Есть замѣчательное произведеніе искусства, съ чрезвычайною силою выражающее это стремленіе святыхъ душъ къ Богу и радость „соединенія съ Нимъ на вѣки“. Это картина „Преддверіе рая“ Васнецова, помѣщенная по поясу купола въ Кіевскомъ Князе-Владимірскомъ соборѣ. Тамъ множество святыхъ со стремительностью летятъ къ открывшемуся для нихъ блаженству. И среди различнаго проявленія торжества, радости, ликованія это чувство стремительности составляетъ главную черту картины. „Желаніе имый разрѣшитися“: то есть — пылаю, сгораю жаждою Христа.

И вотъ отчего смерть людей, столь убѣжденныхъ въ наслѣдіи вѣчности: и для нихъ самихъ, и для тѣхъ, кто видитъ ее, или только слышитъ, представляется великимъ духовнымъ торжествомъ. Вотъ отчего эти дни становятся по церковномъ прославленіи такихъ людей праздниками.

„Смерть грѣшника люта“ — и, думается, рѣдко въ жизни можно встрѣтить что-нибудь ужаснѣе смерти человѣка, во время земной своей жизни не думавшаго о вѣчности, когда эта вѣчность, теперь несомнѣнная и какъ

бы осязательная, открывается предъ нимъ. Эта борьба противъ смерти, вопли: „я жить хочу!“ это какъ бы хватаніе за жизнь съ безумной надеждой удержать ее, укрыться въ нее отъ надвигающихся видѣній по-ту-сторонней жизни: есть одно изъ печальнѣйшихъ зрѣлищъ, какія даетъ извращеніе человѣкомъ своей божественной природы, и одно изъ самыхъ яркихъ, бьющихъ доказательствъ безсмертія души и вѣчности.

Но какъ спокойна, ясна кончина праведныхъ! Умираніе ихъ тѣла подобно тихому паденію съ вѣтки на мягкую мураву сочнаго, созрѣвшаго плода. Въ большинствѣ случаевъ оно вовсе безболѣзненно, или если даже острая болѣзнь разрушала организмъ: тихи предсмертные часы праведника.

Не безполезно, по слову Апостола, „взирая на скончаніе жительства“ праведниковъ, „поминать вѣру ихъ“, и мы, прежде чѣмъ перейти къ повѣствованію о блаженной кончинѣ старца Серафима Саровскаго, припомнимъ обстоятельства кончины нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ.

Нельзя безъ глубокаго волненія читать о кончинѣ святителя Димитрія Ростовскаго. Этотъ великій подвижникъ, оставившій своему народу величайшее духовное сокровище—Четью-Минею—и не одинъ только свой вѣкъ, но и послѣдующія времена огласившій „пастырскою свирѣлью богословствованія своего“, своими дивными проповѣдями, еще не въ старыхъ для его сана лѣтахъ, тихо догоралъ въ суровомъ климатѣ Ростова, вдали отъ родной, теплой Украйны съ ея задумчивыми тополями, съ пронзительнымъ свѣтомъ ея звѣздъ... Непосильные труды, за всю жизнь напряженіе силъ душевныхъ, наконецъ,

множество огорченій изнурили силы святителя. Но изъ слабѣющихъ рукъ перо, подъ этою рукой написавшее столько вдохновенныхъ страницъ, не выпадало до послѣдняго дня. Еще 27-го октября 1709 года онъ пишетъ старому собесѣднику своему иноку Өеологу: „По истинѣ возвѣщаю ти, яко немоществую. До чего ни примусь, все изъ рукъ падетъ. Дни мнѣ стали темны, очи мало видятъ, въ нощи свѣтъ свѣщный мало способствуетъ, паче же вредитъ. А недугованіе заставляетъ лежать да стонать". Вечеромъ того же дня митрополитъ велѣлъ позвать своихъ пѣвчихъ. Онъ сидѣлъ у печи и грѣлся, а пѣвчимъ велѣлъ пѣть сложенные имъ канты: „Іисусе мой прелюбезный, надежду мою въ Богѣ полагаю, Ты мой Богъ Іисусе, Ты моя радосте".—Послушавъ пѣнія, митрополитъ отпустилъ пѣвчихъ и удержалъ только преданнѣйшаго ему пѣвчаго „и усерднѣйшаго въ трудахъ ему помощника", „бѣльца" Савву Яковлева, который былъ переписчикомъ на бѣло его сочиненій:—трудъ по тому времени не малый. Очевидно, святителю хотѣлось имѣть въ ту минуту около себя живую душу, подѣлиться своими мыслями, воспоминаніями. И сталъ митрополитъ Димитрій разсказывать бѣльцу Яковлеву о своей юности среди благословенной Украйны, о порывахъ къ Богу, о молодомъ рвеніи къ молитвамъ, и заключилъ свой разсказъ словами: „И вы, дѣти, такожде молитесь!" Наконецъ, святитель отпустилъ пѣвчаго словами: „Время и тебѣ, чадо, отойти въ домъ твой". Онъ благословилъ его, и, провожая его, въ видѣ благодарности за переписку сочиненій, поклонился ему почти до земли. Яковлевъ былъ очень смущенъ, а святитель произнесъ послѣднія слышанныя отъ него на землѣ слова благодарности: „Благодарю тя,

Кончина преподобнаго Серафима.

(Со старинной гравюры).

чадо!" и вернулся къ себѣ въ келью, а пѣвчій расплакался и ушелъ. Отпустивъ служителей, митрополитъ Димитрій вошелъ въ особую келью, гдѣ онъ обыкновенно молился. На слѣдующее утро онъ былъ найденъ почившимъ въ колѣнопреклоненной молитвѣ.

Величественна была кончина кроткаго митрополита Кіевскаго Филарета, который прощался съ духовенствомъ, передавалъ для доставленія государю послѣднія привѣтствія любви и послѣднія благословенія.

Митрополиту Московскому Филарету незадолго до конца явился отецъ его во снѣ и сказалъ ему: „Береги 19-е число". Насталъ воскресный день 19-го ноября 1867 года, и митрополитъ въ домашней церкви своей совершилъ литургію, по замѣчанію окружающихъ, особенно бодро и вдохновенно. Чрезъ нѣсколько часовъ онъ былъ бездыханенъ.

Въ 1857 году сталъ быстро угасать знаменитый проповѣдникъ архіепископъ Херсонскій Иннокентій. Но онъ не бросалъ занятій. Наканунѣ смерти выѣзжалъ, читалъ корректуру сочиненія своего: „Послѣдніе дни земной жизни Спасителя". Насталъ Троицынъ день, 26-го мая. Онъ всталъ въ 5-мъ часу, прошелся по комнатѣ, поддерживаемый служителями, затѣмъ прилегъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ велѣлъ приподнять себя и тихо скончался колѣнопреклоненный на рукахъ двухъ келейниковъ.

Въ Пензѣ 10-го октября 1819 года на 36-мъ году отъ роду почилъ праведный епископъ Иннокентій, пострадавшій за свою православную ревность во время господствовавшаго тогда и поддерживаемаго министромъ духовныхъ дѣлъ княземъ А. Н. Голицинымъ протестант-

скаго направленія. Въ ночь предъ кончиною онъ позвалъ къ себѣ келейника и сказалъ ему: „Какое дивное видѣніе мнѣ представилось! Казалось мнѣ, что небеса отверзлись. Двое свѣтлыхъ юношей въ бѣлыхъ одеждахъ, слетѣвъ съ высоты, предстали предо мной и, съ любовію смотря на меня, взяли меня, немощнаго, и вознесли съ собою на небо. Сердце мое исполнилось несказанной радости, и я пробудился“.

10-го октября утромъ онъ просилъ пособоровать его и, напрягая послѣднія силы, повторялъ молитвы и нѣсколько подымался при помазаніи елеемъ. Потомъ языкъ сталъ нѣмѣть, дыханіе прерываться, онъ крестообразно сложилъ руки на груди; окружающіе развели ихъ, чтобъ не затруднять дыханія, но онъ опять сложилъ ихъ крестомъ. Предъ самымъ концомъ одинъ изъ окружающихъ сталъ читать псалмы. При словахъ: „Азъ къ Богу воззвахъ, и Господь услыша мя“,—капли слезъ выкатились изъ глазъ умирающаго; на словахъ же: „Азъ же, Господи, уповаю на Тя“, — преосвященный Иннокентій вздохнулъ въ послѣдній разъ и тихо предалъ духъ Богу.

Прекрасенъ былъ конецъ почившаго 20-го декабря 1846 года архіепископа Воронежскаго и Задонскаго Антонія, одного изъ славныхъ подвижниковъ XIX вѣка, находившагося чрезъ пространство, никогда не видавъ его, въ замѣчательномъ духовномъ общеніи съ великимъ старцемъ Серафимомъ, чему примѣръ увидимъ ниже. Наканунѣ смерти онъ сказалъ плачущему племяннику: „Я еще не умру: мнѣ Божія Матерь сказала, что нужно дѣла кончить“. Проведя ночь въ молитвѣ, архіепископъ Антоній 20-го утромъ назначилъ быть въ 6 часовъ пополудни соборованію, послалъ на почту денежныя письма бѣднымъ

и роздалъ милостыню пришедшимъ къ нему. Викарію своему онъ сказалъ: „Никакого не чувствую страха, желаю разрѣшиться и быть со Христомъ". Сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія, владыка сталъ молиться. Въ 6 часовъ началось торжественное молебствіе, длившееся часъ. Архипастырь сидѣлъ въ креслахъ со свѣчею и самъ прочелъ послѣднюю молитву: „Простите мя, отцы и братія". Благословивъ всѣхъ, онъ перешелъ съ креселъ на кровать. Осѣнивъ обѣими руками, разрѣшилъ всѣхъ, находившихся подъ запрещеніемъ, и отпустилъ затѣмъ всѣхъ присутствующихъ. Чрезъ четверть часа преосвященный сильно постучалъ въ двери, призывая своихъ чадъ, и настала величественная, торжественная минута. Архіепископъ въ послѣдній разъ возложилъ крестообразно руки на головы присутствующихъ; духовникъ сталъ читать отходную; въ руки архипастыря вложили горящую свѣчу; съ окончаніемъ отходной архіепископъ Антоній тихо предалъ духъ Богу.

14-го декабря 1839 года, на 49-мъ году, послѣ 22 лѣтняго затвора, почилъ Сезеновскій затворникъ Іоаннъ, основатель женской Сезеновской обители. Онъ скончался наединѣ. Долго не получая отъ него никакихъ признаковъ жизни, выломали двери кельи, въ которой онъ находился въ затворѣ, и нашли его мертвымъ, у аналоя, предъ иконою Богоматери. Тѣло его было немного наклонено на правый бокъ. Правая рука, стоя на локтѣ, поддерживала голову, а лѣвая лежала на ладони правой. Лицо было обращено къ иконѣ.

Въ ночь на 25 мая 1836 года, на 47 году отъ рожденія, послѣ 17-лѣтняго затвора, скончался знаменитый затворникъ Задонскій Георгій, происходившій изъ дво-

рянскаго рода Машуриныхъ и до 28-ми лѣтняго возраста служившій офицеромъ Лубенскаго гусарскаго полка. Онъ тоже скончался безъ свидѣтелей, и послѣ ранней обѣдни былъ найденъ бездыханнымъ предъ образомъ Всѣхъ Святыхъ и Страшнаго суда, припадшимъ къ землѣ. Лицо его было, какъ живое. Пальцы правой руки, сложенные крестнымъ знаменіемъ, прикасались къ челу.

Старецъ Парѳеній Кіевскій, имѣвшій необыкновенное, умилительное, нѣжное усердіе и дѣтскую любовь къ Богоматери, умеръ въ тотъ самый праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, который онъ особенно любилъ и о которомъ говаривалъ: „Буди благословенъ и преблагословенъ и треблагословенъ день Благовѣщенія Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы“. Въ 1855 году въ этотъ самый праздникъ, совпавшій тогда со страстною пятницею, о. Парѳеній былъ найденъ бездыханнымъ, сидящимъ какъ бы въ глубокой думѣ у дверей келейной своей церкви.

29-го августа 1886 года былъ найденъ въ своей кельѣ почившимъ подвижникъ Иверскаго Валдайскаго монастыря монахъ-молчальникъ Пахомій. Послѣ ранней обѣдни его нашли стоящимъ на колѣняхъ, у изголовья койки; въ рукахъ онъ держалъ четки; лицо его было озарено радостною улыбкой, а глаза сомкнуты.

Велика была святыня смерти этихъ людей. Но еще сильнѣйшее впечатлѣніе производитъ блаженная кончина старца Серафима Саровскаго, одного изъ великихъ избранниковъ Божіихъ. Къ описанію этой кончины мы теперь и перейдемъ.

Жизнь отца Серафима была сплошнымъ вольнымъ мученичествомъ. Съ ранняго возраста вступивъ на путь подвижничества, онъ чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе усиливалъ эти подвиги. Жизнь его была страшною, ежедневною борьбою со врагомъ спасенія. Если онъ и посрамилъ врага силою Божіею, если ни разу не былъ имъ посрамленъ, то побѣда досталась ему страшно дорогою цѣною. Ему пришлось для одолѣнія врага нести величайшіе труды. Постъ столь строгій, что около трехъ лѣтъ въ пустынѣ онъ питался единственно отваромъ горькой травы снитки, тысячедневное и тысяченощное моленіе на камняхъ, затворничество, молчальничество были орудіями, которыми онъ одержалъ побѣду, но орудіями, тяжело, болѣзненно отразившимися на подвижникѣ. Недаромъ вырвалось у него признаніе, что онъ боролся со врагами, какъ „со львами и леопардами". Недаромъ онъ, уже прославленный старецъ, все томилъ себя, не находилъ возможнымъ жить безъ внѣшней муки. Когда его спрашивали, зачѣмъ онъ носитъ на спинѣ тяжелую котомку, набитую пескомъ и каменьями, онъ кратко отвѣчалъ: „Томлю томящаго мя!" Если вдуматься въ эти слова, какое въ нихъ значеніе!

Да, можно сказать, что темное ополченіе дошло въ отношеніи старца до явной видимой борьбы. Такъ, извѣстно, что, когда старецъ неотступнымъ моленіемъ нѣсколькихъ дней вымолилъ одну совершенно погибшую душу, темное полчище нанесло старцу страшную физическую рану, слѣды которой не проходили у него до смерти.

Пришелъ Прохоръ Мошнинъ въ Саровъ молодымъ, стройнымъ, крѣпкимъ, съ прекраснымъ здоровьемъ, обладая чрезвычайною физическою силою. А что представлялъ

онъ собою въ эпоху старчества? Изувѣченный старецъ, согбенный послѣ того, какъ былъ избитъ почти до смерти разбойниками, которые напали на него въ пустынной кельѣ, требуя отъ него денегъ, чего у него не было, и отъ которыхъ онъ не защищался, хотя, по необыкновенной силѣ своей, и могъ бы съ ними справиться. Между лопатками была у него страшная рана, нанесенная ему, какъ выше было сказано, за избавленіе имъ души человѣческой. На ногахъ, отъ долговременнаго стоянія, были неизлѣчимыя раны, и изъ нихъ постоянно текла сукровица... А онъ все продолжалъ „томить томящаго его", отдыхалъ на колѣняхъ, а въ послѣднее время изобрѣлъ мучительный образъ сна, на который нельзя было смотрѣть безъ боли; спалъ, стоя на колѣняхъ, опустивъ голову книзу и поддерживая ее стоящими на локтяхъ руками.

Такова была внѣшняя жизнь его... А нравственная? Къ нему со всѣхъ концовъ Россіи люди несли свое горе, часто безвыходное, свои нравственныя язвы, свое отчаяніе, свои недоумѣнія, свои страданія... Если чей, то именно его слухъ былъ ежеминутно поражаемъ тѣмъ тяжелымъ скорбнымъ стономъ, что стоитъ надъ землей, что вылетаетъ не переставая, сливаясь въ одинъ нескончаемый аккордъ невыразимой грусти, изъ стѣсненной груди страждущаго человѣчества. И все это горе, нужду и страданіе надо было разрѣшать, утѣшать, исцѣлять. Конечно, еслибъ въ о. Серафимѣ не дѣйствовала въ столь сильной степени благодать,—онъ-бы былъ, такъ сказать, нравственно раздавленъ этимъ невыносимымъ грузомъ людского несчастія, на него склонявшагося. И потому лишь онъ могъ, ходя утѣшителемъ среди этой разъярившейся бури человѣческаго несчастія, сохранять ясность духа и не только не

быть подавленнымъ этою мрачною картиною, но смѣло, властно и увѣренно утѣшать людей, указывая имъ путь впередъ, увлекая ихъ мысли къ блаженной вѣчности и врачуя ихъ настоящія язвы елеемъ сладостной надежды: что эта вѣчность для него самого стала какъ будто не только видимымъ взорами маякомъ, не только отвлеченнымъ упованіемъ сердца, но чѣмъ-то какъ-бы уже воспринятымъ и усвоеннымъ, какъ-бы на опытѣ извѣданнымъ и уже неотъемлемымъ.

Представьте себѣ человѣка, который, окруженный грозною бурею, вдругъ почуялъ вѣяніе тишины, еще недоступное его спутникамъ, и успокаиваетъ ихъ предвѣщаніемъ близкаго умиренія стихій. То же было и съ о. Серафимомъ. Ему уже на землѣ приходилось не разъ какъ бы залетать въ жизнь небесную, и потому онъ могъ говорить о ней съ такою увѣренностью.

Но, какъ бы ни безмѣрна была благодать, сіявшая надъ крестоноснымъ путемъ этого удивительнаго человѣка, труденъ, невыразимо тяжелъ былъ его путь. И болѣе чѣмъ кто-нибудь онъ имѣлъ право чувствовать усталость отъ жизни и желать „во блаженномъ успеніи вѣчнаго покоя". Конечно, то бы не былъ покой въ нашемъ грубомъ, житейскомъ смыслѣ, а лишь огражденность отъ бѣдствій и трудовъ земли и восхожденіе на все высшія и высшія степени жизни духовной въ созерцаніи Божества. То, чтó ему временами такъ полно открывалось— ему, видѣвшему воочію человѣческій образъ Христа, грядущаго съ силою и славою многою, и Царицу небесъ, и святыхъ церкви — должно было стать для него постояннымъ видѣніемъ. — И кто какъ не онъ съ нетерпѣніемъ долженъ былъ ждать этой встрѣчи на вѣчность съ Тѣмъ,

Кому онъ отдалъ всякое дыханіе своей жизни; кто, какъ не онъ, долженъ былъ рваться „прославить самымъ лица зрѣніемъ Вѣрованнаго, одержаніемъ—Чаяннаго и наслажденіемъ — Любимаго“.

Одно могло еще удерживать старца на землѣ: великость его любви къ человѣчеству, — той любви, что горѣла въ немъ всегда такимъ горячимъ пламенемъ и къ концу его жизни охватила его существо какимъ-то стихійнымъ, бурнымъ пожаромъ. Но предчувствіе говорило ему, что за смертью земною дѣло его любви не прекратится, и что такъ-же близокъ, и много ближе еще, и скорѣе къ слышанію будетъ онъ для всякаго, кто придетъ къ нему съ утѣсненнымъ сердцемъ.

Какъ велико должно было быть въ послѣдніе годы его жизни устремленіе великой души старца Серафима къ небесной отчизнѣ! Съ дѣтства не имѣвъ иной мысли, кромѣ мысли о Богѣ, проведя всю жизнь въ непрестанной бесѣдѣ съ „чаемымъ“ Богомъ, какъ онъ долженъ былъ ненасытимо желать, наконецъ, увидѣть Его, прійти къ Нему навсегда. То великое видѣніе, то общеніе съ небожителями, какое дано ему было во время посѣщенія его 25-го марта 1831 года Царицею Небесною, проведшею, по преданію, нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ съ нимъ и простившеюся съ нимъ словами: „Скоро, любимиче Мой, будешь съ нами“, — должно было еще болѣе распалить желаніе дивнаго старца „разрѣшиться и со Христомъ быть“.

Таково должно было быть, насколько грѣшные люди могутъ догадываться о сокровеннѣйшихъ движеніяхъ избраннѣйшихъ, святыхъ душъ: таково должно было быть душевное состояніе старца Серафима въ послѣднее время его земной жизни.

Надо удивляться, сколько бодрости было еще въ тѣлѣ страшно изнуреннаго 72-лѣтняго старца, который еще раньше смерти чувствовалъ, что физически онъ уже мертвъ. „Тѣломъ я по всему мертвъ, сказалъ онъ какъ-то, а духомъ точно сейчасъ родился“.

Мысль о близкой смерти — близкой уже потому, что онъ почти дошелъ до обыкновеннаго предѣла человѣческой жизни, вступивъ въ восьмой десятокъ, приводила его въ восхищеніе. Какъ-то одна монахиня, приходившая въ Саровъ навѣстить его, спросила его, прощаясь съ нимъ, когда они увидятся. „Тамъ увидимся!“—сказалъ ей прозорливый старецъ; и, подымая руки къ небу, воскликнулъ: „тамъ лучше, лучше, лучше!“

Онъ не оглядывался уже на землю. Уже родственныя связи для него не существовали, и онъ какъ бы былъ въ томъ состояніи небожителей, въ которомъ все земное одинаково дорого, безъ всякихъ пристрастій; дорого лишь постольку, поскольку нуждается въ помощи небожителя, но не захватываетъ его, не подчиняетъ и не привязываетъ его къ себѣ.

Одинъ заѣхавшій къ старцу за благословеніемъ офицеръ спросилъ старца, такъ какъ направлялся на его родину, въ Курскъ, не прикажетъ ли онъ передать какого нибудь порученія его курскимъ роднымъ. Въ отвѣтъ на это предложеніе старецъ подвелъ молодого человѣка къ иконамъ и, съ улыбкою любви глядя на нихъ, сказалъ, указывая на нихъ рукою: „Вотъ мои родные. А для земныхъ родныхъ я живой мертвецъ“.

Уже много десятилѣтій въ сѣняхъ при кельѣ отца Серафима стоялъ дубовый гробъ, сдѣланный его собственными руками, такъ какъ онъ былъ искусенъ въ столяр-

номъ дѣлѣ, и давно было имъ отмѣчено тяжелымъ камнемъ мѣсто, избранное имъ для могилы, у алтарной стѣны. Слишкомъ за годъ до смерти отецъ Серафимъ началъ прощаться съ посѣщавшими его почитателями, и говорилъ имъ: „Скоро двери убогаго Серафима затворятся, и меня болѣе не увидите". Къ нѣкоторымъ онъ приказалъ написать письма, чтобы пріѣхали проститься съ нимъ. На письма другихъ, просившихъ его совѣта и благословенія повидаться съ нимъ, диктовалъ устные отвѣты, не распечатывая писемъ, и говорилъ, что болѣе не увидится съ этими людьми.

Какъ-то, говоря въ ближней пустынькѣ съ одною дивѣевскою старицею, старецъ пришелъ отъ представленія чаемаго блаженства въ восторгъ. Онъ всталъ на ноги, воздѣлъ руки и, смотря на небо, говорилъ: „Какая радость, какой восторгъ объемлютъ душу праведника, когда ее срѣтаютъ ангелы и представляютъ предъ лице Божіе!" Старецъ много думалъ о томъ, что инокини дивѣевскія останутся послѣ смерти его безъ опоры и поддержки, и говорилъ: „Я силами ослабѣваю. Живите теперь однѣ. Оставляю васъ. Искалъ я вамъ матери, искалъ—и не могъ найти. Послѣ меня никто вамъ не замѣнитъ меня. Оставляю васъ Господу и Его Пречистой Матери".

Нерѣдко старецъ, сидя въ сѣняхъ у своего гроба, размышлялъ о загробной жизни. Земной его путь казался ему столь несовершеннымъ, что онъ горько плакалъ. Кто то въ концѣ 1832 года спросилъ его: „Почему мы не имѣемъ строгой жизни древнихъ подвижниковъ?" На это старецъ далъ отвѣтъ, который объясняетъ всю его удивительную жизнь, прямо неимовѣрную для вѣка, въ который онъ жилъ:

— „Потому не имѣемъ, что не имѣемъ рѣшимости. А благодать и помощь Божія вѣрнымъ и всѣмъ сердцемъ ищущимъ Господа нынѣ та же, какая была и прежде — и мы могли бы жить, какъ древніе отцы. Ибо, по слову Божію, Іисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки“.

Вотъ еще предсмертный завѣтъ одному твердому подвижнику, Тимону, пришедшему проститься съ старцемъ: „Сѣй, отецъ Тимонъ; сѣй, всюду сѣй данную тебѣ пшеницу. Сѣй на благой землѣ, сѣй на пескѣ, сѣй на камени, сѣй при пути, сѣй и въ тернѣ: все гдѣ-нибудь да прозябнетъ и возрастетъ, и плодъ принесетъ, хотя и не скоро. И данный тебѣ талантъ не скрывай въ землѣ, да не истязанъ будеши отъ своего господина, но отдавай его торжникамъ. Пусть куплю дѣютъ“.

Какъ-то въ послѣднее время жизни старца одинъ братъ Саровскій, придя къ нему вечеромъ, спросилъ у него, почему, противъ обыкновенія, въ кельѣ отца Серафима темно. Едва старецъ сказалъ, что нужно зажечь лампаду, и трижды перекрестился, произнося: „Владычица моя, Богородице“, — какъ лампада зажглась сама собою. Тотъ-же братъ пришелъ къ нему въ другой разъ въ семь часовъ вечера и засталъ его въ сѣняхъ стоящимъ у гроба. Старецъ давалъ этому брату огня изъ своей кельи на благословеніе, и вотъ за этимъ огнемъ братъ теперь и пришелъ къ нему. Когда онъ отворилъ дверь въ келью, отецъ Серафимъ сказалъ: „Ахъ, лампада моя угасла, а надобно, чтобы она горѣла“, и сталъ молиться предъ образомъ Богоматери. Въ это время предъ иконою появился голубоватый свѣтъ, потянулся подобно лентѣ, сталъ навиваться на свѣтильню большой восковой свѣчи, и она заж-

гласъ. Старецъ, взявъ маленькую свѣчку и засвѣтивъ ее отъ большой, далъ ее въ руки пришедшему брату и началъ бесѣдовать съ нимъ. Во время бесѣды старецъ, между прочимъ, упомянулъ, что на дняхъ будетъ въ обитель изъ Воронежа гость, назвалъ его имя, сказалъ, чтó слѣдуетъ передать гостю, и добавилъ: „Онъ меня не увидитъ“. Лицо старца во время этого разговора сіяло свѣтомъ. Наконецъ, старецъ сказалъ: „Дунь на эту свѣчку!“ Братъ дунулъ, и свѣча погасла.

— Вотъ такъ, сказалъ задумчиво старецъ: угаснетъ и жизнь моя, и меня уже болѣе не увидятъ.

— Понялъ тогда братъ, что старецъ говоритъ о концѣ своемъ, и заплакалъ. И опять какой то свѣтъ озарилъ лицо старца и, поцѣловавъ инока, онъ съ великою любовью сказалъ ему: „Радость моя, теперь время не скорби, но радости. Если я стяжу дерзновеніе у Господа, то повергнусь за васъ ницъ предъ престоломъ Божіимъ“. Чудныя слова, вливающія такую отраду въ людей, чтущихъ старца...

Тутъ старецъ открылъ иноку великую тайну своей жизни.

„Нѣкогда, сказалъ отецъ Серафимъ, читая въ евангеліи отъ Іоанна слова Христа Спасителя: «въ дому Отца Моего обители мнози суть», я, убогій, остановился на нихъ мыслію и возжелалъ видѣть сіи небесныя обители... Пять дней и пять ночей провелъ я во бдѣніи и молитвѣ, прося у Господа благодати сего видѣнія. И Господь, по великой Своей милости, не лишилъ меня сего утѣшенія: по вѣрѣ моей показалъ мнѣ сіи вѣчные кровы, въ которыхъ я, бѣдный странникъ земной, минутно туда восхищенный (въ тѣлѣ или безтѣлесно — не знаю), видѣлъ

неисповѣдимую красоту райскихъ селеній и живущихъ тамъ: Великаго Предтечу и Крестителя Господня Іоанна, апостоловъ, святителей, мучениковъ и преподобныхъ отцовъ нашихъ Антонія Великаго, Павла Ѳивейскаго, Савву Освященнаго, Онуфрія Великаго, Марка Ѳраческаго и другихъ святыхъ, сіяющихъ въ неизреченной славѣ и радости"... Также въ послѣднее время жизни своей открылъ старецъ и другія чудныя событія своей жизни, какъ-то: моленіе на камняхъ.

Вотъ какъ открытъ былъ въ послѣднее время о. Серафимомъ подвигъ моленія его на камняхъ. Камней, на которыхъ онъ совершилъ трудъ своего отшельничества, было два. Одинъ, гранитный, необыкновенной величины, находился въ чащѣ Саровской на полъ-пути отъ монастыря къ такъ называемой „дальней" пустынькѣ, гдѣ старецъ жилъ отшельникомъ. На этомъ камнѣ старецъ молился тысячу ночей. Другой камень малый, на которомъ онъ молился тысячу дней, былъ въ „ближней пустынькѣ", гдѣ старецъ проводилъ дневное время въ послѣдніе годы своей жизни.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины о. Серафимъ попросилъ преданнаго ему послушника отыскать первый камень, не объясняя еще значенія этого камня и ничего не говоря о подвигѣ своемъ, который тогда оставался еще никому неизвѣстнымъ. Описавъ мѣстонахожденіе этого камня-скалы и примѣты его, старецъ отправилъ послушника по тому направленію, но послушнику не удалось ничего найти, и онъ вернулся ни съ чѣмъ къ старцу. О. Серафимъ снова разсказалъ ему, какъ найти камень, и прибавилъ, что послушникъ уже ходилъ около него. Послѣ этого послушникъ, наконецъ, нашелъ этотъ

камень, который былъ заваленъ падающими съ деревьевъ листьями. Тогда онъ съ радостью поспѣшилъ къ старцу объявить ему о своей находкѣ, и старецъ сказалъ ему: „Я для того посылалъ тебя найти этотъ камень, чтобъ ты зналъ его. Я бодрствовалъ на немъ тысячу ночей!“ Упавъ старцу въ ноги, послушникъ умолялъ разсказать ему подробно объ этомъ подвигѣ, и старецъ открылъ ему свою тайну. Чрезъ этого монаха она стала извѣстна всему монастырю, а потомъ мірянамъ, усерднымъ къ памяти о. Серафима. Богомольцы устремились посѣщать мѣсто моленія о. Серафима и постепенно проложили къ камню такую широкую дорогу, что можно было проѣхать до него въ экипажѣ. Многіе отбивали себѣ на память о старцѣ и въ благословеніе кусочекъ отъ камня.

Перейдемъ къ изложенію обстоятельствъ кончины великаго старца.

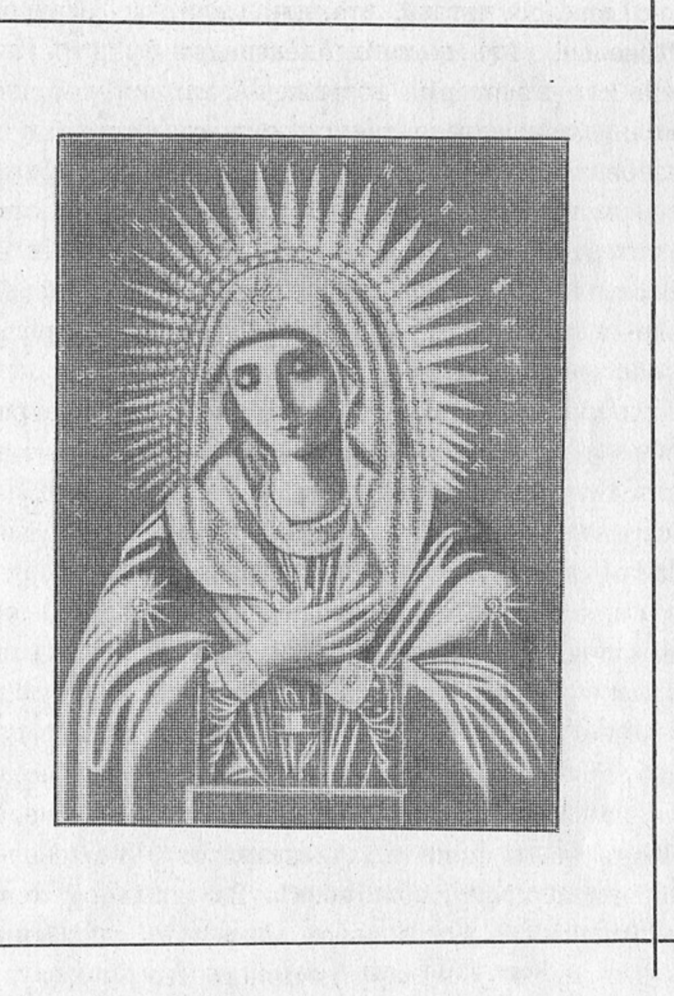
За недѣлю до конца, 25-го декабря 1832 года, старецъ имѣлъ весьма продолжительную бесѣду съ однимъ посѣтителемъ помѣщикомъ, который искалъ у него разрѣшенія множества важныхъ жизненныхъ вопросовъ. Въ этотъ день старецъ выстоялъ литургію, отслуженную игуменомъ Нифонтомъ, по обычаю причастился и послѣ литургіи долго бесѣдовалъ съ игуменомъ. Онъ просилъ его о многихъ инокахъ, особенно изъ новоначальныхъ. Тогда же старецъ напомнилъ, чтобы по его кончинѣ его положили въ дубовый гробъ, сдѣланный его собственными руками. Въ тотъ же день старецъ передалъ іеромонаху Іакову финифтяный образъ,—посѣщеніе Богоматерью преподобнаго Сергія Радонежскаго, и просилъ, чтобъ этотъ образъ положили на него по кончинѣ и съ нимъ опустили въ могилу. Этотъ образъ былъ присланъ изъ Троице-Сергіевой лавры,

отъ мощей преподобнаго Сергія, намѣстникомъ лавры, архимандритомъ Антоніемъ, который бывалъ когда-то у старца и которому старецъ тогда предсказалъ переводъ въ лавру.

Наступилъ 1833 годъ. Первый его день совпалъ съ воскресеньемъ. Въ послѣдній разъ пришелъ старецъ къ обѣднѣ въ дорогую ему больничную церковь Соловецкихъ чудотворцевъ. На мѣстѣ, гдѣ стоитъ эта церковь, онъ былъ чудесно исцѣленъ явленіемъ ему Пресвятой Богородицы. Онъ ходилъ со сборомъ по Россіи на построеніе этой церкви. Въ алтарѣ ея престолъ изъ кипариса былъ устроенъ его руками, и онъ всегда старался здѣсь пріобщаться.

На этотъ разъ замѣтили, что онъ, чего раньше не дѣлалъ, обошелъ всѣ иконы, ставя къ нимъ свѣчи и прикладываясь. Онъ пріобщился. Затѣмъ, послѣ литургіи, прощался со всею присутствующею братіею, говоря: „Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте. Нынѣшній день намъ вѣнцы готовятся". Онъ казался крайне изнеможеннымъ, но, при тѣлесной слабости, былъ духомъ бодръ, оживленъ и веселъ. По прощаніи съ братіею, онъ приложился ко кресту, и къ образу Богоматери, затѣмъ обошелъ вокругъ престола и вышелъ изъ храма сѣверными дверями, какъ бы показывая, что человѣкъ одними вратами, рожденіемъ, входитъ въ міръ, а другими, смертью, выходитъ изъ жизни.

Послѣ литургіи старецъ принималъ сестру дивѣевскую Ирину Васильевну и передалъ ей 200 р. ассигнаціями на покупку хлѣба для Дивѣевской общины. Затѣмъ былъ у старца іеромонахъ Высокогорской Арзамасской пустыни Ѳеоктистъ. Прощаясь съ нимъ, старецъ сказалъ ему: „Ты ужъ отслужи здѣсь". Торопясь домой, іеромонахъ отъ этого отказался. Тогда старецъ промолвилъ: „Ну, такъ

Икона Богоматери Умиленія, предъ которою скончался преподобный Серафимъ.

ты завтра въ Дивѣевѣ отслужишь". Не понявъ его словъ, іеромонахъ отправился въ путь. Для ночлега онъ остановился въ деревнѣ Вертьяновѣ, у самаго Дивѣева, и на слѣдующее утро тронулся дальше. Вдругъ безъ всякой причины оборвалась завертка у его саней, выпряглась лошадь, и онъ долженъ былъ остановиться въ Дивѣевѣ. Тутъ онъ услышалъ о кончинѣ старца Серафима, и плачущія сестры Дивѣевскія просили его отслужить по старцѣ панихиду. Такъ сбылось сказанное ему наканунѣ старцемъ слово: „Ну, такъ ты завтра въ Дивѣевѣ отслужишь". Была еще въ этотъ день у старца одна изъ дивѣевскихъ сестеръ, и старецъ сказалъ ей: „Матушка, какой нынче будетъ новый годъ. Земля постонетъ отъ слезъ". Инокиня не поняла, что старецъ говоритъ про свою кончину. Какъ провелъ старецъ Серафимъ послѣдній вечеръ своей жизни—извѣстно изъ свидѣтельства его сосѣда по кельѣ, о. Павла. Келья о. Павла имѣла сѣни общія съ кельей старца Серафима, а самыя кельи были раздѣлены глухою стѣною. О. Павелъ былъ хорошій монахъ, смиренный, никого не осуждавшій. Старецъ довѣрялъ ему и говаривалъ о немъ: „Братъ Павелъ за простоту своего сердца безъ труда войдетъ въ Царствіе Божіе. Онъ никогда никого не судитъ и не завидуетъ никому, а только знаетъ собственные грѣхи и свое ничтожество". Онъ не былъ собственно келейникомъ, такъ какъ келейника у старца никогда не было, но о. Павелъ, случалось, по сосѣдству помогалъ кое въ чемъ старцу, оказывалъ ему коекакія услуги. Этотъ о. Павелъ не разъ предупреждалъ старца, что отъ его привычки оставлять въ своемъ отсутствіи много горящихъ свѣчей въ кельѣ можетъ случиться пожаръ (старецъ постоянно теплилъ у себя много свѣчей

за своихъ духовныхъ дѣтей). На это старецъ всегда давалъ такой отвѣтъ: „Пока я живъ, пожара не будетъ. А когда я умру, кончина моя откроется пожаромъ“.

Судя по человѣчески, о. Павелъ имѣлъ тѣмъ болѣе причинъ опасаться пожара, что келья старца была завалена такимъ легко воспламеняемымъ матеріаломъ, какъ холсты, которые ему во множествѣ приносили по усердію своему крестьяне.

О. Павелъ замѣтилъ, что перваго января старецъ Серафимъ три раза выходилъ изъ кельи къ тому мѣсту, которое имъ было выбрано для погребенія, и, стоя тамъ нѣкоторое время, смотрѣлъ въ землю. Вечеромъ о. Серафимъ пѣлъ въ своей кельѣ побѣдныя пасхальныя пѣсни: „Воскресеніе Христово видѣвше“, „Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме“, „О Пасха велія и священнѣйшая“,—и еще другія радостно-побѣдныя церковныя пѣсни. Что ощущала въ эти часы душа старца?.. Онъ шелъ отъ бѣдствій земли въ отчизну, красоту которой уже позналъ въ дивныхъ видѣніяхъ. Чудныя пѣсни ангеловъ уже долетали до его слуха, и трудно представить себѣ великость той духовной радости, какою трепетало въ эти часы его благодатное существо.

Его кончина должна была быть безъ свидѣтелей. И что могло быть лучше: на молитвѣ, наединѣ съ тѣмъ Богомъ, Которому единому онъ служилъ на землѣ, Кому предпочелъ все земное, къ Кому рвался, Кого желалъ, по Комъ тосковалъ и къ Кому теперь шелъ на вѣчное, неразрывное соединеніе.

Настало утро 2 января 1833 г. О. Павелъ, выйдя изъ своей кельи, чтобъ отправиться къ ранней обѣднѣ, почувствовалъ запахъ дыма въ сѣняхъ. Запахъ шелъ изъ

кельи о. Серафима. О. Павелъ попробовалъ отворить дверь. Она была заперта изнутри крючкомъ. Онъ сотворилъ обычную при посѣщеніи иноковъ молитву. Отвѣта не было. Тогда о. Павелъ вышелъ на крыльцо. Мимо шло въ церковь нѣсколько иноковъ. О. Павелъ крикнулъ имъ: „Отцы и братія, слышенъ сильный дымный запахъ. Не горитъ ли что около насъ? Старецъ, вѣроятно, ушелъ въ пустыньку“. Одинъ изъ этихъ проходящихъ, послушникъ Аникита, бросился къ дверямъ кельи о. Серафима и, сильно рванувъ ее, сорвалъ ее съ внутренняго крючка. У самыхъ дверей внутри кельи тлѣли холсты и другія вещи, распространяя дымъ. Такъ какъ на дворѣ день чуть начиналъ брезжить, а въ кельѣ свѣта не было, то ничего нельзя было разобрать въ темнотѣ: старца не было ни видно, ни слышно. Братія думала, не отдыхаетъ-ли онъ послѣ ночного молитвеннаго подвига, и толпилась у порога, не смѣя войти внутрь. Чтобы погасить тлѣвшій въ вещахъ огонь, нѣкоторые побѣжали за снѣгомъ и накидали его на эти вещи. Пока все это происходило, въ больничной церкви своимъ чередомъ шла обѣдня. Уже запѣли Достойно есть. Въ это время одинъ мальчикъ-послушникъ, прибѣжавъ отъ кельи отца Серафима, оповѣстилъ нѣкоторыхъ о томъ, что тамъ случилось; многіе тогда поспѣшили къ этой кельѣ. Такимъ образомъ, собралось не мало иноковъ. Монахъ Павелъ и послушникъ Аникита желали удостовѣриться, не отдыхаетъ ли старецъ, и стали ощупью отыскивать его, и, наконецъ, дошли до него. Принесли зажженную свѣчу. Отецъ Серафимъ въ обычномъ своемъ бѣломъ балахончикѣ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ обычно молился, на колѣняхъ, предъ малымъ аналоемъ. Голова его была открыта, руки были крестообразно сло-

жены; на груди висѣлъ мѣдный крестъ—материнское благословеніе. Думая, что онъ уснулъ, утрудившись молитвою предъ келейною своею святынею,—иконою Богоматери Умиленія, его стали осторожно будить. Но отвѣта не было: старецъ почилъ смертнымъ сномъ. Его глаза были сомкнуты, лицо оживлено богомысліемъ и счастьемъ молитвы. Тѣло его еще было тепло.

Старцу омыли, по иноческому чину, чело и колѣни, облачили его, положили его въ дубовый гробъ, имъ самимъ давно приготовленный, и вынесли тотчасъ въ соборъ. По завѣщанію старца, на грудь его положили финифтяную икону преподобнаго Сергія. Быстро разнеслась повсюду вѣсть о кончинѣ благодатнаго старца. Вся окрестность Сарова собралась въ Саровъ.

Та инокиня, которой наканунѣ старецъ предсказывалъ: „Какой нынче будетъ новый годъ! Земля постонетъ отъ слезъ",—была въ Саровѣ, когда старецъ скончался. По возвращеніи ея въ Дивѣевъ, одна инокиня спросила ее: „Что батюшка, здоровъ-ли?" Та молчала. Спрашивавшая повторила вопросъ. Та, помолчавъ, тихо сказала: „скончался!" Инокиня закричала, заплакала и, какъ безумная, не благословясь, кинулась въ Саровъ.

Если принять во вниманіе, что привязанность, которую возбуждалъ къ себѣ отецъ Серафимъ, была безгранична, горяча, охватывала всего человѣка, его любившаго: то станетъ легко понятнымъ впечатлѣніе, произведенное его кончиною. Слово его, что земля „постонетъ отъ плача и рыданія", сбылось въ полной мѣрѣ.

Восемь дней тѣло стояло открытымъ, не только не подвергаясь тлѣнію, но издавая благоуханіе. Тысячи народа сошлись въ Саровъ изъ окрестной страны и бли-

жайшихъ губерній. Въ день отпѣванія отъ множества народнаго въ соборѣ стояла такая жара, что мѣстныя свѣчи у гроба тухли отъ жары. Въ то время послушникомъ въ Саровѣ былъ человѣкъ, впослѣдствіи бывшій архимандритомъ (Митрофанъ) и занимавшій должность ризничаго Александро-Невской лавры. Онъ засвидѣтельствовалъ такое явленіе. Когда духовникъ хотѣлъ положить въ руку отца Серафима разрѣшительную молитву—рука сама разжалась. Игуменъ, казначей и другіе иноки, видя это, были поражены изумленіемъ. Не было произнесено надъ гробомъ его поученій. Но память о необычайной его жизни, да напѣвы пѣсенъ церковныхъ, имъ столь любимыхъ, были краснорѣчивѣе всякихъ поученій.

Надъ мѣстомъ упокоенія старца впослѣдствіи былъ воздвигнутъ усердіемъ Нижегородскаго купца Сырева чугунный памятникъ въ видѣ гробницы; на памятникѣ надпись: „Жилъ во славу Божію“.

Замѣчательны два обстоятельства, послѣдовавшія за кончиною старца Серафима.

2-го января, окруженный иноками, выходилъ отъ заутрени знаменитый подвижникъ, игуменъ Глинской пустыни Филаретъ. Указывая на необыкновенный свѣтъ, видный въ небѣ, онъ произнесъ: „Вотъ такъ души праведныхъ возносятся на небо. Это душа отца Серафима возносится!“

Знаменитый благочестіемъ своимъ архіепископъ Воронежскій Антоній былъ тоже необыкновеннымъ способомъ извѣщенъ о кончинѣ старца Серафима. Въ то время, въ Воронежѣ находился помѣщикъ Николай Александровичъ Мотовиловъ, который былъ раньше исцѣленъ о. Серафи-

момъ—исцѣленіе, составляющее одно изъ величайшихъ чудесъ старца.

Вотъ что пишетъ Мотовиловъ въ своихъ воспоминаніяхъ о днѣ 2-го января 1833 г.

„2-го января 1833 года, въ этотъ же день вечеромъ услыхалъ я отъ высокопреосвященнаго Антонія, что батюшка о. Серафимъ въ ночь на этотъ день, во второмъ часу за полночь скончался, о чемъ онъ самъ ему, явясь, очевидно, возвѣстилъ. Архіепископъ Антоній самъ тотъ же день соборне отслужилъ по старцѣ панихиду". При дальности разстоянія между Саровомъ и Воронежемъ, конечно, не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь естественномъ способѣ передачи въ Воронежъ къ вечеру извѣстія о томъ, что произошло въ утро того же дня.

Мы закончимъ воспоминаніе о блаженной кончинѣ старца Серафима отрывкомъ изъ стихотворенія, посвященнаго его памяти, не блестящаго по формѣ, но содержащаго глубокую мысль о значеніи старца и о жизни его.

Онъ былъ и именемъ, и духомъ *Серафимъ* [1]),
Въ пустынной тишинѣ весь Богу посвященный:
Ему всегда служилъ, и Богъ всегда былъ съ нимъ,
Внимая всѣмъ его моленьямъ вдохновеннымъ.
И что за чудный даръ въ его душѣ виталъ!
Какихъ небесныхъ тайнъ онъ не былъ созерцатель?
Завѣта вѣчнаго земнымъ истолкователь!
Какъ много дивнаго избраннымъ онъ вѣщалъ.
Куда бы свѣтлый взоръ онъ только ни вперялъ—
Вездѣ туманное предъ нимъ разоблачалось,
Преступникъ скрытый вдругъ себя предъ нимъ являлъ,
Судьба грядущаго всецѣло рисовалась;

[1]) Серафимъ значитъ *пламенный*.

Въ часы мольбы къ нему съ лазурной высоты
Небесные друзья невидимо слетали
И, чуждые земной житейской суеты,
Его бесѣдою о небѣ услаждали.
Онъ самъ, казалось, жилъ, чтобъ только погостить:
Въ дѣлахъ его являлось что-то неземное,
Напрасно клевета хотѣла омрачить —
Въ немъ жизнь была чиста, какъ небо голубое,
Отъ подвиговъ уставъ, преклоншись на колѣни,
Съ молитвой на устахъ, бывъ смертнымъ, умеръ онъ.
Но что-же смерть его? – Видъ смертной только сѣни.

Да, для этого человѣка, дѣйствительно, кончина была началомъ новой, широчайшей жизни, и новой, необъятной дѣятельности. Сама смерть, ужасная для смертныхъ, для него измѣнила свой грозный, роковой видъ и слетѣла къ нему кроткою, ласковою гостьею. И тогда какое счастье, какія тайны, какое торжество открылись дивному избраннику неба въ этихъ побѣдныхъ для него вратахъ смерти!

Что оставилъ по себѣ старецъ Серафимъ.

Въ настоящее время, когда съ особымъ усердіемъ вспоминается все, относящееся до великаго старца Серафима Саровскаго, умѣстно подвести итогъ оставшимся вещественнымъ о немъ воспоминаніямъ.

Живыми воспоминаніями по старцѣ, кромѣ Сарова, остались процвѣтающія женскія обители — Серафимо-Дивѣевская и Серафимо-Понетаевская. Находясь вблизи другъ друга,—Саровъ, Дивѣево и Понетаевка лежатъ въ двухъ разныхъ губерніяхъ: Саровъ въ Тамбовской, Дивѣево и Понетаевка въ Нижегородской. Посѣщеніе всѣхъ этихъ

трехъ мѣстъ весьма удобно соединить вмѣстѣ, если со станціи Шатки (та самая линія, идущая отъ Нижняго, на которой лежитъ и Арзамасъ) проѣхать на Понетаевку, оттуда на Дивѣевъ, и затѣмъ на Саровъ.

Серафимо-Понетаевская обитель, извѣстная меньше Дивѣевской, устроена, послѣ разныхъ несогласій въ Дивѣевѣ, сестрами, отколовшимися отъ Дивѣева, въ усадьбѣ дѣвицы—помѣщицы Копьевой. Замѣчательно, что, когда барышня Копьева въ юности съ родными своими была у о. Серафима старецъ, провидя, что она впослѣдствіи дастъ свою усадьбу для его монастыря, низко кланяясь, благодарилъ барышню, что, конечно, тогда очень всѣхъ удивило. Въ Понетаевкѣ пребываетъ прославившійся недавно чудесами образъ Знаменія Богоматери.

Понетаевкѣ щедро благотворилъ одинъ замѣчательный русскій человѣкъ, купецъ Петровъ. Онъ умеръ весною 1902 года, завѣщавъ Серафимо-Понетаевскому монастырю, свыше 10-ти тысячъ десятинъ земли, весьма цѣнной въ той мѣстности.

Теперь о портретахъ старца.

На Успенскомъ островѣ среди рѣки Волхова, гдѣ помѣщается рядъ благотворительныхъ учрежденій, устроенныхъ Петербургскимъ протоіереемъ Алексіемъ Колоколовымъ, находится одно замѣчательное изображеніе старца Серафима. Разъ къ о. Алексію обратился со своимъ горемъ одинъ отецъ изъ весьма культурнаго класса общества. Его сынъ совершенно лишился вѣры. Поговоривъ съ молодымъ человѣкомъ, о. Алексій попросилъ его, такъ какъ тотъ занимался живописью, сдѣлать для него копію съ большого портрета о. Серафима, гдѣ старецъ изображенъ идущимъ согбеннымъ, опираясь на сучковатую

палку; на немъ клобукъ мягкій—такой формы, какъ носили въ старой Руси, черная полумантія и крашенинная темно-коричневая ряска, на ногахъ онучи и лапти. Старецъ изображенъ во весь ростъ и поражаетъ своею жизненностью. Такъ и кажется, что онъ сейчасъ выйдетъ изъ рамы. Что случилось съ молодымъ человѣкомъ во время исполненія этой работы—неизвѣстно. Но, закончивъ ее, онъ сталъ горячо вѣрующимъ человѣкомъ.

Возникалъ вопросъ о томъ, кормилъ ли старецъ Серафимъ медвѣдя. Не только кормилъ, но и больше того. Когда приходившіе къ старцу пугались, заставая у него медвѣдей, онъ словомъ отгонялъ ихъ въ чащу лѣса. Разъ старецъ заставилъ одну монахиню изъ своихъ рукъ покормить медвѣдя. Изображеніе старца съ медвѣдемъ написано впервые въ сороковыхъ годахъ живописцемъ Ефимомъ Васильевымъ, горячимъ почитателемъ о. Серафима, лично его знавшимъ. Уже 50 лѣтъ назадъ изображенія о. Серафима, кормящаго медвѣдя, были очень распространены.

Весьма также распространены гравюры—въ прежнее время достигавшія высокой художественной законченности, изображающія старца молящимся въ лѣсу на камнѣ, идущимъ въ ближнюю пустыньку съ котомкой на спинѣ, или безъ котомки, и скончавшагося въ колѣнопреклоненной молитвѣ предъ иконой Богоматери Умиленіе. Рѣже приходится видѣть (есть новѣйшая хромолитографія) изображеніе старца работающимъ на огородѣ или встрѣчающимъ посѣтителей у ближней пустыньки. Наконецъ, намъ не приходилось встрѣчать отдѣльными изданіями картину, находящуюся въ видѣ иллюстраціи въ нѣкоторыхъ книгахъ объ о. Серафимѣ, особенно же

замѣтную въ часовнѣ, гдѣ находится могила старца, и изображающая посѣщеніе старца Серафима Богоматерью въ послѣдній годъ его жизни, 25 марта 1831 г., въ день Благовѣщенія. Равнымъ образомъ, никогда, кажется, не бывали изданы отдѣльно рисунки: видѣніе іеродіакону Серафиму Христа при совершеніи литургіи и чудесное исцѣленіе послушника Прохора явленіемъ Богоматери.

Недавно пришлось встрѣтить очень интересную гравюру: старецъ въ задумчивости, съ поднятой для благословенія рукой, стоитъ надъ своимъ цѣлебнымъ источникомъ.

Въ самомъ распространенномъ изображеніи отца Серафима — моленіи его на камнѣ, дѣлаются очень часто двѣ погрѣшности. Обыкновенно изображается, что старецъ молится на камнѣ столь небольшихъ размѣровъ, что бѣлый балахонъ колѣнопреклоненнаго старца почти покрываетъ камень. Это не вѣрно. То, на чемъ молился отецъ Серафимъ, представляло изъ себя большой, высокій камень, лучше сказать—скалу. Извѣстно, что въ теченіе десятковъ лѣтъ богомольцы отбивали куски отъ этого камня. Между тѣмъ и теперь сохраняемый въ Дивѣевѣ камень этотъ чуть развѣ поменьше того, какимъ изображаютъ его на картинахъ моленія отца Серафима. Другая погрѣшность слѣдующая. Подъ открытымъ небомъ старецъ промолился 1000 ночей, а 1000 дней въ это время молился, стоя на другомъ камнѣ, у себя въ келліи. И второй камень поднесь существуетъ. Значитъ, неправильно изображать надъ старцемъ, молящимся въ лѣсу на камнѣ, голубое дневное небо и заливать всю картину дневнымъ свѣтомъ. Надо еще замѣтить, что отецъ Серафимъ, во время моленія на камняхъ, не былъ сѣдымъ,

какъ иногда его рисуютъ, а имѣлъ свѣтло-каштановые густые волосы. Волосы у отца Серафима два раза отъ болѣзни сходили съ головы, какъ шапка. Разъ, когда онъ былъ боленъ еще послушникомъ. Другой разъ, когда онъ былъ избитъ и изувѣченъ тремя крестьянами с. Кременокъ, крѣпостными Татищева, которые пришли къ нему въ дальнюю пустыньку, требуя денегъ, которыхъ у него не было. Именно послѣ этого происшествія о. Серафимъ, бывшій раньше стройнымъ и прямымъ, сталъ ходить согбеннымъ. Уже много лѣтъ до того его придавило дерево, когда онъ работалъ по рубкѣ лѣса, но это еще не такъ согнуло его. Волосы о. Серафима хранятся и въ Саровѣ, и въ Дивѣевѣ, и нѣкоторые міряне носятъ ихъ у себя, какъ святыню, обыкновенно въ медальонахъ на воскѣ.

Напоминаніемъ пустынничества старца являются обѣ его келліи изъ „дальней“ и „ближней“ „пустынекъ“, обѣ онѣ въ Дивѣевѣ. Изъ первой сдѣланъ алтарь Преображенской церкви, и въ алтарѣ этомъ хранятся одежды старца и его книги. Въ другой читается непрерывно Псалтирь. Въ Дивѣевѣ же находится келейная икона о. Серафима, на молитвѣ предъ которою онъ скончался— Богоматери Умиленія; въ Дивѣевѣ же хранится и крестъ [1]) мѣдный, материнское благословеніе, которымъ мать благословила сына, когда онъ рѣшилъ уйти изъ міра, и который онъ всегда носилъ открыто на груди, съ нимъ на груди и скончался. Самая же, быть-можетъ, великая память по старцѣ—это Серафимовъ источникъ въ „ближ-

[1]) Такъ доселѣ полагали. Въ самое послѣднее время довелось слышать, что, при освидѣтельствованіи мощей старца, этотъ крестъ оказался на его мощахъ, лежащимъ на груди, какъ носилъ онъ его всю жизнь.

ней пустынькѣ". Являясь въ видѣніяхъ больнымъ, старецъ постоянно указываетъ на этотъ источникъ. Отъ воды его бывали случаи прозрѣнія слѣпыхъ.

Въ заключеніе обращаю вниманіе библіографовъ на слѣдующее. Въ Петербургѣ мнѣ довелось слышать, что въ тридцатыхъ годахъ былъ изданъ романъ (читанный, будто бы, Пушкинымъ и ему понравившійся), въ которомъ о. Серафимъ является дѣйствующимъ лицомъ. Къ сожалѣнію, слышавъ это изъ вторыхъ рукъ, я не могъ узнать ни заглавія романа, ни имени автора, ни того, выведенъ ли въ этомъ романѣ о. Серафимъ въ видѣ одного изъ главныхъ лицъ, или въ видѣ лица эпизодическаго. Интересно было бы обстоятельно разслѣдовать этотъ слухъ.

Легенда о старцѣ Серафимѣ Саровскомъ, Императорѣ Александрѣ I и Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

I.

Таинственное въ исторіи обладаетъ могущественною притягательною силой... Кто изъ насъ не знаетъ людей, которые готовы были бы на большія жертвы для того, чтобы разрѣшить, напримѣръ, вопросъ не только о Димитріи Самозванцѣ, но и о какой-нибудь Желѣзной Маскѣ.

Къ интереснѣйшимъ загадкамъ русской исторіи принадлежатъ народныя легенды, сложившіяся вокругъ личности Императора Александра I.

Въ весьма цѣнной статьѣ А. В. Половцова, появившейся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* послѣ безвременной кончины Н. К. Шильдера, есть въ высшей степени любопытныя указанія на таинственную связь Александра I съ личностью загадочною — Ѳеодора Кузьмича, котораго народная молва нарекаетъ Александромъ I, рѣшившимся будто бы оставить царскій вѣнецъ, чтобы въ земномъ уничиженіи спасать свою душу. О томъ, какъ относился Шильдеръ къ этой легендѣ, можно сказать, что онъ, вѣря, не вѣрилъ, — и не вѣря, вѣрилъ ей.

Пишущему эти строки довелось слышать, мало кому, вѣроятно, извѣстный разсказъ о мнимомъ таинственномъ свиданіи Императора Александра I съ великимъ старцемъ Серафимомъ, разсказъ, отчасти соотвѣтствующій знаменитой легендѣ о Ѳеодорѣ Кузьмичѣ.

Разсказъ этотъ переданъ мнѣ нынѣ покойнымъ М. П. Гедеоновымъ, человѣкомъ весьма интересовавшимся вопросами религіи и жизнью такихъ людей, какъ отецъ Серафимъ, и обладавшимъ многими свѣдѣніями, никогда не оглашенными въ печати. Ему, въ свою очередь, разсказывалъ объ этомъ офицеръ - морякъ Д., впослѣдствіи принявшій монашество. Д. же слышалъ объ этомъ въ Саровѣ отъ инока весьма престарѣлаго, который самъ-де былъ свидѣтелемъ этого событія и умеръ вскорѣ послѣ того, какъ передалъ о немъ Д., бывшему тогда еще морякомъ.

Какъ мнѣ лично ни кажется разсказъ этотъ маловѣроятнымъ, я рѣшаюсь передать его, какъ интересную легенду о столь интересныхъ лицахъ.

Въ 1825 году, или въ одинъ изъ ближайшихъ къ этой эпохѣ годовъ, старецъ Серафимъ однажды обнару-

жилъ будто бы какое-то безпокойство, замѣченное монахомъ, разсказывавшимъ объ этомъ впослѣдствіи моряку Д. Онъ, точно, ожидалъ какого-то гостя, прибралъ свою келью, собственноручно подмелъ ее вѣникомъ. Дѣйствительно, подъ вечеръ въ Саровскую пустынь прискакалъ на тройкѣ военный и прошелъ въ келью отца Серафима. Кто былъ этотъ военный, никому не было извѣстно; никакихъ предварительныхъ предупрежденій о пріѣздѣ незнакомца сдѣлано не было.

Между тѣмъ великій старецъ поспѣшилъ навстрѣчу гостя на крыльцо, поклонился ему въ ноги и привѣтствовалъ его словами: „Здравствуй, великій государь!“ Затѣмъ, взявъ пріѣзжаго за руку, отецъ Серафимъ повелъ его въ свою келью, гдѣ заперся съ нимъ. Они пробыли тамъ вдвоемъ въ уединенной бесѣдѣ часа 2 — 3.

Когда они вмѣстѣ вышли изъ кельи, и посѣтитель отошелъ уже отъ крыльца, старецъ сказалъ ему вслѣдъ:

— Сдѣлай же, Государь, такъ, какъ я тебѣ говорилъ.

Такова легенда.

Гедеоновъ объяснялъ, что та душевная тягота, которую Государь испытывалъ, взойдя, послѣ 1812 года, на вершину человѣческой славы, но не найдя въ этой земной славѣ душевнаго удовлетворенія; тѣ разочарованія въ государственныхъ системахъ, въ людяхъ, всѣ эти страданія и разочарованія усталаго его сердца, отъ которыхъ Александръ искалъ духовнаго лѣкарства, — привели его въ Саровъ, гдѣ отецъ Серафимъ вложилъ-де въ него мысль о томъ, чтобы подвигомъ земного уничиженія утолить жажду его, рвавшейся къ Богу и томившейся въ мірѣ души.

Гедеоновъ добавлялъ еще, что пріѣхалъ Александръ I въ Саровъ изъ Нижняго, и что, будто-бы, дѣйствительно,

Императоръ разъ изъ Нижняго исчезъ на 1—2 сутокъ неизвѣстно куда (?). Онъ вспомнилъ, будто ему дѣйствительно довелось читать, что, или ѣдучи въ Таганрогъ, или за нѣсколько лѣтъ до того, Александръ былъ въ Нижнемъ.

На мои нѣкоторыя возраженія, напримѣръ, что Государю не зачѣмъ было тайно ѣхать въ Саровъ, и что его исчезновеніе на цѣлыя сутки или болѣе изъ Нижняго не могло бы остаться незамѣченнымъ, Гедеоновъ отвѣчалъ, что интересное событіе этого тайнаго посѣщенія вполнѣде соотвѣтствовало характеру Александра. Государь не только-де любилъ таинственность, но и былъ пріученъ къ ней обстоятельствами своей молодости.

При этомъ Гедеоновъ сослался на интересные разсказы о времени императора Павла—Кутлубицкаго, бывшаго генералъ-адъютантомъ при Павлѣ (*Русскій Архивъ*, 1866 г.), гдѣ передается, какъ Кутлубицкій передъ коронаціей былъ посланъ съ порученіемъ Государя въ Москву. Вернулся Кутлубицкій въ Петербургъ въ десятомъ часу вечера и былъ принятъ Государемъ. Когда онъ уходилъ отъ Государя, камеръ-лакей успѣлъ ему шепнуть, что имѣетъ до него тайное порученіе и въ другой комнатѣ передалъ ему просьбу Наслѣдника зайти къ нему тотчасъ по возвращеніи изъ Москвы, хотя бы ночью. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ принятъ Александромъ Павловичемъ въ очень оригинальной обстановкѣ. Въ спальной теплилась лишь лампадка, а Наслѣдникъ лежалъ въ постели и спросилъ его, зачѣмъ Государь посылалъ его въ Москву. Кутлубицкій открылъ это лишь тогда, когда Наслѣдникъ поклялся на образъ сохранить эту тайну.

Далѣе,—продолжалъ Гедеоновъ защищать свой разсказъ, — извѣстно, какъ любилъ Александръ бесѣды со

знаменитыми „старцами“. Дошелъ до насъ его интересный разговоръ съ извѣстнымъ своимъ благочестіемъ намѣстникомъ Кіево-Печерской Лавры Антоніемъ (скончался въ санѣ архіепископа Воронежскаго). Въ Кіевѣ ночью онъ посѣтилъ слѣпого старца, прозорливаго Вассіана, который сразу назвалъ его по имени; предъ послѣднимъ отъѣздомъ изъ Петербурга онъ посѣтилъ схимника, жившаго въ Александро-Невской Лаврѣ. Это послѣднее посѣщеніе произвело такое впечатлѣніе на современное общество, что есть старинныя гравюры, воспроизводящія это посѣщеніе. Нечего ужъ говорить о сношеніяхъ съ Фотіемъ, котораго Государь видалъ тайно.

— Весьма, поэтому, понятно, утверждалъ Гедеоновъ, что Государь могъ сильно желать свиданія и бесѣды съ отцомъ Серафимомъ.

Тогда я спросилъ:

— Вѣдь отецъ Серафимъ жилъ въ отдаленнѣйшей, глухой пустыни. Какъ же могъ Государь услышать о немъ?

У собесѣдника моего на все, повидимому, былъ заготовленъ отвѣтъ. Онъ сталъ объяснять такъ:

— Человѣкъ, бывшій повѣреннымъ духовныхъ стремленій Государя, князь А. Н. Голицынъ, которому невозможно было не знать объ отцѣ Серафимѣ, едва ли бы сталъ, вслѣдствіе своего ясно выраженнаго протестантствующаго направленія, говорить Государю объ отцѣ Серафимѣ. Но Государь могъ слышать о немъ и отъ другихъ. Въ числѣ лицъ, упоминаемыхъ въ жизнеописаніяхъ отца Серафима, какъ его посѣтителяхъ, находимъ довольно именъ русской знати, нѣкоторые изъ которыхъ сами были на виду, другіе же, живя въ помѣстьяхъ, могли, тѣмъ не менѣе, имѣть связи, друзей и родныхъ при Дворѣ.

Въ числѣ лицъ, имѣвшихъ отношенія къ Сарову и Дивѣеву, Гедеоновъ упомянулъ представителей родовъ князей Голициныхъ, Ладыженскихъ, Татищевыхъ. Корсаковыхъ, Извольскихъ, Сипягиныхъ, Колычевыхъ, Чемодановыхъ, Муравьевыхъ, Еропкиныхъ, князей Енгалычевыхъ, Михайловскихъ-Данилевскихъ.

Весьма изобрѣтательный въ предположеніяхъ, Гедеоновъ указывалъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Государя въ его частыхъ по Россіи путешествіяхъ, при крайне ограниченной свитѣ, сопровождалъ, вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ, княземъ Волконскимъ, флигель-адъютантъ Михайловскій-Данилевскій, часто имѣвшій случаи бесѣдовать съ Государемъ и не могшій не знать о Саровѣ, такъ какъ неподалеку, въ Пензенской губерніи, лежали помѣстья его жены, и въ Саровъ ѣздили ея родные (Чемодановы), а впослѣдствіи и дѣти Данилевскаго.

Во всякомъ случаѣ, отъ тѣхъ или другихъ лицъ, но Государь — такъ выходило изъ словъ Гедеонова — *могъ* слышать объ отцѣ Серафимѣ и, вѣроятнѣе всего, и *слышалъ* о немъ.

Онъ говорилъ еще, что изображеніе отца Серафима висѣло всегда у упомянутаго выше генерала Кутлубицкаго. Наконецъ, у отца Серафима былъ разъ великій князь Михаилъ Павловичъ, — правда, уже по кончинѣ своего старшаго брата, именно въ 1826 году — тоже совпаденіе, по мнѣнію Гедеонова, не безынтересное [1]).

Я передалъ здѣсь разсказъ, какъ его слышалъ, и высказалъ тѣ соображенія, на которыя опирался мой ми-

[1]) О томъ, какъ любила отца Серафима императрица Александра Θеодоровна, было недавно помѣщено свидѣтельство Д. Θ. Тютчевой въ *Русскомъ Архивѣ*.

стическій собесѣдникъ, и которыя все-таки мнѣ казались недостаточными.

Что отецъ Серафимъ по прозорливости своей зналъ заранѣе о пріѣздѣ Государя, *если бы* Государь пришелъ къ нему, и что онъ сразу назвалъ его, это, конечно, наименѣе возбуждаетъ сомнѣнія.

Отецъ Серафимъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ прозорливости. Онъ очень часто называлъ по имени лицъ, которыя въ первый разъ его видѣли; исповѣдуя, вслухъ говорилъ человѣку всѣ его грѣхи съ дѣтства, видѣлъ чужое будущее, такъ же ясно, какъ свое прошлое, написалъ поздравленіе Воронежскому архіепископу Антонію съ открытіемъ мощей святителя Митрофана, когда объ этомъ ничего не было извѣстно, предсказалъ событія Крымской войны, отдѣленной двумя десятками лѣтъ отъ его кончины („на Россію возстанутъ три державы и сильно изнурятъ ее, но Богъ помилуетъ ее за православіе").

Такъ что казалось бы страннымъ не то, что онъ узналъ Государя, а то, если бы онъ не узналъ Его.

Не будучи въ состояніи вѣрить этой легендѣ, я, тѣмъ не менѣе, мечталъ: какъ бы хорошо было, еслибъ это дѣйствительно случилось, еслибъ Императоръ Александръ принялъ благословеніе старца Серафима и бесѣдовалъ съ нимъ. Такъ иногда, увидѣвъ счастливый сонъ, мы жаждемъ, чтобъ это было дѣйствительностью, даже если сонъ относится къ прошлому.

Что-то таинственное связываетъ Преподобнаго Сергія и отца Серафима, быть можетъ, величайшаго послѣ Преподобнаго Сергія праведника Русскаго народа, или даже равнаго ему. Отецъ Серафимъ родился близъ храма Преподобнаго Сергія, легъ въ могилу съ финифтяною ико-

ной Преподобнаго Сергія, положенною, по его завѣщанію, ему на грудь; наконецъ, если кто, то именно отецъ Серафимъ представляетъ собою такое же удивительное, чрезвычайное, выходящее изъ всякихъ рамокъ явленіе въ духовной жизни Русской земли, какъ Преподобный Сергій, стоящій столь особнякомъ среди святыхъ русскихъ. И вотъ, какъ нѣкогда съ Преподобнымъ Сергіемъ близки были вожди Русскаго народа, также хочется вѣрить въ близость къ „убогому Серафиму“, величайшему изъ людей отечественной Церкви за послѣдніе вѣка,—современнаго ему вождя Русскаго народа и носителя идеаловъ этого народа...

II.

Теперь легенда объ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, которая мнѣ кажется совершенно уже невѣроятною.

Какъ подробно ни описываютъ ея кончину въ городѣ Бѣлевѣ, Тульской губерніи, по пути изъ Таганрога въ Петербургъ, куда она спѣшила для свиданія съ Императрицей-матерью,—въ смерти ея любители таинственности находятъ что-то загадочное.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ въ *Русской Старинѣ*, кажется, была помѣщена интересная статья о кончинѣ Императрицы, съ указаніемъ на то, что многое въ этой кончинѣ было страннаго. Нѣкоторые же современники, начитавшіеся, вѣроятно, романовъ съ тайнами и превращеніями, шли дальше: они утверждали, что Императрица вовсе и не умирала въ Бѣлевѣ, что она осталась жива, и такъ же, какъ царственный ея супругъ, посвятила себя духовнымъ подвигамъ.

Мнѣ пришлось слышать слѣдующій разсказъ отъ одного почтеннаго старика, весьма заслуженнаго человѣка, съ большимъ родствомъ, страстнаго защитника легенды о Ѳеодорѣ Кузьмичѣ.

Будучи мальчикомъ и проводя лѣто въ деревнѣ, Тульской губерніи, онъ какъ-то былъ въ Бѣлевѣ, гдѣ его сводили посмотрѣть домъ, въ которомъ скончалась Императрица Елисавета Алексѣевна.

Чрезъ нѣкоторое время онъ увидѣлъ свою бабушку г-жу Л—ну, которой разсказалъ о томъ, что̀ видѣлъ въ Бѣлевѣ.

Бабушка слушала-слушала его разсказъ, потомъ наклонилась къ нему и прошептала: „Знай, голубчикъ, что никакой Императрицы въ Бѣлевѣ не умирало. Императрица Елисавета Алексѣевна жива“.

Что же сказать на это, кромѣ того, что почтенная старушка давала много свободы своему воображенію!

Изъ совершенно другого источника я слышалъ и о дальнѣйшей части легенды: объ участи императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Въ 1834 году въ Тихвинѣ появилась неизвѣстная странница, подъ именемъ Вѣры Александровны, проведшая затѣмъ 25 послѣднихъ лѣтъ своей жизни въ подвигѣ молчальничества въ Новгородскомъ Сырковомъ монастырѣ (Свѣдѣнія о жизни ея находятся въ главѣ „Молчальница Вѣра Александровна“, во второмъ изданіи моей книги *Русскіе подвижники XIX вѣка)*. Тайну ея происхожденія знала лишь столь приближенная къ царской семьѣ и благочестивая графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская. Сохранился портретъ Вѣры Александровны въ гробѣ, а лица съ сильнымъ воображеніемъ утвер-

ждаютъ, что между нею и Императрицей Елисаветой Алексѣевной такое же сходство, какое эти же лица находятъ между Ѳеодоромъ Кузьмичемъ и Императоромъ Александромъ I.

Самое имя: „Вѣра“, знаменующее то, ради чего предпринятъ былъ столь великій подвигъ, и отчество, совпадающее съ именемъ Императора—наводятъ этихъ легковѣрныхъ предполагателей на нѣкоторыя мысли.

Говорили мнѣ, что въ Петербургѣ начинаютъ интересоваться личностью Вѣры Александровны и что недавно въ Петербургъ были затребованы фотографіи съ немногихъ, оставшихся послѣ Вѣры Александровны, вещей.

Я лично не вижу ни малѣйшей черты въ томъ немногомъ, что извѣстно о жизни Вѣры Александровны, говорящей въ защиту этой, по меньшей мѣрѣ, смѣлой легенды. Что Вѣра Александровна, какъ можно было судить по ея внѣшности, привычкамъ, манерамъ, была женщина высшаго круга, это несомнѣнно, но это еще ровно ничего не доказываетъ, такъ же какъ и сказанныя разъ ея молчаливыми устами слова: „Я прахъ земли. Но родители мои были такъ богаты, что я горстью выносила золото для раздачи бѣднымъ. Крещена я на Бѣлыхъ Берегахъ“. Наконецъ, можно указать на то, что Вѣра Александровна была лѣтъ на 20 моложе Императрицы. — А портретъ? Мы не узнаемъ въ гробу хорошо намъ извѣстныхъ лицъ. Какъ же судить по покойницѣ, надѣясь узнать въ ней женщину, которой мы знаемъ лишь портреты, сдѣланные за нѣсколько десятковъ лѣтъ до того!

Пишущій эти строки не счелъ возможнымъ, по маловѣроятности ихъ, даже упомянуть объ этихъ слухахъ при составленіи статей въ названной выше книгѣ. И сейчасъ

привожу ихъ не въ видѣ исторической справки, не въ видѣ смѣлаго историческаго предположенія, а совсѣмъ съ иною цѣлью.

Уже одно появленіе такихъ слуховъ показываетъ, какъ высоко культурные кружки русскаго вѣрующаго общества ставили нравственную личность Александра I и его столь же мало, какъ онъ самъ, разгаданной, обвѣянной какою-то таинственною прелестью, супруги. Самыя невѣроятныя легенды вѣрно, однако, отражаютъ взгляды современниковъ и потомства на лицъ, окружаемыхъ легендами.

Изъ послѣднихъ чудесъ старца Серафима Саровскаго.

Старецъ Серафимъ отличался всегда особою отзывчивостью, особымъ милосердіемъ, и что-то трогательное, нѣжное отмѣчаетъ его отношеніе къ людямъ. Онъ радъ помочь всякому просящему, и забота его о призывающихъ его людяхъ доходитъ, можно сказать, до мелочей.

Намъ хочется изложить здѣсь три случая помощи отца Серафима по молитвамъ къ нему, происшедшіе въ самое послѣднее время.

* * *

Одно служащее лицо, неоднократно терявшее мѣста и подверженное несчастной склонности къ пьянству, дошло до крайности. Уже раньше испытавъ на себѣ силу молитвъ къ о. Серафиму, этотъ несчастный человѣкъ и теперь сталъ призывать старца, какъ послѣднюю надежду свою. И видитъ онъ сонъ: стоитъ предъ нимъ

о. Серафимъ, на этотъ разъ грозный и говоритъ ему: „Въ послѣдній разъ!"

Въ самомъ непродолжительномъ времени этотъ человѣкъ получилъ недурное мѣсто, какого не могъ ожидать.

* * *

Какъ-то зимою къ священнику при церкви Успенскаго острова [1]), о. Александру К., пріѣзжаютъ изъ деревни, лежащей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ острова, съ просьбою напутствовать умирающаго. Отецъ Александръ поспѣшилъ на зовъ и пріобщилъ больного. Сестра милосердія, видѣвшая этого крестьянина, считала болѣзнь его бугорчаткой и признала его безнадежнымъ. И самъ онъ, и всѣ окружающіе ждали съ минуты на минуту конца.

Пріобщивъ больного, о. Александръ вернулся домой.

Черезъ нѣсколько часовъ къ нему прискакали опять, прося его опять навѣстить того-же умирающаго, который испытывалъ страшныя душевныя муки и настойчиво требовалъ священника.

Когда о. Александръ пріѣхалъ, больной сказалъ ему, что никакъ не можетъ умереть, что онъ окруженъ духами злобы, которые наводятъ на него отчаяніе.

— Ты думаешь,—говорили они ему,—что ты пріобщился и спасенъ. Не уйти тебѣ отъ насъ. Ты въ нашей власти. Нѣтъ тебѣ спасенія.

Больного ломало такъ, что страшно было на него смотрѣть, и оставалось лишь удивляться, какъ еще цѣлы его кости.

[1]) Успенскій островъ, лежащій на рѣкѣ Волховѣ, заключаетъ рядъ благотворительныхъ учрежденій, основанныхъ знаменитымъ петербургскимъ пастыремъ-духовникомъ, о. Алексіемъ Колоколовымъ, скончавшимся въ Петербургѣ въ январѣ 1902 г. и погребеннымъ на островѣ.

Священникъ объяснилъ ему значеніе таинства елеосвященія, въ которомъ разрѣшаются всѣ грѣхи, сдѣланные человѣкомъ, забвенные имъ, утаенные и не исповѣданные — чѣмъ, главнымъ образомъ, могли смущать его „враги“ — и особоровалъ его; затѣмъ, увѣщевалъ его не поддаваться ни страху, ни отчаянію, и, благословивъ его на смерть, уѣхалъ.

Вечеромъ въ третій разъ явились къ о. Александру все изъ того же дома, съ извѣстіемъ, что предсмертная тоска умирающаго еще лютѣе мучитъ его и что онъ проситъ помощи.

О. Александръ имѣлъ горячую вѣру въ старца Серафима, котораго почиталъ какъ великаго угодника Божія и чудотворца. У него всегда была въ запасѣ вода изъ Сарова, изъ источника о. Серафима, о которой самъ о. Серафимъ сказалъ: „Я молился, чтобы вода сія была цѣлительною отъ болѣзней“.

Отъ этой воды произошло множество дивныхъ исцѣленій, — исчезали безслѣдно неизлѣчимыя болѣзни, прозрѣвали многолѣтніе слѣпые. Между прочимъ, вода эта обладаетъ замѣчательнымъ свойствомъ: она никогда не портится и не гніетъ, хотя-бы цѣлые годы стояла безъ плотной пробки.

Не зная, чѣмъ облегчить послѣднія страданія умирающаго, о. Александръ вкратцѣ пояснилъ роднымъ его, кто такой былъ о. Серафимъ, какъ велико его дерзновеніе предъ Богомъ, какъ страшенъ онъ исконному врагу рода человѣческаго, и отлилъ имъ немного этой воды изъ источника старца Серафима, чтобъ они давали умирающему этой воды по каплѣ до самаго конца его.

Мысленно простясь съ умирающимъ, о. Александръ

уже больше не видалъ его и не спрашивалъ о немъ: такъ онъ увѣренъ былъ, что онъ скончался въ ту же ночь (хоронить его долженъ былъ приходскій священникъ).

Прошло много мѣсяцевъ. Ѣдетъ о. Александръ какъ то по дорогѣ. Навстрѣчу мужикъ съ возомъ; сталъ, снялъ шапку и кланяется. Не вѣритъ о. Александръ своимъ глазамъ: предъ нимъ тотъ, кого онъ считалъ уже умершимъ.

Остановился и о. Александръ и окликнулъ его по имени:

— Ты ли это? Я тебя все за покойника считалъ.

Тогда разсказалъ ему умиравшій, что вода о. Серафима дала ему какія-то силы и онъ быстро оправился.

* * *

Минувшимъ лѣтомъ двумъ дѣтямъ одной семьи исключительно высокаго положенія объясняли географію Волги и всего, что въ бассейнѣ ея есть интереснаго. Дѣло въ томъ, что отецъ семьи путешествовалъ по Волгѣ, и дѣти мысленно хотѣли слѣдить за его плаваніемъ.

Когда дошли до Нижняго, въ губерніи котораго находится Серафимо-Дивѣевскій монастырь, имъ подробно разсказали о великомъ старцѣ Серафимѣ Саровскомъ, о томъ, какъ жалѣлъ онъ людей, какъ все было ему открыто. Разсказали, между прочимъ, и о томъ, какъ однажды пришла къ нему мать, въ конецъ измученная исчезновеніемъ сына, который пропалъ,—что въ воду канулъ, и не было о немъ, какъ говорится, ни слуху, ни духу. Въ отчаяніи тогда сказала старцу несчастная женщина:

— Не знаю, какъ молиться о немъ, какъ въ церкви поминать его: живымъ или умершимъ.

— Подожди тутъ въ Саровѣ три дня,—кратко отвѣтилъ ей о. Серафимъ.

Эти три дня прошли. Мать опять стояла предъ старцемъ. А старецъ сказалъ ей: „Вотъ твой сынъ", и подвелъ къ ней ея сына.

Весь разсказъ о старцѣ, и особенно этотъ случай произвелъ на дѣтей, очень дружныхъ между собою, мальчика и дѣвочку, глубокое впечатлѣніе, и въ нихъ образовалось убѣжденіе, что все возможно старцу Серафиму.

Вскорѣ случилась у нихъ бѣда: любимая ихъ птичка вылетѣла изъ клѣтки въ окно и пропала.

Дѣло было въ деревнѣ; но тѣмъ не менѣе дѣти очень тужили. Не того имъ было жаль, что они ея лишились. А они знали, что уроженка дальнихъ теплыхъ странъ не вынесетъ русской осени, да и заклюютъ ее хищныя птицы. Что было дѣлать? И вотъ они надумали: разсказать свое горе о. Серафиму и просить его вернуть имъ птичку.

Никому не открыли о своемъ рѣшеніи.

Вѣроятно, слишкомъ дорого было имъ ихъ чувство, и не хотѣлось имъ его обнаружить. А потомъ, можетъ быть, боялись они, если ихъ молитва не исполнится, что осудятъ другіе того старца, въ котораго они вдругъ такъ крѣпко увѣровали и котораго такъ ужъ много теперь любили.

И вотъ, стали они молиться о. Серафиму.

Въ то же утро птичка ихъ была найдена: она сама прилетѣла въ другой конецъ того огромнаго дома, скорѣе дворца, гдѣ жили эти дѣти.

Такъ услышалъ великій старецъ молитву этихъ маленькихъ, горячо повѣрившихъ ему сердецъ.

Что-то теплое охватываетъ васъ, когда вы слышите подобные разсказы.

Счастливы дѣти, чье дѣтство озарено подобными впечатлѣніями, и невольно шепчутся слова Никитина:

Молись, дитя: сомнѣнья камень
Твоей души не тяготитъ,
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовію горитъ!
Молись, дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ
И капли слезъ твоихъ считаетъ
И отвѣчать тебѣ готовъ!
Быть можетъ, ангелъ твой хранитель
Всѣ эти слезы соберетъ
И ихъ въ надзвѣздную обитель,
Къ престолу Бога вознесетъ.

А близко къ этому престолу стоитъ столь понятный, родной дѣтямъ по голубиной чистотѣ своей, по незлобію своему дивный старецъ Серафимъ. И кому же, какъ не ему, ставшему какъ дитя для взысканія царствія небеснаго, откликаться на чистую, жаркую, безбрежную вѣру дѣтей!

Птенцы старца Серафима Саровскаго.

Послѣдовавшее недавно Правительственное сообщеніе о предстоящемъ прославленіи старца Серафима Саровскаго привлекаетъ сердца всѣхъ православныхъ къ образу этого великаго подвижника.

Одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ способовъ обрисовать чью-нибудь личность, это—показать эту личность въ ея сношеніяхъ съ другими людьми; представить, какое вліяніе оказывала она на людей; какъ, встрѣтясь съ природой, повидимому, обыденной, не отличавшеюся особой нрав-

ственной силою или особо-идеальными стремленіями, силою воздѣйствія своего эта личность перерабатывала эти природы, измѣняла направленіе жизни людей, возносила ихъ на неприступныя вершины духа.

И намъ кажется, что къ выясненію того, чѣмъ былъ отецъ Серафимъ, не мало можетъ помочь благоговѣющимъ предъ его памятью знакомство съ нѣсколькими людьми, на которыхъ о. Серафимъ имѣлъ живое, непосредственное вліяніе и которые по праву могутъ быть названы его птенцами.

Въ послѣднія 10—15 лѣтъ жизни старца къ нему со всѣхъ сторонъ стекалось множество народа, во всякихъ тягостяхъ житейскихъ—обездоленные, печальные, больные.

Между этими послѣдними былъ привезенъ къ старцу и помѣщикъ Мантуровъ.

Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ, владѣлецъ села „Нуча", Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, отстоявшаго въ 40 верстахъ отъ Сарова, долго служилъ въ Лифляндіи въ военной службѣ и тамъ женился на лютеранкѣ Аннѣ Михайловнѣ Эрнцъ. Тяжкая болѣзнь принудила его оставить службу и поселиться въ родовомъ помѣстьѣ. Съ нимъ вмѣстѣ жила и сестра его, Елена Васильевна, жизнерадостная, умная, красивая дѣвушка на много лѣтъ младше его.

Надъ нимъ впервые великій старецъ Серафимъ проявилъ свою чудотворную, исцѣляющую силу.

Какая была причина болѣзни Мантурова, каково имя этой болѣзни, того не могли сказать лучшіе врачи. Ни опредѣлить ее, ни лѣчить они не могли. Больной страдалъ все сильнѣе. Дѣло дошло до того, что изъ ногъ его кусками стали выходить кости. Такъ какъ помощи

отъ докторовъ не было, Мантурову оставалось лишь одно — прибѣгнуть къ Богу. И онъ рѣшился ѣхать въ Саровъ къ о. Серафиму, слухъ о святости котораго достигъ до его помѣстья.

Тогда еще великій старецъ подвизался въ затворѣ. Съ усиліемъ привезшіе Мантурова люди ввели своего барина въ сѣни кельи о. Серафима.

Старецъ вышелъ къ нему и спросилъ ласково:

— Что пожаловалъ? Посмотрѣть на убогаго Серафима?

Мантуровъ видѣлъ въ старцѣ послѣднюю свою надежду. Можетъ быть, теперь, когда предъ нимъ стоялъ этотъ обаятельнѣйшій человѣкъ, какъ небожитель, слетѣвшій на землю для помощи и утѣшенія людямъ, можетъ быть, теперь вѣра его въ то, что старцу все доступно и что онъ спасетъ его, стала въ немъ еще живѣе. Упавъ ему въ ноги, больной сталъ со слезами просить его объ исцѣленіи.

Тогда старецъ трижды торжественно и съ любовью спросилъ больного:

— Вѣруешь-ли ты въ Бога?

Трижды, съ живѣйшимъ убѣжденіемъ, Мантуровъ исповѣдывалъ предъ старцемъ свою безусловную вѣру. Тогда старецъ вразумительно сказалъ ему:

— Радость моя [1]), если ты такъ вѣруешь, то вѣрь же и въ то, что вѣрующему все возможно отъ Бога. А потому вѣруй, что и тебя исцѣлитъ Господь. А я, убогій Серафимъ, помолюсь!

Оставивъ больного сидѣть въ сѣняхъ, старецъ пошелъ молиться въ свою келью. Оттуда онъ вышелъ, неся съ

---

[1]) Такъ обыкновенно, чаще всего обращался о. Серафимъ къ людямъ и при жизни своей, и въ посмертныхъ явленіяхъ своихъ.

собой освященнаго масла. Онъ приказалъ Михаилу Васильевичу обнажить ноги и, произнеся: „По данной мнѣ отъ Господа благодати, перваго тебя врачую!“ —сталъ растирать масломъ больному ноги. Затѣмъ, старецъ обулъ Мантурова въ чулки и, вынеся изъ своей кельи большую груду сухарей [1]), всыпалъ ему всю груду въ фалды его сюртука и велѣлъ такъ идти въ монастырь. Сперва Мантуровъ со страхомъ выслушалъ приказаніе старца, такъ какъ не владѣлъ ногами. Затѣмъ, когда, повинуясь ему, сдѣлалъ усиліе идти, почувствовалъ, что совершенно крѣпко стоитъ на ногахъ, несмотря на свою ношу.

Въ восторгѣ исцѣленный бросился въ ноги своему исцѣлителю и сталъ, въ пылкихъ выраженіяхъ, благодарить его.

Но старецъ строго сказалъ ему, поднимая его:

— Развѣ Серафимово дѣло мертвить и живить, низводить во адъ и возводить? Что ты, батюшка?—Это дѣло единаго Господа, Который творитъ волю боящихся Его и молитву ихъ слушаетъ.

Потомъ, старецъ съ удареніемъ добавилъ:—Господу Всемогущему и Пречистой Его Матери даждь благодареніе!

Мантуровъ совершенно здоровымъ вернулся домой, къ себѣ въ Нучу, и прожилъ тамъ нѣкоторое время, наслаждаясь здоровьемъ, какъ-бы вторично родившись на свѣтъ. Ужъ онъ сталъ привыкать къ своему здоровью и забывать о своемъ недугѣ, какъ ему захотѣлось ѣхать въ Саровъ, повидать своего благодѣтеля, принять отъ него благословеніе.

[1]) Старецъ имѣлъ обычай раздавать посѣтителямъ сухарики изъ хлѣба. Въ одной изъ келій старца, стоявшихъ когда-то въ лѣсу и теперь сохраняемыхъ въ Дивѣевѣ, въ память старца доселѣ ведется этотъ обычай.

Всю дорогу онъ размышлялъ о томъ, что Господь сотворилъ для него чрезъ старца, и что, какъ сказалъ ему старецъ, ему предстоитъ возблагодарить за это Бога.

Мантуровъ былъ впечатлительный, пылкій человѣкъ, способный къ глубокому, на всю жизнь охватывающему чувству, къ прочнымъ привязанностямъ, къ безграничному довѣрію. Такими именно чувствами онъ безотчетно привязался къ отцу Серафиму съ перваго-же раза.

Когда Михаилъ Васильевичъ пріѣхалъ въ Саровъ и отправился къ старцу, о. Серафимъ тотчасъ сказалъ ему:

— Радость моя! Вѣдь мы обѣщались поблагодарить Господа!

Эти слова старца были отвѣтомъ на мысли, занимавшія Мантурова отъ самаго дома; онъ удивился прозорливости старца и сказалъ:

— Не знаю, чѣмъ и какъ. А вы что прикажете?

Тогда отецъ Серафимъ сказалъ ему такое слово, которое разомъ должно было измѣнить всю жизнь Мантурова, въ то время бывшаго зажиточнымъ, обезпеченнымъ помѣщикомъ, вполнѣ независимымъ человѣкомъ, увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ.

Уже одно это обращеніе къ Мантурову показываетъ, какъ глубоко понималъ отецъ Серафимъ людей, которыхъ видѣлъ всего лишь одинъ разъ.

Радостно глядя Мантурову въ глаза, старецъ произнесъ:

— Вотъ, радость моя: все, что ни имѣешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету.

Пораженный стоялъ Мантуровъ предъ старцемъ. Жизнь, только что возвращенная ему, казалось, улыбалась ему, звала къ себѣ, сулила ему счастье. И вмѣсто этой при-

вольной жизни... собственнымъ рѣшеніемъ принять на себя нищету, — о чемъ онъ никогда раньше и подумать не могъ,—и все то унизительное, тоскливое, полное страданій, что влечетъ за собою нищета! А вѣдь онъ не былъ одинъ. У него была жена и обязанности къ ней.

Съ одной стороны, странное предложеніе старца казалось неисполнимымъ. А съ другой, въ разгоряченной головѣ Мантурова мелькнуло его недавнее прошлое, муки его болѣзни, его тогдашнее отчаяніе, предъ которымъ нищета, но съ возвращеннымъ ему здоровьемъ, могла казаться благомъ.

И онъ стоялъ предъ старцемъ, колеблясь...

Что-то говорило ему:

„Смотри на этого человѣка. Онъ тоже все для Бога оставилъ, и какими дарами наградилъ его Богъ! Сколько есть сокровищъ духа, предъ которыми ничто земныя блага. И даются они лишь тѣмъ, кто сами все готовы отдать Богу. Торжествующіе обители рая и предчувствіе ихъ на землѣ доступны лишь тѣмъ, кто доказалъ Богу всю безграничность своей любви, все стремленіе свое къ свѣту, непреклонное желаніе идти по землѣ путемъ уничиженія и страданія, которыя Спаситель освятилъ Своимъ примѣромъ“...

Вспомнилось ему, какъ нѣкогда Христосъ призывалъ богатаго юношу оставить все и идти за Нимъ, и какъ не внялъ призыву юноша, и сколько потерялъ, промѣнявъ вѣчное великое блаженство на нѣсколько лишнихъ лѣтъ непрочнаго земного счастья. И влеклось сердце Мантурова къ этому великому подвигу, и готовъ онъ былъ сказать „да“ старцу, стоявшему предъ нимъ, какъ свѣтлому небожителю и воплощенію всего, что выше земли и зем-

ной жизни, что правдиво, непреходяще, вѣчно... Но мысль о женѣ удерживала его.

— Оставь все,—сказалъ старецъ, знавшій, по прозорливости своей, все теченіе его мыслей.—Господь тебя не оставитъ. Богатъ не будешь, хлѣбъ-же насущный всегда у тебя будетъ.

Тогда окончательный переломъ произошелъ въ душѣ Мантурова. Жизнь отреченія была имъ избрана, и онъ воскликнулъ:

— Согласенъ, батюшка! Что-же благословите мнѣ сдѣлать?

— Вотъ, радость моя, помолимся,—былъ отвѣтъ старца,—и тогда я укажу тебѣ, какъ вразумитъ меня Богъ.

По слову о. Серафима, продалъ Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ свое имѣніе, крѣпостныхъ людей отпустилъ на волю, деньги пока приберегъ; лишь на часть ихъ купилъ 15-ть десятинъ земли въ селѣ Дивѣевѣ. На сбереженный капиталъ впослѣдствіи былъ построенъ Дивѣевскій храмъ.

Старецъ Серафимъ заповѣдовалъ Мантурову никому не продавать землю и завѣщать ее послѣ себя Дивѣевской общинѣ.

Поселился Михаилъ Васильевичъ на этой землѣ со своей женой и сталъ жить въ скудости.

Конечно, по злобѣ людской, по неспособности людей понимать тѣ великіе подвиги, то безусловное самоотреченіе, какое принялъ на себя Мантуровъ,—много пришлось ему выносить и осужденій, и насмѣшекъ. Но кротко, молча, смиренно переносилъ онъ все; всю свою жизнь, всѣ свои поступки подчинилъ старцу, въ любви къ нему находя утѣшеніе отъ всѣхъ невзгодъ, которыя принесло

ему безпрекословное послушаніе этому человѣку. И старецъ высоко цѣнилъ эту искренность къ себѣ Михаила Васильевича.

Онъ сталъ приближеннѣйшимъ къ нему и довѣреннѣйшимъ человѣкомъ. Старецъ всегда называлъ его не иначе, какъ „Мишенька“, и чрезъ него велъ всѣ дѣла Дивѣева.

Особенно много укоровъ пришлось вынести Михаилу Васильевичу отъ своей жены, тогда бывшей лютеранкою и отличавшейся раздражительнымъ характеромъ. Нужда доходила иногда до того, что нечѣмъ было освѣтить комнату, и вотъ что Мантурова, уже будучи вдовою и въ тайномъ постригѣ, разсказывала о той порѣ ихъ жизни. Однажды въ томительный, длинный зимній вечеръ, сидя безъ огня, молодая женщина стала осуждать и мужа, и старца Серафима, и горько жаловаться на свою судьбу. Вдругъ слышитъ она какой-то трескъ и не вѣритъ своимъ глазамъ: пустая, безъ масла, лампада оказалась полною масла и свѣтилась бѣлымъ огонькомъ.

Залилась тутъ Анна Михайловна слезами, стала мысленно просить прощенія у о. Серафима, и съ тѣхъ поръ ропотъ ея прекратился.

Еще необыкновеннѣе былъ переломъ, происшедшій въ жизни родной сестры Михаила Васильевича, Елены Васильевны.

Она была веселаго, бойкаго характера, любила свѣтскія забавы, наряды, шумную жизнь, многочисленное общество. Въ 1822 году 18-лѣтняя дѣвушка стала невѣстой очень любимаго ею человѣка. Но совершенно неожиданно и безъ всякихъ причинъ она отказала жениху и призналась брату: „Не могу понять, но почему-то онъ мнѣ

страшно опротивѣлъ!“ Она вся отдалась свѣтскимъ увеселеніямъ, и ея судьба очень тревожила ея родню.

Тутъ умеръ родной дѣдъ Мантуровыхъ, отецъ ихъ матери, состоятельный человѣкъ. Получивъ извѣстіе о его смертельной болѣзни, Елена Васильевна, чтобы не терять времени, не стала дожидать брата и поѣхала къ дѣду одна. Она не застала его въ живыхъ и, схоронивъ его, отъ нравственнаго потрясенія заболѣла горячкою.

Оправившись, она пустилась въ обратный путь. Ѣхала она въ каретѣ со своими людьми. Во время остановки на почтовой станціи уѣзднаго города Княгинина она послала своихъ людей въ почтовую комнату приготовить ей чай, а сама осталась дожидать въ каретѣ. Когда слуга пришелъ доложить ей, что все готово, онъ нашелъ свою госпожу въ такомъ положеніи, что невольно вскрикнулъ и остолбенѣлъ.

Елена Васильевна стояла во весь ростъ, опрокинувшись назадъ, держась судорожно рукой за полуоткрытую дверцу кареты, недвижимая, блѣдная, съ выраженіемъ паническаго ужаса на лицѣ.

Люди, сбѣжавшіеся на крикъ лакея, бережно внесли ее въ комнаты. Она не могла отвѣчать на вопросы, оставаясь въ томъ же состояніи оцѣпенѣнія. Сопровождавшая ее горничная, думая, что она умираетъ, стала громко спрашивать у нея, не позвать-ли священника. При этихъ повторяемыхъ вопросахъ Елена Васильевна начала приходить въ себя и съ радостной улыбкой прошептала: „Да, да!“ Когда пришелъ священникъ, она уже могла словесно исповѣдываться ему и пріобщилась, но охватившій ее тогда ужасъ все еще не проходилъ, и она цѣлый день не отпускала священника, держась за его рясу. Наконецъ, успо-

коившись, она продолжала свой путь. Вернувшись домой, она разсказала Михаилу Васильевичу и его женѣ о томъ, что съ нею было.

Оставшись тогда у почтовой Княгининской станціи одна въ каретѣ, она немного вздремнула. Потомъ, очнувшись, желая выйти наружу, отперла дверцу и поставила ногу на подножку. Тутъ она невольно почему-то взглянула къ верху и увидала надъ головой страшнаго, безобразнаго чернаго змія, изрыгавшаго на нее пламя. Онъ вился надъ нею, готовый ее поглотить, все ниже опускаясь къ ней; она уже ощущала на себѣ его дыханіе и не имѣла силъ звать на помощь. Наконецъ, съ величайшимъ напряженіемъ, она закричала: „Царица Небесная, спаси! Даю Тебѣ клятву никогда не выходить замужъ, идти въ монастырь!“

И въ то же мгновеніе страшный призракъ взвился къ верху и исчезъ...

Послѣ этого видѣнія Елена Васильевна круто измѣнилась. Она полюбила церковь, стала думать о Богѣ, занялась духовнымъ чтеніемъ. Опротивѣла ей мірская жизнь, и она стремилась въ монастырь, чтобы исполнить свой обѣтъ.

Она отправилась въ Саровъ къ о. Серафиму и открыла ему свое намѣреніе поступить въ монастырь. Но старецъ тогда не далъ ей на это благословенія. Вернувшись домой, много она плакала, молилась, просила у Бога вразумленія. И все сильнѣе становилась ея жажда идти въ монастырь. Еще нѣсколько разъ ѣздила она къ Серафиму, и старецъ все еще отговаривалъ ее. Этимъ путемъ испытывалъ онъ искренность и глубину ея намѣренія, и постепенно подготовлялъ ее къ жизни въ той Дивѣевской общинѣ, которую онъ началъ устраивать въ 1825 году.

Наконецъ, обезсиленная, истомленная ревностью своего желанія и противодѣйствіемъ старца, она задумала обойтись безъ его благословенія и поѣхала въ Муромъ, въ тамошній женскій монастырь.

Тамъ тотчасъ согласились принять ее, и она внесла деньги за келью. Она вернулась домой для окончательныхъ сборовъ, но не могла побѣдить желанія еще разъ повидать отца Серафима и отправилась къ нему.

Великій старецъ вышелъ къ ней навстрѣчу и, хоть ни отъ кого не могъ слышать о ея рѣшеніи, строго сказалъ, что нѣтъ ей дороги въ Муромъ и нѣтъ на то его благословенія.

Увидя старца, съ которымъ она думала навсегда проститься, чувствуя его святость, убѣдясь лишній разъ въ его прозорливости, поняла она, что не жить ей въ Муромѣ, что нигдѣ не сыскать ей такого отца и наставника.

По слову старца, она оставила въ пользу Муромскаго монастыря внесенныя ею деньги и вернулась домой, гдѣ уже три года жила, почти не выходя изъ своей кельи, въ постоянной молитвѣ.

Прошло полгода, и опять стояла она предъ старцемъ, опять просила благословить ее на монашество. Пришло время приступить ей къ подвигу, и великій старецъ сказалъ ей: „Если, радость моя, тебѣ этого такъ ужъ хочется: то есть отсюда въ 12 верстахъ маленькая община Агафьи Семеновны Мельгуновой [1]). Погости тамъ и испытай себя!“

---

[1]) Серафимо-Дивѣевскій женскій монастырь, самый многочисленный изъ женскихъ монастырей въ Россіи, возникъ изъ кружка благочестивыхъ женщинъ, собранныхъ великою подвижницею, родовитою помѣщицею Агафіею Семеновною Мельгуновой, которая, продавъ все свое имѣніе, употребила его

Это было въ 1825 г., когда Еленѣ Васильевнѣ шелъ 21-й годъ.

Въ Дивѣевѣ Елена Васильевна, за недостаткомъ мѣста, поселилась въ тѣсномъ чуланчикѣ, пристроенномъ къ одной кельѣ. Крыльцо этой кельи выходило на Дивѣевскую церковь, и часто видали, какъ подолгу сидѣла на крыльцѣ Елена Васильевна, уходя въ глубокія думы, созерцая красоту неба и природы, радуясь близости храма и тихо шепча всегда бывшую на устахъ ея молитву Іисусову [1]).

Черезъ мѣсяцъ послѣ поселенія Елены Васильевны въ Дивѣевѣ, за нею послалъ [2]) о. Серафимъ и сталъ говорить ей, что пришло время обручиться ей съ женихомъ.

Зарыдала Елена Васильевна, слыша опять прежнія рѣчи, но старецъ успокоилъ ее:

— Ты все еще не понимаешь! Время тебѣ въ черную одежку одѣться — вотъ какой женихъ-то, радость моя, у тебя будетъ!

Долго говорилъ въ этотъ разъ старецъ съ Еленой Васильевной, велѣлъ ей въ видѣ послушанія постоянно читать акаѳистъ, псалтирь, псалмы и правила съ утренею, а днемъ прясть, чему она должна была еще научиться. Еще заповѣдалъ ей старецъ, сколько возможно, проводить время въ молчаніи, отвѣчая лишь на самые нужные вопросы. Велѣлъ всегда быть въ занятіи, строже

на построеніе и украшеніе храмовъ и на дѣла милосердія, проводя жизнь въ селѣ Дивѣевѣ.

[1]) Іисусову молитву составляютъ слова: *Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго* (или *грѣшную*). Эту молитву о. Серафимъ настоятельно совѣтовалъ приходившимъ къ нему читать неопустительно, постоянно, въ одиночествѣ и въ обществѣ, при занятіяхъ, въ пути и дома.

[2]) О. Серафимъ никогда не ходилъ самъ въ Дивѣево.

поститься. Отъ пробужденія до обѣда велѣлъ ей старецъ творить молитву Іисусову, а отъ обѣда до сна молитву: „Пресвятая Богородица, спаси насъ!“ „Вечеромъ—говорилъ ей старецъ—выйди во дворъ и молись сто разъ Іисусу, сто разъ Владычицѣ, и никому не сказывай, а только молись, чтобы никто не видалъ. И пока Женихъ твой въ отсутствіи, ты не унывай, а крѣпись лишь и больше мужайся. Такъ молитвою, вѣчно неразлучною молитвою, и приготовляйся ко встрѣчѣ съ Нимъ“.

Ликующая возвратилась Елена Васильевна въ Дивѣево, надѣла монашеское платье и стала исполнять наставленія о. Серафима.

Такъ какъ въ кельѣ ея было безпокойно, старецъ благословилъ ея брата поставить ей особую маленькую келью, и она перешла въ нее вмѣстѣ со своей дворовой дѣвушкой, весьма ей преданной и не хотѣвшей разстаться съ госпожей по ея уходѣ изъ міра. Служанка эта и умерла въ Дивѣевѣ, раньше своей барышни.

Когда о. Серафимъ устроилъ въ Дивѣевѣ мельницу и перевелъ къ ней семь дѣвушекъ (онъ хотѣлъ, чтобы дѣвушки-инокини жили отдѣльно отъ вдовыхъ женщинъ), онъ назначилъ имъ начальницей Елену Васильевну.

— Всегда и во всемъ слушала васъ, батюшка,—отвѣчала Елена Васильевна, когда старецъ выразилъ ей свою волю,—но этого не могу. Лучше прикажите, чтобы умерла сейчасъ у вашихъ ногъ, но начальницей быть не желаю.

Она оставалась жить въ той же кельѣ и, хотя о. Серафимъ приказывалъ сестрамъ мельничнымъ обращаться къ ней, она до самой смерти своей отрекалась отъ начальствованія.

Еленѣ Васильевнѣ старецъ открывалъ будущее Дивѣева.

Онъ говорилъ, что не было примѣра, чтобы были женскія лавры, а что въ Дивѣевѣ будетъ лавра, что выстроится большой соборъ; старецъ разсказывалъ, какъ впослѣдствіи расположатся въ Дивѣевѣ постройки, и даже набросалъ собственноручно планъ, хранящійся доселѣ въ рамкѣ у Дивѣевской игуменіи Маріи. Планъ этотъ старецъ набрасывалъ въ своей Саровской кельѣ, стоя на колѣняхъ, на обрубкѣ, служившемъ ему столомъ, при чемъ ему помогалъ Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ.

Въ тѣхъ хлопотахъ о Дивѣевской общинѣ, которыя о. Серафимъ возлагалъ на вѣрнаго послушника своего, Михаила Васильевича Мантурова, ему приходилось переносить не мало непріятностей.

Село Дивѣево принадлежало заразъ многимъ владѣльцамъ. Одна изъ нихъ, графиня Толстая, проѣздомъ въ свои обширныя имѣнія, посѣтила Дивѣевскую общину, видѣла добрую жизнь сестеръ, и, желая выразить этому дѣлу свое сочувствіе, подарила обители небольшую полосу земли, прилегавшую къ общинѣ.

Управляющій графини, очень недовольный этимъ распоряженіемъ, возбудилъ противъ общины зятя графини, знаменитаго московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго. Въ бытность свою въ тѣхъ мѣстахъ графъ потребовалъ къ себѣ въ контору стоявшую во главѣ общины сестру Ксенію Михайловну, и невыразимо грубо оскорбилъ и ее, и обитель, называя это мѣсто скопищемъ гулящихъ дѣвокъ, такъ что отъ тяжести обиды Ксенія Михайловна тутъ же упала замертво.

Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ разсказалъ все въ глубокомъ негодованіи о. Серафиму.

Старецъ приказалъ ему объяснить кротко и вѣжливо Закревскому, что онъ заблуждается насчетъ Дивѣевской общины, и что онъ безъ всякаго повода оскорбилъ почтенную старицу, и затѣмъ низко поклониться графу, благодаря его за пожертвованіе общинѣ его тещею земли.

Какъ ни было это трудно горячему, пылкому, безстрашному Мантурову, онъ въ точности исполнилъ это приказаніе. Когда Закревскій выходилъ изъ церкви, Мантуровъ при всемъ народѣ громко объяснилъ ему неумѣстность его поступка, и, когда Закревскій, взбѣшенный, сталъ осыпать его грубыми ругательствами, Михаилъ Васильевичъ, подавивъ въ себѣ острое чувство обиды, низко поклонился ему и благодарилъ за добро, оказанное общинѣ.

Возвратясь въ Москву, Закревскій поднялъ шумъ, требовалъ, чтобы относительно общины произведено было дознаніе, и было назначено два слѣдствія духовныхъ и свѣтскихъ властей. И, съ этой поры, можно считать, община, формально еще не утвержденная, получила оффиціальную извѣстность.

Основаніе мельницы Дивѣевской, при которой старецъ поселилъ сестеръ-дѣвушекъ, тоже произошло чрезъ Михаила Васильевича. Старецъ позвалъ его какъ-то къ себѣ, поклонился ему въ ноги и просилъ идти въ Дивѣево, и тамъ отъ средины Казанской церкви алтаря отсчитать опредѣленное количество шаговъ.

— Тутъ будетъ межа,—сказалъ батюшка.—Еще чрезъ столько-то шаговъ будетъ луговина, по рединѣ ея вбей колышекъ.

Хотя старецъ самъ никогда не посѣщалъ Дивѣева, всѣ указанныя имъ разстоянія оказались до точности

вѣрны. Когда Мантуровъ, исполнивъ порученіе, вернулся къ о. Серафиму, старецъ опять поклонился ему въ ноги и былъ очень радостенъ. Чрезъ годъ онъ послалъ Михаила Васильевича вокругъ этого колышка вбить еще четыре другихъ и насыпать горку камней. На этомъ мѣстѣ чрезъ два года и была заложена мельница.

Вскорѣ послѣ окончанія постройки мельницы о. Серафимъ задумалъ выстроить для общины особую церковь. Онъ находилъ неудобнымъ постоянное соприкосновеніе мельничныхъ инокинь-дѣвушекъ съ мірянами въ церкви, и задумалъ къ паперти сельской Казанской Дивѣевской церкви пристроить особую церковь, такъ, чтобы и оградою раздѣлить входы въ оба храма. Такъ оно существуетъ и доселѣ. Спереди выстроенная Дивѣевскою первоначальницею, Агафіею Симеоновною Мельгуновою, Казанская церковь села Дивѣева, со входами съ боковъ, а сзади, въ связи съ этою церковью, двухъ-этажный храмъ Дивѣевскаго монастыря. Отъ средины общаго зданія, перпендикулярно къ нему, идетъ въ обѣ стороны ограда, такъ что самые входы въ оба храма совершенно разъединены.

Призвавъ къ себѣ Михаила Васильевича, старецъ объяснилъ ему свое намѣреніе, высказалъ мысль, что паперть Казанскаго храма достойна стать алтаремъ, такъ какъ матушка Агафія Симеоновна, стоя на молитвѣ, всю ее токами слезъ своихъ омыла; наконецъ, просилъ Михаила Васильевича употребить имѣвшійся у него отъ продажи имѣнія капиталъ на построеніе этого храма.

Значитъ, пришло время, чтобъ чистая, великая жертва Михаила Васильевича нашла себѣ столь достойную цѣль, и церковь эта, выстроенная на достояніе человѣка, обнищавшаго ради этого дѣла, имѣла особое значеніе.

Мантуровъ сталъ хлопотать о разрѣшеніи строить церковь и началъ приготовлять матеріалъ для постройки.

Не разъ другія лица прежде еще предлагали выстроить храмъ для Дивѣевскихъ сестеръ. Но старецъ отклонялъ эти предложенія. Онъ говорилъ разъ одной инокинѣ: „Не всякія деньги угодны Господу и Его Пречистой Матери и не всякія деньги попадаютъ въ мою обитель. Другіе-то и рады бы цать, да не всякія деньги приметъ Царица Небесная: бываютъ деньги обидъ, слезъ и крови; намъ такія деньги не нужны".

Въ 1829 году церковь, воздвигнутая въ связи съ колокольней Казанскаго храма, была готова; о. Серафимъ торопился съ освященіемъ ея, и онъ рѣшился освятить церковь безъ иконостаса, даже безъ входа; изъ села Лемети привезли два мѣстныхъ образа; тамъ, гдѣ нужно быть входу, поставили лѣсенку, и храмъ былъ освященъ во имя Рождества Христова. Желая, чтобы въ этомъ храмѣ почтена была и Богоматерь, о. Серафимъ пожелалъ устроить придѣлъ и во имя Богоматери. Для этого подъ церковью подкопана земля, и внизу устроенъ полутемный храмъ во имя Рождества Богоматери. Низкіе своды потолка поддерживаются четырьмя столбами, и о. Серафимъ говорилъ, что эти четыре столба знаменуютъ четверо мощей Дивѣевскихъ подвижницъ, которыя впослѣдствіи откроются въ Дивѣевѣ. Когда нижняя церковь эта въ 1830 году была готова, о. Серафимъ посылалъ хлопотать въ Нижній предъ архіереемъ о разрѣшеніи освятить ее — Елену Васильевну Мантурову.

Елена Васильевна продолжала подвижническую жизнь свою, тщательно скрывая свои подвиги. Она очень любила помогать бѣднымъ и творила добро въ тайнѣ.

Дивѣевскія сестры были бѣдны и во всемъ нуждались, и частенько въ церкви или гдѣ-нибудь на воздухѣ Елена Васильевна передавала имъ что-нибудь, какъ бы отъ чужого имени.

Питалась она лишь печенымъ картофелемъ и лепешками. То и другое висѣло въ мѣшечкахъ на крыльцѣ ея келліи. Сколько его ни пекли ей, все ей не хватало. Пекарша даже ворчала на нее, а она винилась въ жадности. Между тѣмъ и это она раздавала щедро другимъ сестрамъ.

По освященіи новыхъ храмовъ старецъ далъ Еленѣ Васильевнѣ два послушанія: быть ризничею и церковницею. Она была пострижена въ рясофоръ, и подъ камилавку о. Серафимъ надѣлъ ей шапочку, сшитую изъ его поручней.

Давая заповѣдь о томъ, какъ соблюдать порядокъ въ церкви, старецъ такъ высказался о важности послушанія церковнаго.

„Нѣтъ выше послушанія, какъ послушаніе въ церкви. Все, что ни творите въ ней, какъ входите и исходите,— все должно творить со страхомъ и трепетомъ и непрестанною молитвою, и никогда въ церкви, кромѣ необходимо должнаго-же церковнаго и о церкви, ничего не должно говориться въ ней. Что краше, превыше церкви? Гдѣ же возрадуемся духомъ, сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ нашимъ, какъ не въ ней, гдѣ самъ Владыко Господь нашъ съ нами всегда соприсутствуетъ?!“

И Елена Васильевна глубоко проникнулась наставленіями старца. Она подолгу оставалась въ церкви. Такъ какъ сестеръ грамотныхъ было мало, то ей приходилось иногда часовъ по шести сряду читать псалтирь. Когда

она оставалась въ церкви ночью одна, ее искушали страшныя привидѣнія, такъ что она падала безъ чувствъ. Старецъ запретилъ ей тогда бывать въ церкви ночью одной.

Изъ послушанія къ о. Серафиму, Мантурову пришлось на нѣкоторое время уѣхать изъ Дивѣева.

Предъ польскимъ походомъ одинъ богатый генералъ, Купріяновъ, пріѣхавъ за благословеніемъ къ о. Серафиму, сталъ просить, чтобъ батюшка на время похода позволилъ Мантурову заняться его обширными помѣстьями. Это былъ случай для Мантурова заработать деньги. Старецъ-же смотрѣлъ на это такъ: „Поѣзжай, батюшка, человѣкъ онъ ратный, а мужички бѣдные, брошены, въ расколъ совращены: вотъ, ты ими и займись. Обходись съ ними кротко: они тебя полюбятъ, послушаютъ, исправятся и возвратятся ко Христу".

Мантуровъ отправился. Онъ нашелъ крестьянъ разоренными дурнымъ управленіемъ, невѣжественными, грубыми, недоброжелательными и вовлеченными въ расколъ. Дѣйствуя, какъ предписалъ ему старецъ, мягко, заботясь о нихъ, входя въ ихъ нужды, Михаилъ Васильевичъ пріобрѣлъ ихъ довѣріе; крестьяне стали сами постоянно обращаться къ нему, стали богатѣть.

Мѣста были тамъ болотистыя, и въ то время свирѣпствовали заразительныя лихорадки. Не избавился отъ нихъ и Михаилъ Васильевичъ. Увѣдомляя сестру о болѣзни, онъ просилъ узнать у старца средство, какъ вылѣчиться. Старецъ отвѣчалъ ему чрезъ Елену Васильевну, что совѣтуетъ никогда не лѣчиться у докторовъ, не прибѣгать къ лѣкарствамъ, а на сей разъ велѣлъ ѣсть мякоть теплаго пропеченнаго хлѣба. Выздоровѣвъ,

Мантуровъ сталъ то же давать крестьянамъ, которые тоже выздоравливали и, подъ впечатлѣніемъ этихъ необыкновенныхъ происшествій, стали возвращаться въ православную церковь.

Построивъ, съ помощью Мантурова, Рождественскій храмъ, о. Серафимъ пожелалъ раньше смерти своей приготовить землю для собора Дивѣевскаго, о красотѣ и величіи котораго онъ предсказывалъ первоначальнымъ сестрамъ Дивѣевскимъ и который, дѣйствительно, сколько раньше ни слышалъ о немъ, изумляетъ, поражаетъ душу всякаго, видящаго его въ первый разъ.

Дивѣевская община вся была окружена какъ-бы лоскутьями чрезполоснаго владѣнія многихъ помѣщиковъ. Вотъ, къ одному изъ нихъ, Жданову, которому принадлежала земля, назначавшаяся подъ соборъ, о Серафимъ и послалъ Елену Васильевну, вручивъ ей на покупку триста рублей.

При этомъ старецъ объяснилъ ей: „Когда святой царь Давидъ восхотѣлъ соорудить храмъ на горѣ Моріа, то гумно Орны не принялъ задаромъ, а заплатилъ цѣну. И теперь Царицѣ Небесной угодно, чтобы мѣсто подъ соборъ было пріобрѣтено покупкою. Я бы могъ выпросить землю. Но Ей не угодно!“

Елена Васильевна поѣхала въ Темниковъ, гдѣ жилъ г. Ждановъ, и передала ему желаніе старца.

— Какъ,—воскликнулъ Ждановъ, искренно чтившій великаго старца: вы шутите, вѣроятно. Неужели вы думаете, что я стану продавать дивному Серафиму этотъ малый клокъ земли, принадлежащій единственно мнѣ! Берите его даромъ.

Когда же Елена Васильевна объяснила, почему о. Се-

рафимъ не желаетъ дара, Ждановъ, хотя съ крайней неохотою, принялъ деньги и совершилъ на землю купчую крѣпость.

Деньги о. Серафима оказались счастливыми. До того Ждановъ, отецъ многочисленной семьи, сильно бѣдствовалъ вслѣдствіе крайней запутанности дѣлъ. Получивъ насильно отъ Елены Васильевны триста рублей, онъ пріобрѣлъ внезапную удачу въ дѣлахъ: всѣ дѣти его хорошо устроились, всѣ дѣла распутались.

Когда Елена Васильевна вернулась изъ Темникова и вручила старцу купчую на землю, онъ пришелъ въ восторгъ и сталъ восклицать: „Вотъ радость-то, матушка, какая! Соборъ-то у насъ какой будетъ, матушка! Соборъ-то какой! Диво!“

Старецъ оставилъ купчую крѣпость на храненіе у Елены Васильевны, а въ случаѣ смерти ея заповѣдалъ передать ее Михаилу Васильевичу и беречь ее пуще ока.

Будучи руководителемъ брата и сестры Мантуровыхъ въ великомъ ихъ подвигѣ, старецъ Серафимъ имѣлъ возможность помолиться еще на землѣ о упокоеніи души избранной послушницы своей. И ей, предъ кончиной ея, какъ нѣкогда при первомъ ея знакомствѣ со старцемъ, дано было явить изумительный примѣръ покорности слову старца и безграничной вѣры въ него.

Елена Васильевна скончалась за семь мѣсяцевъ до кончины дивнаго своего учителя и наставника.

Видя, какъ постепенно старецъ слабѣетъ, предчувствуя, что дни его сочтены, она, еще полная жизни и силъ, стала говорить:

— Скоро останемся мы безъ батюшки. Навѣщайте его какъ можно чаще; не долго ему быть среди насъ. Я

уже не могу жить безъ него и не спасусь. Какъ ему угодно: я его не переживу, пусть меня раньше отзовутъ.

Эту мысль высказала она разъ и самому старцу.

— Радость моя,—отвѣтилъ ей о. Серафимъ,—а вѣдь служанка твоя раньше тебя войдетъ въ Царствіе, а скоро и ты за нею.

Дѣйствительно, крѣпостная дѣвушка ея, Устинья, до того привязанная къ своей госпожѣ, что за нею вступила въ Дивѣевъ, заболѣла чахоткой. Ее мучила мысль, что она, больная, безполезная, занимаетъ лишнее мѣсто въ тѣсной кельѣ Елены Васильевны, и все просилась уйти въ другую келью. Но Елена Васильевна уложила ее на лучшее мѣсто и сама до конца ей служила.

Предъ смертью Устиньѣ былъ сонъ: видѣла она чудный садъ, съ необыкновенными плодами, и кто-то ей сказалъ: „этотъ садъ общій, твой съ Еленой Васильевной и вскорѣ за тобой она придетъ въ этотъ садъ!"

Выше было сказано, какъ Михаилъ Васильевичъ заболѣлъ злокачественной лихорадкой и какъ старецъ исцѣлилъ его.

Немного спустя, онъ послалъ за Еленой Васильевной, которая пришла къ нему въ сопровожденіи послушницы Ксеніи.

— Радость моя,—сказалъ старецъ,—ты меня всегда слушала. Можешь-ли и теперь исполнить одно послушаніе, которое я хочу тебѣ дать?

— Я всегда слушала васъ, батюшка,—отвѣчала она:— послушаю васъ и теперь.

— Вотъ видишь-ли,—сталъ тогда говорить старецъ,— пришло Михаилу Васильевичу время умереть, онъ боленъ, и ему нужно умереть. А онъ нуженъ для обители, для

7 Зак. № 808

сиротъ Дивѣевскихъ. Такъ вотъ и послушаніе тебѣ: умри ты за Михаила Васильевича.

— Благословите, батюшка!..

Таковъ былъ покорный отвѣтъ великой послушницы старца.

Много бесѣдовалъ съ ней въ тотъ разъ старецъ, успокаивая ее и говоря ей о сладости смерти, о безграничномъ счастьи будущей жизни.

— Батюшка, я боюсь смерти,—сказала вдругъ Елена Васильевна.

— Радость моя, — отвѣтилъ ей старецъ, — что намъ съ тобой бояться смерти. Для насъ съ тобой будетъ лишь вѣчная радость.

Простилась Елена Васильевна со старцемъ, стала выходить изъ кельи, но на порогѣ упала на руки подхватившей ее послушницы Ксеніи.

Старецъ велѣлъ положить ее въ своихъ сѣняхъ на приготовленный имъ для себя гробъ, вспрыснулъ ее святой водой, далъ ей испить, и тѣмъ привелъ ее въ чувство. Вернулась она домой и, больная, слегла въ постель, говоря: „теперь я уже болѣе не встану!“

Болѣзнь ея была непродолжительна, всего нѣсколько дней.

Она особоровалась и нѣсколько разъ пріобщалась. Духовникъ ея предлагалъ написать ея брату, Михаилу Васильевичу, съ которымъ она жила душа въ душу. Но она отвѣтила: „Нѣтъ, батюшка, не надо. Мнѣ будетъ жаль его и это помутитъ мою душу, которая не столь чистою уже явится къ престолу Божію“.

Въ послѣдніе дни ея жизни, дивныя видѣнія открывались духовному взору подвижницы. Однажды она ра-

достно воскликнула, точно видя передъ собою воочію Владычицу міра: „Святая игуменія! Матушка, обитель нашу не оставь!“

Исповѣдуясь послѣдній разъ духовнику, она открыла ему, что видѣла райскія обители. Величественная Царица невыразимой красоты сказала ей: „слѣдуй за Мною!“— и повела ее въ сіяющіе чертоги...

Когда передъ самымъ концомъ ея преданная послушница Ксенія рѣшилась спросить ее, видѣла ли она среди явленныхъ ей откровеній Самого Господа, она сперва тихимъ голосомъ запѣла: „Бога человѣкомъ невозможно видѣти, на Него же не смѣютъ чини ангельстіи взирати“, но потомъ, когда та продолжала умолять свою госпожу открыть ей эту тайну, Елена Васильевна, вся просвѣтлѣвъ съ восторженнымъ, чуднымъ выраженіемъ въ лицѣ отвѣчала: „Видѣла, какъ неизреченный огнь. А Царицу и ангеловъ видѣла просто“.

Елена Васильевна велѣла еще живую „собрать“ себя для гроба:—одѣть и оправить, говоря, что иначе, когда она умретъ, въ этомъ помѣшаютъ.

Тихъ и миренъ былъ послѣдній вздохъ подвижницы, и чистая душа ея, освобожденная отъ узъ тѣла, ликуя понеслась въ небесную отчизну.

Совершилось это 28-го мая 1832 года, наканунѣ Троицына дня, послѣ семи-лѣтняго пребыванія Елены Васильевны въ Дивѣевѣ. Она жила на землѣ 27 лѣтъ.

Внѣшность великой подвижницы была чрезвычайно привлекательна:—высокаго роста, съ круглымъ красивымъ лицомъ, съ черными волосами, которые она заплетала въ косу, черными глазами, сверкавшими умомъ и волею.

Правду говорила Елена Васильевна, предупреждая, что,

если ее не приготовятъ во гробъ раньше, не оповѣщая о ея смерти, то сестры помѣшаютъ убрать ее. Только что было это исполнено, какъ дивѣевскія сестры, среди которыхъ она пользовалась общимъ горячимъ расположеніемъ, узнавъ о ея концѣ, съ воплями наводнили ея маленькую, тѣсную келлію, такъ что трудно было класть ее во гробъ, Гробъ за три дня до того былъ присланъ о. Серафимомъ—выдолбленный изъ цѣлаго дуба. Вскорѣ, при звонѣ къ вечернѣ, ее вынесли въ церковь.

Она лежала въ рубашечкѣ о. Серафима, въ платкѣ и монашеской ряскѣ, въ рукахъ ея были четки. Прямо на волосы подъ платкомъ была надѣта та шапочка, которую великій старецъ надѣлъ на нее послѣ постриженія и которая была сшита изъ его поручей.

Дивный Серафимъ провидѣлъ время кончины своей ученицы. Сестеръ Дивѣевскихъ, бывшихъ въ ту пору въ Саровѣ, онъ поспѣшно посылалъ домой, говоря имъ: „Скорѣе, скорѣе грядите въ обитель. Тамъ великая госпожа ваша отошла ко Господу“.

Именемъ „великая госпожа ваша“ о. Серафимъ въ бесѣдахъ съ дивѣевскими часто называлъ Елену Васильевну. Замѣчательно, что, несмотря на отказъ ея отъ настоятельства — единственно, въ чемъ она до конца противорѣчила старцу, — о. Серафимъ считалъ ее начальницею дивѣевскою, и въ этомъ опредѣленіи его было что-то таинственное.

Въ самый праздникъ Пресвятой Троицы Елену Васильевну отпѣвали. Воочію всего народа, во время Херувимской пѣсни, Елена Васильевна въ своемъ гробѣ три раза улыбнулась, какъ живая.

Съ правой стороны Казанской церкви покоится перво-

начальница Дивѣевская, Агафія Симеоновна Мельгунова, предъ памятью которой благоговѣлъ о. Серафимъ и которую называлъ „великая жена“. Около нея приготовили могилу и для Елены Васильевны.

Передаютъ, что не разъ на этомъ мѣстѣ хотѣли хоронить мірянъ, но всякій разъ, какъ начинали готовить могилу, ее заливало водою. Теперь же могила была суха.

На третій день по кончинѣ Елены Васильевны, преданная ей послушница Ксенія пришла въ Саровъ, къ о. Серафиму, вся разстроенная и въ слезахъ.

— Что ты плачешь?—сказалъ ей великій старецъ.— Радоваться надо! Сюда придешь на сороковой день. А теперь поди въ Дивѣево: непремѣнно надо, чтобы сорокъ дней обѣдня была. Хоть въ ногахъ у священника валяйся.

Ксенія ушла въ слезахъ въ Дивѣевъ, а сосѣдъ по кельѣ о. Серафима видѣлъ, какъ онъ долго ходилъ въ сильномъ волненіи, говоря самъ съ собой: „Ничего не понимаютъ! Плачутъ!.. А кабы видѣли, какъ душа-то ея летѣла! Какъ птица вспорхнула! Херувимы и Серафимы разступились“.

На сороковой день, утѣшая плачущую Ксенію, о. Серафимъ говорилъ о томъ, что она угодила Господу и предсказалъ, между прочимъ, что со временемъ мощи Елены Васильевны будутъ открыто почивать въ Дивѣевѣ.

Въ Дивѣевскомъ монастырѣ хранятся иконы Елены Васильевны: родительское ей благословеніе — Елецкая икона Богоматери, икона Успенія въ фольгѣ и икона Спасителя, несущаго крестъ, сработана разноцвѣтнымъ бисеромъ по воску руками Елены Васильевны.

Закончился жизненный великій подвигъ избранницы Божіей. Созданная для міра и утѣхъ его, но рано понявъ, что лишь область Божества удовлетворитъ ту жажду высокаго, абсолютнаго, вѣчнаго, что была въ душѣ ея,—съ беззавѣтною искренностью отвергнувъ все земное, пошла Елена Васильевна по пути, освященному Христомъ,—по пути самоотреченія. Увѣровавъ въ святость духовнаго наставника своего, она принимала всякое слово какъ бы изъ устъ Божіихъ и была послушна ему, „даже до смерти".

Съ глубокимъ душевнымъ волненіемъ, поминая эту озаренную столь яркимъ убѣжденіемъ, полную одного порыва къ Богу, жизнь,—станемъ просить праведницу, чтобъ и намъ помогла она не забывать о томъ небѣ, которое теперь стало ея неотъемлемымъ удѣломъ и которое пріобрѣтается лишь горячей вѣрой и неослабнымъ подвигомъ!..

Во время кончины сестры, Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ находился въ Симбирскихъ помѣстьяхъ генерала Купріянова. Тамъ же былъ онъ и во время блаженной кончины старца Серафима, послѣдовавшей чрезъ полгода 2-го Января 1833 года.

Тяжело было Михаилу Васильевичу за-разъ лишиться столь дорогихъ для него людей. И сестра могла оказывать ему нравственную поддержку въ несеніи нищеты; легкою казалась ему бѣдность при жизни великаго старца, который побудилъ его къ такому самоотреченію и въ которомъ онъ всегда находилъ отраду и утѣшеніе,—теперь приходилось терпѣть одному.

Страшныя испытанія начались для Михаила Васильевича тотчасъ по кончинѣ старца.

Одинъ изъ послушниковъ Саровскихъ, Иванъ Тихоновъ,—человѣкъ, хотя и въ дѣйствительности преданный старцу Серафиму, но характера своевольнаго,—замыслилъ распоряжаться дѣлами Дивѣевскими. Желая дѣйствовать по своему, онъ рѣшился отстранить отъ Дивѣева лицъ, которымъ старецъ сообщилъ свои намѣренія и рѣшенія по устройству общины. Довольно долго распоряжался Иванъ Тихоновъ дѣлами Дивѣева, пока послѣ великихъ смутъ и раздоровъ, тамъ возбужденныхъ, не былъ устраненъ отъ Дивѣева высшею церковною властью. Его сторонницы, выйдя изъ Дивѣева, основали въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ Серафимо-Понетаевскую обитель, тоже достигшую теперь полнаго процвѣтанія.

Отъ этого Ивана Тихонова, по жизни, правда, подвижника, но горѣвшаго ревностью не по разуму, и пришлось Михаилу Васильевичу вынести тяжкое гоненіе.

По окончаніи польскаго похода, генералъ Купріяновъ пріѣхалъ въ Саровъ на поклоненіе могилѣ отца Серафима.

Много распространяясь о своей чрезвычайной привязанности къ о. Серафиму, чѣмъ и привлекалъ къ себѣ почитателей старца, Иванъ Тихоновъ сумѣлъ войти въ довѣріе генерала. Выставляя, что ему, Тихонову, поручены старцемъ заботы о Дивѣевѣ, Тихоновъ оклеветалъ предъ генераломъ Мантурова, какъ корыстнаго человѣка, и просилъ содѣйствія генерала, чтобы вынудить у Мантурова уступку теперь же въ пользу общины 15 десятинъ земли при селѣ Дивѣевѣ, пріобрѣтенныхъ имъ тогда покупкою.

А о землѣ этой о. Серафимъ далъ заповѣдь Мантурову — хранить ее какъ зеницу ока и лишь по смерти завѣщать ее Дивѣеву.

Пріѣхалъ къ себѣ Купріяновъ, сталъ уговаривать передать землю общинѣ или продать. Мантуровъ, помня приказаніе старца, отказался наотрѣзъ.

— Да знаешь ли, — закричалъ тогда на него генералъ,—что такъ же просто, какъ выпить стаканъ воды, я выпью всю твою кровь за твое упрямство.

— Хоть убейте меня,—спокойно отвѣчалъ Михаилъ Васильевичъ, — а я также просто не отдамъ ни за что моей земли, которую старецъ приказалъ мнѣ хранить и не уступать никому до моей смерти.

Раздражила генерала стойкость Мантурова, и онъ съ позоромъ выгналъ отъ себя преданнѣйшаго ученика старца Серафима. Придравшись къ чему-то, онъ даже велѣлъ удержать его платье, спальныя подушки его жены и не выдалъ ему заслуженнаго имъ жалованья.

Нищимъ, въ полномъ смыслѣ слова, вышелъ Мантуровъ отъ неблагодарнаго богача, которому столько сдѣлалъ добра, устроивъ его имѣнія.

Съ женою своей Анной Михайловной онъ пошелъ пѣшкомъ въ Дивѣево, гдѣ указалъ жить ему старецъ и откуда вышелъ онъ лишь изъ послушанія старцу. Они шли на Москву, кое-какъ кормясь. Но въ Москвѣ они остались безъ гроша, безъ возможности купить хоть кусокъ хлѣба.

Анна Михайловна была въ полномъ истощеніи отъ усталости и отъ голода и невольно роптала. Въ такомъ безвыходномъ положеніи, не ища помощи отъ людей, Михаилъ Васильевичъ надѣялся лишь на помощь Царицы Небесной. Подолгу стоялъ онъ въ знаменитой московской часовнѣ Иверской, полной съ утра до вечера

народомъ, и предъ Чудотворной Иверской иконой просилъ Богоматерь не дать умереть ему съ женой съ голоду.

Возвращаясь домой, онъ задѣлъ за что-то ногой. Нагнувшись, онъ увидалъ на землѣ 60 копѣекъ. Сперва онъ подождалъ, не явится-ли владѣлецъ этихъ денегъ. Но такъ какъ никто ихъ не спрашивалъ, Мантуровъ, съ вѣрою, что эту помощь посылаетъ ему Владычица, взялъ деньги и понесъ ихъ домой, гдѣ на нихъ накормилъ жену.

Этотъ случай повторился нѣсколько разъ, и тѣмъ Мантуровы поддерживали свое существованіе. Какъ-то разъ, одинъ совершенно неизвѣстный Мантурову человѣкъ подошелъ къ нему и, не глядя на него, сунулъ ему въ руки бумажку и быстро скрылся. Бумажка эта была денежная. Въ великой радости вернулся Мантуровъ къ женѣ, и, поблагодаривъ Бога, они рѣшились продолжать путь въ Дивѣево. Много видѣли еще они въ этомъ пути чудесной помощи, и, наконецъ, дошли до мѣста.

Благоговѣйный почитатель отца Серафима, Дивѣевскій священникъ о. Василій Садовскій отдалъ Михаилу Васильевичу свои послѣдніе 75 рублей ассигнаціями, сбереженные имъ про черный день; на эти деньги Мантуровъ поставилъ себѣ на своей землѣ маленькій срубъ и сталъ жить въ немъ съ Анной Михайловной въ скудости, кормясь своимъ трудомъ.

Анна Михайловна къ тому времени во многомъ измѣнилась и была уже далеко не такова, какъ въ тѣ дни, когда жестоко роптала на старца и порицала мужа. Убѣжденіе въ святости старца давало ей силы терпѣть. Убѣжденіе это создалось въ ней опытомъ. Между прочимъ, никогда не могла она забыть, какъ батюшка на-

училъ ее славянской грамотѣ. Почти всякій разъ, какъ она видала старца, старецъ говорилъ ей: „Матушка, читай жизнь преподобной Матроны и подражай ей!“ И, сколько ни говорила она, что не умѣетъ читать по славянски, — старецъ все повторялъ свое. Наконецъ, взяла Анна Михайловна въ руки житіе преподобной Матроны и, хотя никогда не читала по-славянски, стала читать. Даже тамъ, гдѣ были титла, сама догадывалась, какъ надо произносить, такъ что вскорѣ уже бѣгло могла чичать церковно-славянскія книги.

„Люди злы“: вотъ печальная истина, въ которой Михаилу Васильевичу пришлось убѣдиться за два послѣднія десятилѣтія своей жизни.

Грустно было ему видѣть, что многое въ Дивѣевѣ дѣлается не по духу старца Серафима. Но Мантуровъ хорошо понималъ, что гдѣ же ему, нищему, выгнанному съ позоромъ съ мѣста управляющему, противостоять Ивану Тихонову, заручившемуся покровительствомъ многихъ сильныхъ лицъ. При встрѣчахъ съ нимъ, Мантуровъ старался выяснить ему неправильность его поступковъ, но напрасно, и за ревность свою о дѣлѣ Серафимовомъ Мантуровъ видѣлъ однѣ непріятности и клеветы. Пришлось ему перенести и новую бѣду: его домикъ сгорѣлъ. Съ помощью добрыхъ людей онъ на своей землѣ поставилъ себѣ другой, въ которомъ и прожилъ до смерти.

Когда въ 1848 г. стали выбирать мѣсто для закладки большого Дивѣевскаго собора, Михаилу Васильевичу пришлось вынести упорную борьбу съ Иваномъ Тихоновымъ, отстаивая предъ нижегородскимъ преосвященнымъ то мѣсто, которое великій старецъ, чрезъ сестру его Елену Васильевну, пріобрѣлъ подъ соборъ за триста рублей у

Жданова, тогда какъ Иванъ Тихоновъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ заложить соборъ на другомъ мѣстѣ. Четыре мѣста предлагалъ Тихоновъ, и всѣ они по очереди должны были быть отвергнуты, такъ что лица, знавшія волю старца, съ вѣрою говорили:

— Ну, посмотримъ, какъ о. Серафимъ доведетъ соборъ до своего мѣста.

Когда, наконецъ, стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ находившійся въ то время въ Дивѣевѣ нижегородскій преосвященный Іаковъ, убѣдившійся въ правотѣ словъ Мантурова, спросилъ: „А какъ же въ однѣ сутки (закладка была назначена на другой день) успѣютъ вырыть канавы для фундамента?"—столпившійся вокругъ народъ отвѣчалъ: „Насъ здѣсь собралась не одна тысяча: пособимъ!"—и подъ руководствомъ Мантурова, который, и, на этотъ разъ, со свойственною ему пылкостью отстоялъ старцеву волю, работа закипѣла.

Лишь нѣсколько лѣтъ прожилъ Михаилъ Васильевичъ послѣ этой борьбы.

За нѣсколько дней до смерти видѣлъ онъ во снѣ старца Серафима. Старецъ далъ ему въ руки хлѣбъ, говоря: „Хлѣбецъ этотъ тебѣ. Кушай, сколько угодно, а остальное раздай тѣмъ, кто насъ знаетъ". Затѣмъ, старецъ сказалъ: „Жди меня, я за тобой приду скоро; благовѣстятъ, ступай къ обѣднѣ, мы тамъ вмѣстѣ помолимся!" А Аннѣ Михайловнѣ старецъ, въ предреченіе ея вдовства, сказалъ: „А ты, матушка, походи здѣсь еще одна!" Помолясь съ Мантуровымъ на клиросѣ церкви, старецъ сказалъ ему: „Потерпимъ еще, батюшка, потерпимъ еще немного!" — и тутъ сонъ кончился.

7 іюля 1858 года, наканунѣ праздника Казанской

иконы, Мантуровъ заказалъ обѣдню въ построенной имъ Рождественской церкви и пріобщился; послѣ обѣдни онъ сталъ повторять церковницѣ нѣкоторыя распоряженія о. Серафима относительно этой церкви, что удивило сестеръ. Вернувшись домой и напившись чая, Михаилъ Васильевичъ прошелъ въ садъ и, почувствовавъ сильную усталость, присѣлъ на скамейку, и тутъ же безболѣзненно предалъ Богу свою чистую, праведную душу.

Съ виду Мантуровъ былъ очень пріятенъ: у него, какъ и у сестры его, было открытое, круглое лицо. Нравъ его былъ веселый, простой. Онъ былъ чрезвычайно добръ и безгранично искрененъ.

О томъ, какое впечатлѣніе онъ производилъ на свѣтскихъ людей, можно судить изъ письма пензенскаго помѣщика, сына знаменитаго военнаго исторіографа генерала Михайловскаго-Данилевскаго, семья котораго издавна имѣла отношеніе къ Дивѣеву.

„Михаилъ Васильевичъ скончался, — пишетъ онъ.— Два или три раза видѣлъ я его, но бесѣда съ нимъ была мнѣ очень впечатлительна. Нельзя ли собрать какія нибудь хоть краткія, но вѣрныя свѣдѣнія о его жизни: о подвигѣ бѣдности Бога ради, о излѣченіи его о. Серафимомъ, и, наконецъ, о его блаженной кончинѣ? Я напечаталъ бы эти свѣдѣнія въ одномъ изъ журналовъ. Право, оно было бы: во 1-хъ, полезно для ближнихъ, ибо, можетъ, кто изъ читателей, прочтя о простотѣ жизни его, и опомнился бы, и во 2-хъ, главное, было бы многопорочному и грѣховному міру напоминаніемъ, что есть люди, пренебрегшіе благами міра, и что все-таки свѣтъ ихъ не забылъ“.

Пишущему эти строки приходилось посѣщать Дивѣевъ.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ могилъ Дивѣевской первоначальницы Агафіи Симеоновны Мельгуновой и Елены Васильевны Мантуровой, лежитъ, съ лѣвой стороны Рождественской церкви, Михаилъ Васильевичъ. Простая деревянная доска съ крестомъ изъ чернаго дуба покрываетъ его могилу; на стѣнѣ церкви противъ могилы прибита икона его ангела Михаила Архистратига.

Такъ покоится онъ у храма, созданнаго цѣною его самоотверженія, его покорности старцу и великой его жертвы.

И сколько думъ, когда видишь эти двѣ могилы сестры и брата, тѣснится въ головѣ! Лишивъ себя радостей жизни, съ вѣрою, что воздастъ имъ Господь въ вѣчномъ Царствѣ, не ликуютъ-ли они теперь оба вмѣстѣ съ дивнымъ учителемъ своимъ, призывая и насъ къ той же жизни духа, къ той же силѣ и исключительности вѣры!

Подъ духовнымъ руководствомъ о. Серафима находилась крестьянская семья Мелюковыхъ, изъ деревни Погибловой, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Семью эту составляли: братъ Иванъ Семеновичъ и двѣ сестры, Прасковья и Марья Семеновны.

Старшая изъ нихъ жила въ Дивѣевской общинѣ, а младшая, Марія, въ ноябрѣ 1823 года, „увязалась“ за сестрой изъ деревни въ Дивѣевъ.

Когда 13-лѣтняя Марія увидала о. Серафима, старецъ различилъ въ ней будущую великую подвижницу и велѣлъ ей остаться въ Дивѣевѣ.

Эта была избранная душа, ангелоподобная видомъ, несравнимая ни съ кѣмъ своими свойствами.

Высокая ростомъ, она имѣла прекрасное продолгова-

тое лицо, дышавшее свѣжестью, голубые глаза, свѣтло-русыя брови и густые свѣтлорусые волосы.

Поступивъ въ Дивѣево, отроковица Божія сразу приступила къ столь великимъ подвигамъ, что превосходила строгостью жизни опытныхъ сестеръ. Молитва никогда не прекращалась въ ней, и только на самые необходимые вопросы она отвѣчала съ небесною кротостью. Внѣ этого она не вела никогда разговоровъ.

Старецъ особенно заботливо относился къ ней, въ ея молодыхъ годахъ почиталъ въ ней созрѣвшую для Царствія Божія душу. Насколько повиновалась она всякому слову старца, видно изъ слѣдующаго. Разъ ея родная сестра спросила ее о какомъ-то Саровскомъ монахѣ, и она удивленно сказала ей:

— А какіе видомъ-то монахи, Параша, бываютъ: похожи-ли на батюшку?

Сестра отвѣтила:

— Вѣдь ты бываешь въ Саровѣ часто; какъ-же ты не видала монаховъ, что спрашиваешь?

— Нѣтъ, Параша,—кротко отвѣчала Марія;—вѣдь я ничего не вижу и не знаю. Батюшка Серафимъ приказывалъ мнѣ никогда не глядѣть на нихъ, и я такъ повязываю платокъ на глаза, чтобъ только видѣть у себя подъ ногами дорогу.

О. Серафимъ посвящалъ ее во многое: говорилъ ей о будущей славѣ Дивѣевской обители, открывалъ ей духовныя великія тайны, прося ее никому о томъ не разсказывать. И свято хранила она это приказаніе, какъ ни упрашивали ее передать, что слыхала она отъ старца.

Иванъ Мелюковъ, братъ Прасковьи и Маріи, былъ близокъ къ старцу, ходилъ часто въ Саровъ и впослѣд-

ствіи кончилъ тамъ жизнь инокомъ, а три дочери его были потомъ въ Дивѣевѣ.

Дочь его Елена съ пяти лѣтъ взята была въ Дивѣево своей теткою Прасковьею. Когда тетка брала ее съ собою въ Саровъ, о. Серафимъ ласкалъ ребенка и пророчески называлъ ее „великая госпожа“, говоря, что она будетъ благодѣтельницею Дивѣева. Онъ даже приказывалъ иногда сестрамъ благодарить дѣвочку за ея будущія благодѣянія обители.

Она впослѣдствіи, послѣ кончины старца, вышла замужъ за горячаго и преданнѣйшаго почитателя старца, неоцѣненнаго Николая Александровича Мотовилова, и, ставши барынею, не утратила ни привязанности къ Дивѣеву, ни благоговѣнія къ памяти старца. Вмѣстѣ съ мужемъ она благотворила обители, а по смерти его доживаетъ теперь въ Дивѣевѣ, столь близкомъ ей, свои дни.

Въ обители хранится память о предсказаніяхъ, которыя о. Серафимъ дѣлалъ ея отцу, Ивану Мелюкову, о судьбѣ Дивѣева. Такъ, онъ слыхалъ отъ отца Серафима такія слова: „Если кто моихъ сиротъ-дѣвушекъ обидитъ (отецъ Серафимъ называлъ всегда Дивѣевскихъ сестеръ „сиротами“), тотъ великое получитъ отъ Господа наказаніе. А кто заступится за нихъ, и въ нуждѣ защититъ и поможетъ,—изольется на того свыше великая милость Божія. Кто даже сердцемъ вздохнетъ да пожалѣетъ ихъ, и того Господь наградитъ“.

Вотъ, что еще говорилъ Ивану Мелюкову старецъ: „Счастливъ всякъ, кто у убогаго Серафима въ Дивѣевѣ пробудетъ сутки, отъ утра и до утра, ибо Матерь Божія, Царица Небесная, каждыя сутки посѣщаетъ Дивѣевъ“.

По кончинѣ Маріи Семеновны старецъ говорилъ, что

въ Царствіи небесномъ она будетъ стоять во главѣ отошедшихъ Дивѣевскихъ инокинь.

Марья Семеновна присутствовала при одномъ необыкновенномъ моленіи о. Серафима о Дивѣевѣ. Войдя съ двумя Дивѣевскими инокинями, одной изъ которыхъ была Марія, въ хижину „Дальней пустыньки“ [1]), о. Серафимъ далъ имъ въ руки по зажженной свѣчѣ, велѣлъ стать имъ по обѣ стороны Распятія, висѣвшаго тамъ у него на стѣнѣ, а самъ, ставъ передъ Распятіемъ, долго, долго молился, велѣлъ молиться и имъ. Конечно, эта молитва во мнѣніи старца имѣла особое значеніе.

Кое-что изъ слышаннаго отъ старца Марія Семеновна, съ позволенія старца, который провидѣлъ ея раннюю кончину, передавала другимъ сестрамъ. Такъ, слышала она отъ старца, что Казанская Дивѣевская церковь станетъ монастырскою, что великая участь ожидаетъ Дивѣевскую обитель, что впослѣдствіи Дивѣевъ будетъ единственная лавра въ Россіи.

Еще передавала она слова великаго старца: „Убогій Серафимъ могъ бы обогатить васъ, но это вамъ не полезно. Въ послѣднее время будетъ у васъ изобиліе во всемъ, но тогда уже будетъ всему конецъ“.

* * *

Всего шесть лѣтъ подвизалась Марія въ Дивѣевѣ.

Къ сожалѣнію, мало свѣдѣній сохранилось о подробностяхъ ея жизни въ обители. Главнымъ образомъ потому, какого высокаго мнѣнія былъ о ней великій ста-

---

[1]) Дальнею пустынькою называется то мѣсто въ Саровскомъ лѣсу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сарова, гдѣ о. Серафимъ проходилъ подвигъ пустынножительства.

рецъ Серафимъ, да по тому обаянію, которое доселѣ окружаетъ имя ея въ Дивѣевѣ, можно судить о высокой степени, ею достигнутой.

О причинѣ смерти ея, старецъ, впослѣдствіи, говорилъ одной монахинѣ: „Когда въ Дивѣевѣ строили церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, то дѣвушки сами носили камешки: кто по два, кто по три; а она наберетъ пять или шесть камешковъ-то и, съ молитвой на устахъ, молча возносила свой горящій духъ ко Господу. Скоро и преставилась Богу!“

Скончалась она 29 августа 1829 года. Старецъ въ Дивѣевѣ предузналъ ея кончину, и въ часъ ея сказалъ съ плачемъ своему сосѣду по кельѣ отцу Павлу: „Павелъ, а вѣдь Марія-то отошла. И такъ мнѣ ея жаль, такъ жаль, что, видишь, все плачу“.

Старецъ послалъ для нея дубовый цѣльный гробъ, утѣшалъ ея сестру Прасковью и сказалъ ей: „Марію я посхимилъ. Она схимонахиня Мараа. У нея все есть: схима и мантія, и камилавочка моя. Во всемъ этомъ положите ее. Не унывайте, — прибавилъ старецъ: ея душа въ Царствіи небесномъ, и весь родъ вашъ по ней спасется“.

Послалъ еще о. Серафимъ въ Дивѣевъ 25 рублей на расходы по погребенію, 25 рублей мѣди, чтобъ инокинямъ и всѣмъ, кто ни будетъ на похоронахъ, раздать по три копѣйки; послалъ на сорокаустъ колотокъ свѣчей, чтобъ, не переставая, горѣли днемъ и ночью въ церкви, ко гробу рублевую свѣчу желтаго воску и для отпѣванія полпуда 20-копѣечныхъ свѣчей.

На 19-лѣтнюю схимницу возложили тѣ вещи, которыя подарилъ ей о. Серафимъ. На распущенные волосы одѣли

зеленую бархатную шапочку, въ руки дали кожаныя четки, сверху надѣли черную съ бѣлыми крестами схиму и длинную мантію.

Всѣхъ, приходившихъ къ нему, старецъ посылалъ изъ Сарова въ Дивѣевъ на похороны Маріи Семеновны. Сестрамъ Дивѣевскимъ, работавшимъ въ лѣсу у рѣчки Сарова, старецъ сказалъ: „Грядите, грядите скорѣе въ Дивѣевъ. Тамъ отошла ко Господу великая раба Божія Марія“. Сестры не знали,—о какой Маріи говоритъ старецъ, и очень удивились, найдя Марію Семеновну умершею.

И шедшихъ къ нему крестьянъ старецъ толпами посылалъ на похороны,—говоря, чтобы дѣвушки пріодѣлись, расчесали волосы и припали ко гробу Маріи.

Когда съ похоронъ пріѣхалъ къ старцу братъ Маріи, Иванъ Мелюковъ, то батюшка нѣсколько разъ спрашивалъ его, братъ-ли онъ Маріи. Потомъ, пристально взглянувъ на него, сталъ чрезвычайно радостенъ. Его лицо просвѣтлѣло, какъ-будто отъ него исходили солнечные лучи, такъ что нельзя было вынести этого свѣта, и Иванъ долженъ былъ закрыть лицо руками.

„Вотъ, радость моя,—сказалъ батюшка брату Маріи,—какой милости сподобилась она отъ Господа. Въ Царствіи небесномъ близъ Царицы Небесной предстоитъ со святыми дѣвами у престола Божія. Она за весь вашъ родъ молитвенница, схимонахиня Марѳа: я ее постригъ. Когда будешь бывать въ Дивѣевѣ, никогда не проходи мимо, а припадай къ могилкѣ, — говоря: „Госпоже и мати наша Марѳо, помяни насъ у престола Божія во Царствіи небесномъ!“

Покоится Марія Семеновна, во иночествѣ Марѳа, слѣва отъ могилы Агафіи Симеоновны Мельгуновой.

Старецъ говорилъ, что со временемъ она будетъ почивать открыто, такъ какъ настолько угодила Богу, что удостоилась нетлѣнія.

Какая-то великая тайна запечатлѣла жизнь этой юной обручницы Христовой: внезапный выборъ ея великимъ старцемъ, шесть лѣтъ въ Дивѣевѣ, равноангельская чистота, младенческая кротость и ранняя, нежданная смерть...

Старецъ Серафимъ благоговѣлъ предъ высотой непорочной избранницы, и она доселѣ стоитъ въ памяти чтущихъ старца, вся окруженная какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ, полная надземной неувядаемой красоты...

Вступившій въ родство съ избраннымъ о. Серафимомъ семействомъ Мелюковыхъ, Николай Александровичъ Мотовиловъ, помѣщикъ Симбирской и Нижегородской губерній, родился въ Симбирскомъ помѣстьѣ въ 1809 году. Получивъ образованіе на филологическомъ факультетѣ Казанскаго университета, онъ поселился въ деревнѣ и служилъ по дворянскимъ выборамъ.

Какъ человѣкъ, пользовавшійся въ своемъ округѣ общимъ уваженіемъ и довѣріемъ, онъ былъ избираемъ въ должности совѣстнаго судіи и смотрителя училищъ по Корсунскому уѣзду.

Этотъ человѣкъ былъ исцѣленъ о. Серафимомъ и потомъ чрезъ годъ получилъ отъ него заповѣдь служить Богоматери, заботясь о Дивѣевской обители.

Мотовиловъ страшно страдалъ ревматическими и другими болями. Все тѣло его было разслаблено, ноги отнялись, были скорчены и въ колѣняхъ опухоль. На спинѣ и на бокахъ были пролежни съ ранами. Три года находился онъ въ такомъ состояніи.

Въ началѣ сентября 1831 года изъ своего имѣнія, сельца Бритвина, Лукояновскаго уѣзда, Мотовиловъ велѣлъ везти себя къ отцу Серафиму. 7 и 8 сентября онъ имѣлъ съ о. Серафимомъ два первыя въ его жизни свиданія и говорилъ съ нимъ. 9 сентября Мотовиловъ привезенъ былъ къ старцу, находившемуся въ „ближней пустынькѣ“ [1]). Четверо слугъ подняли его на рукахъ, пятый поддерживалъ ему голову, и въ такомъ положеніи принесли его къ старцу.

О. Серафимъ былъ въ это время окруженъ народомъ и стоялъ около большой сосны. Мотовилова посадили. Онъ просилъ старца исцѣлить его. Старецъ отвѣчалъ, что онъ не докторъ, что отъ болѣзни надо лѣчиться у докторовъ. Тогда Мотовиловъ разсказалъ старцу, какъ онъ страдаетъ, и что не одинъ докторъ не можетъ ему помочь. Онъ лѣчился въ Казани у знаменитаго хирурга Фукса, лѣчился на минеральныхъ водахъ, лѣчился у ученика основателя гомеопатіи Ганнемана, и не получилъ никакого облегченія. Вся его надежда была на Бога; но, считая молитву свою слабою, онъ обращается къ старцу, чтобъ тотъ вымолилъ ему отъ Бога исцѣленіе.

Внимательно выслушалъ старецъ тяжелую повѣсть молодого 22-лѣтняго страдальца и спросилъ его, какъ спрашивалъ нѣкогда Мантурова, надъ которымъ впервые проявилась цѣлительная сила старца:

— А вѣруете-ли вы въ Господа Іисуса Христа, что Онъ есть Богочеловѣкъ, и въ Пречистую Его Божію Матерь, что Она есть Приснодѣва?

---

[1]) Мѣсто недалеко отъ Сарова, на берегу рѣчки Саровки, гдѣ старецъ въ послѣдніе годы жизни проводилъ большую часть дня, работалъ на огородѣ и принималъ посѣтителей. Тутъ же и цѣлебный Серафимовъ источникъ.

— Вѣрую,— отвѣчалъ твердо больной.

— А вѣруете-ли, что Господь, какъ прежде исцѣлялъ мгновенно и однимъ словомъ или прикосновенiемъ Своимъ всѣ недуги, такъ и нынѣ попрежнему такъ же легко и мгновенно можетъ исцѣлить требующихъ Его помощи? Вѣруете-ли, что ходатайство къ Нему Божiей Матери за насъ всемогуще и что, по Ея ходатайству, Господь мгновенно можетъ исцѣлить васъ?

— Истинно всему этому вѣрую, — отвѣчалъ Мотовиловъ,—а еслибъ не вѣровалъ, то къ чему-бы велѣлъ везти себя сюда?

— А если вѣруете,—произнесъ старецъ,—то вы уже здоровы.

— Какъ здоровъ,—спросилъ больной,—когда вы и люди мои держите меня на рукахъ?

— Нѣтъ,—возразилъ старецъ:—теперь вы всѣмъ тѣломъ вашимъ совершенно здоровы.

О. Серафимъ велѣлъ мотовиловскимъ людямъ отойти отъ ихъ барина, взялъ Мотовилова за плечи, приподнялъ его и, поставивъ его на ноги, сказалъ: „Крѣпче стойте, не робѣйте. Вы теперь совершенно здоровы“, и потомъ прибавилъ: „Видите-ли, какъ вы хорошо стоите“.

— Потому хорошо стою, — возразилъ Мотовиловъ,— что вы крѣпко держите меня.

Старецъ отнялъ тогда руки отъ Мотовилова и сказалъ: „Ну, теперь ужъ я васъ не держу. Вы стоите крѣпко. Идите же смѣло, трогайтесь впередъ!“ И взялъ одну руку исцѣленнаго, а другою, подталкивая его слегка въ плечи, старецъ повелъ его по неровной дорогѣ, говоря: „Видите, какъ вы хорошо пошли!“

Мотовиловъ утверждалъ, что старецъ его ведетъ, что

самъ онъ ходить не можетъ, что, если старецъ отойдетъ отъ него, онъ упадетъ и расшибется.

— Не расшибетесь, а пойдете твердо,—увѣрялъ старецъ.

И тогда почувствовалъ Мотовиловъ какую-то снисшедшую на него силу, давшую обновленіе его больному организму; онъ бодро пошелъ впередъ, какъ старецъ остановилъ его:

— Довольно,—сказалъ онъ.—Удостовѣрились-ли вы, что Господь совершенно васъ исцѣлилъ? Вѣруйте же въ Него несомнѣнно, всѣмъ сердцемъ возлюбите Его. Вы ослаблены тремя годами болѣзни: теперь не ходите сразу помногу, пріучайтесь постепенно и берегите здоровье, какъ великій даръ Божій.

Побесѣдовавъ еще съ Мотовиловымъ, о. Серафимъ отпустилъ его. Онъ, за какіе-нибудь полчаса до того еле вынесенный изъ коляски пятью людьми, теперь свободно сѣлъ въ нее, и, никѣмъ не поддерживаемый, поѣхалъ въ монастырскую гостиницу, люди же его пошли туда пѣшкомъ.

Это исцѣленіе произошло на глазахъ народа, который видѣлъ, какъ внесли разслабленнаго и какъ этотъ разслабленный отошелъ отъ старца вполнѣ здоровымъ.

Опередивъ Мотовилова, нѣкоторые богомольцы, прибѣжавъ въ Саровъ, разсказали о дивномъ исцѣленіи. Когда Мотовиловъ пріѣхалъ въ монастырь, настоятель и старшая братія на крыльцѣ гостиницы встрѣтили его, привѣтствуя съ великою милостью Божіею.

Въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ по исцѣленіи Мотовиловъ чувствовалъ въ себѣ такой приливъ силъ, такой избытокъ здоровья, какого не испыталъ еще никогда въ своей жизни.

Онъ сталъ часто ѣздить въ Саровъ къ своему благодѣтелю и много бесѣдовалъ съ нимъ. Въ одну изъ этихъ бесѣдъ, въ ноябрѣ 1831 года, Мотовиловъ видѣлъ старца въ благодатномъ состояніи, сіяющимъ свѣтлѣе солнца. Тутъ старецъ открылъ Мотовилову многое изъ будущности Россіи.

Чѣмъ, какъ не восторженною привязанностью, благодарностью безграничною могъ отвѣчать Мотовиловъ на благодѣяніе старца?

Быть недвижимымъ, полутрупомъ, въ годы первой свѣжей молодости чувствовать себя какъ-бы вычеркнутымъ изъ числа живыхъ, отчаяться въ помощи человѣческой и мгновенно получить утраченное, казалось, навсегда здоровье, стать сильнымъ, бодрымъ, бодрѣе прежняго, — получить все это безъ труда, задаромъ, вѣрою одного человѣка: каковы могутъ быть чувства къ этому, призвавшему васъ вновь къ жизни, возродившему человѣку?

Какъ и Мантурову, Мотовилову не пришлось быть на похоронахъ цѣлителя своего. Онъ былъ въ это время въ Воронежѣ, гдѣ часто навѣщалъ знаменитаго архіепископа Антонія [1]). 2-го января онъ пришелъ къ архіепископу, который сказалъ ему, что въ два часа пополуночи о. Серафимъ преставился. Такъ какъ вѣсть объ этомъ событіи не могла дойти въ тотъ же день изъ Тамбовской губерніи—Сарова въ Воронежъ,—то остается одно объясненіе, что старецъ Серафимъ самъ возвѣстилъ это

[1]) Антоній Смирницкій изъ намѣстниковъ Кіево-Печерской лавры былъ поставленъ епископомъ воронежскимъ. Отличался святостью жизни и милосердіемъ. Открылъ мощи св. Митрофана и обнаружилъ нетлѣніе св. Тихона Задонскаго.

Антонію. Въ тотъ же день архіепископъ отслужилъ по о. Серафимѣ торжественную панихиду, 4-го Мотовиловъ выѣхалъ въ Саровъ и прибылъ туда 11-го, два дня спустя по погребеніи старца.

Въ Саровѣ Мотовилову разсказали, что старецъ, предвидя кончину свою, приказалъ написать ко многимъ преданнымъ ему лицамъ, чтобъ ѣхали къ нему; когда же узналъ, что имъ невозможно прибыть, передавалъ свои предсказанія о нихъ.

Такъ, Мотовилова велѣно было предупредить, что онъ не успѣетъ въ намѣреніи своемъ жениться на Е. М. Языковой и что ему готовится другая жена.

Въ жаждѣ сохранить всѣ черты жизни великаго старца, Мотовиловъ отправился на родину его, въ Курскъ, чтобъ собрать свѣдѣнія о дѣтствѣ о. Серафима и о родителяхъ его.

Послѣ этой поѣздки онъ занемогъ какимъ-то недомоганіемъ нервъ. Врачи не могли помочь. Тогда онъ отправился въ Воронежъ. Архіепископъ Антоній объяснилъ ему, что недугъ этотъ—месть врага рода человѣческаго за его трудъ для прославленія старца, и сталъ часто пріобщать его, отъ чего Мотовиловъ вполнѣ оправился.

Въ 1840 году Мотовиловъ женился на родной племянницѣ избранной послушницы старца Серафима, Маріи Мелюковой, въ схимѣ Мареы — на Еленѣ Ивановнѣ,—и поселился окончательно въ Симбирскомъ своемъ имѣніи.

Но, не живя постоянно близъ Сарова и Дивѣева, всѣмъ сердцемъ Николай Александровичъ интересовался судьбою этихъ обителей.

Слишкомъ крѣпкія связи приковывали его къ этимъ мѣстамъ. Здѣсь получилъ онъ обновленіе своей жизни, и

тѣлесной, и духовной. Здѣсь свѣтъ благодати озарилъ его умъ, и созрѣла подъ вліяніемъ чуда, просіявшаго надъ нимъ, рѣшимость жить для Бога. Въ этихъ же мѣстахъ выросла и жена его, родные которой, какъ и онъ самъ, были близкіе къ о. Серафиму люди. Тесть его былъ инокъ Саровскій. Тетка жены, Прасковья Семеновна Мелюкова, подвизалась въ Дивѣевѣ.

Большого роста, величественный, съ открытымъ лицомъ, мужественнымъ свѣтлымъ взоромъ, съ выраженіемъ какого то особаго благородства во всемъ существѣ, какъ-то можно судить по портрету: все во внѣшности Мотовилова соотвѣтствовало его прямому, цѣльному характеру.

Дивѣевскія сестры помнятъ, какъ въ пріѣзды его въ обитель онъ, любившій ставить свѣчи предъ образами, купитъ, бывало, цѣлый пукъ ихъ и съ высоко поднятой головой, своей величественной походкой, съ развѣвающимися кудрями ходитъ по церкви, разставляя свои свѣчи.

Свою любовь къ о. Серафиму ему привелось доказать на дѣлѣ во время великой распри, возникшей въ Дивѣевѣ по винѣ Ивана Тихонова. Тихоновъ возбудилъ часть сестеръ противъ настоятельницы, сумѣлъ обойти мѣстнаго архіерея, который, вопреки мольбѣ почти всего Дивѣева, рѣшилъ низвести выбранную сестрами настоятельницу и поставить вмѣсто нея начальницу, угодную Тихонову.

Мотовиловъ отправился тогда въ Москву и сумѣлъ довести всю правду до свѣдѣнія митрополита московскаго Филарета, который благоговѣлъ предъ памятью о. Серафима.

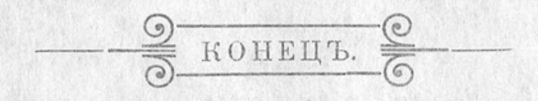
Митрополитъ Филаретъ принялъ горячее участіе въ Дивѣевскомъ дѣлѣ и, при мудрыхъ его мѣрахъ, мало-помалу все пришло въ Дивѣевѣ въ тишину.

Такъ въ память старца, быть можетъ, спасъ Мотовиловъ старцеву обитель отъ печальной судьбы...

Дивенъ Серафимъ.

Но велики и избранники его: все цѣльные, крѣпкіе, убѣжденные люди, которые всѣ могли бы повторить слова поэта:

У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь:
Подъ крестомъ — моя могила,
На крестѣ — моя любовь.

Оглавленіе.

Е. ПОСЕЛЯНИН

Преподобный Серафим, Саровский чудотворец

Репринтное издание

Реставрация книги
С. П. Калугин

Художественный редактор
А. А. Евстигнеев

Технический редактор
Н. Н. Талько

ББК 86 37
П 61

Подписано к печати 22.11.90. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Офсетная печать. Усл. печ.
л. 13. Тираж 100 000 экз. Заказ № 808. Цена 8 р.

Ордена Дружбы народов
издательство «Советский писатель»,
121069, Москва, ул. Воровского, 11.
При участии КРПА «Олимп»

Тульская типография
Государственного комитета СССР по печати.
300600, г. Тула, проспект Ленина, 109.

П 0401000000—422 / 083(02)—91 Без объявл.

ISBN 5—265—02246—5

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ:

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО СЕРГИЯ, ИГУМЕНА РАДОНЕЖСКОГО И ВСЕЯ РОССИИ ЧУДОТВОРЦА

Составлено архимандритом Никоном.

Репринтное воспроизведение издания 1904 г.
272 страницы. С иллюстрациями.

Книга повествует о жизни легендарного Сергия Радонежского — с детских его лет до кончины в 1391 году. Автор задается вопросом: кем был Преподобный Сергий для русского государства, русского народа, русской церкви? Будучи высшим носителем православных нравственных начал, Сергий Радонежский мужественным примером своим, назиданием, молитвой содействовал объединению племен, раскинутых по пространству северной и средней России, в одно целое Великорусское племя, скрепленное духом православия. В своих раздумьях автор опирается на слова историка В. О. Ключевского:

«Если бы возможно было воспроизвести писанием все, что соединилось с памятью Преподобного Сергия, что в эти пятьсот лет было молчаливо передумано и перечувствовано перед его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глубокого содержания историей нашей всенародной политической и нравственной жизни».

ОБЪЯСНЕНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Репринтное воспроизведение издания 1901 г.
96 страниц. С иллюстрациями.

В предисловии к книге ее автор, священник А. Пшеничников, пишет:

«Предлагаемая книжка составилась из уроков, преподанных в тех начальных училищах, где автор ее состоял преподавателем Закона Божия. Конечно, нельзя в ней найти особой полноты и многосторонней учености. Хотя при составлении ее имелись в виду дети, обучающиеся в народных школах, тем не менее и в з р о с л ы е православные христиане, особенно из нашего простого народа, любящего посещать храм Божий и дома прибегать за утешением к молитве, найдут здесь посильные ответы на многие вопросы, касающиеся православного церковного богослужения и домашней молитвы».

ЦАРСКИЕ ДЕТИ И ИХ НАСТАВНИКИ

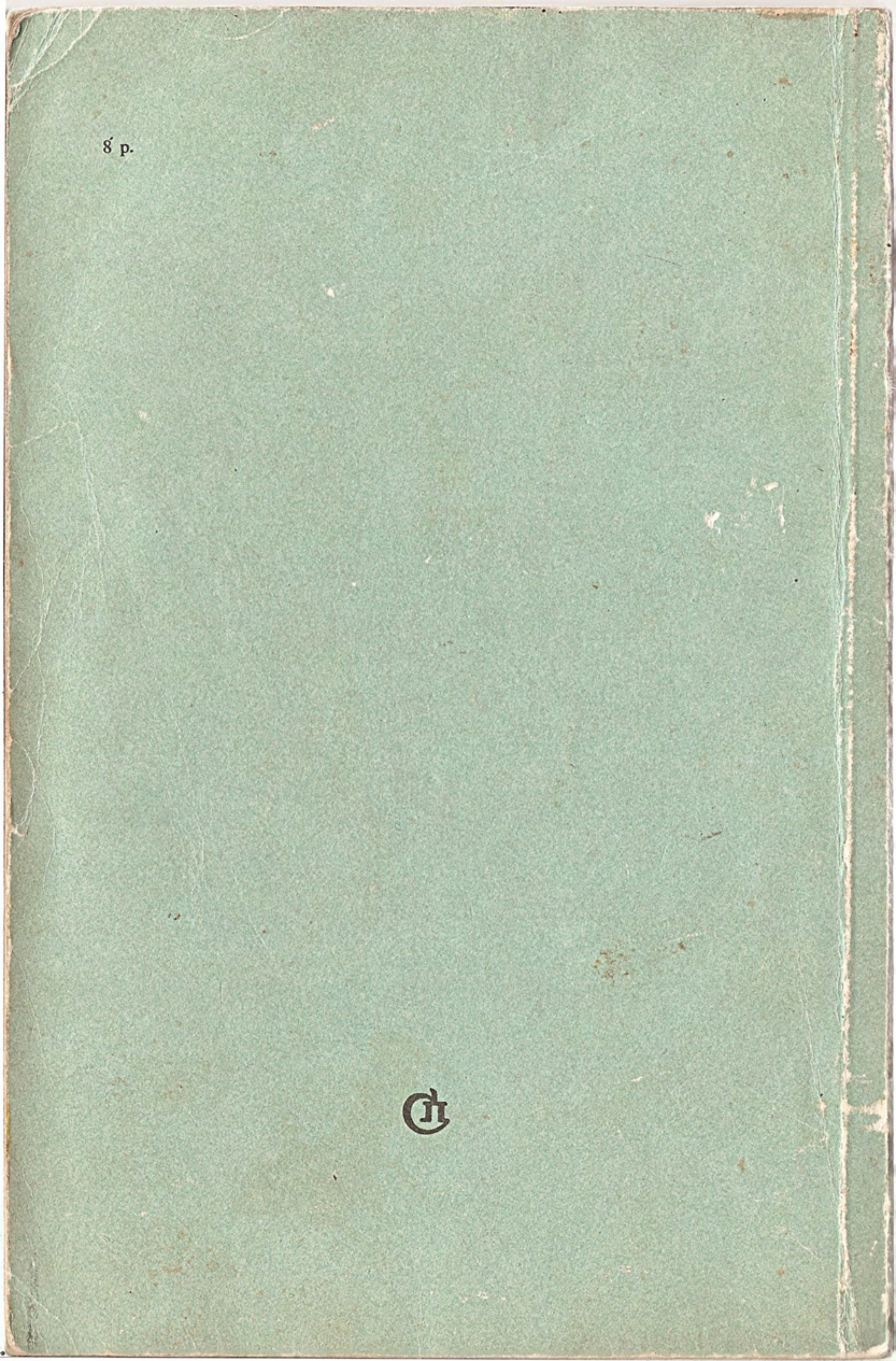
Исторические очерки для юношества
Б. Б. Глинского

Репринтное воспроизведение издания 1912 г.
330 страниц. С иллюстрациями.

В живой, увлекательной форме книга рассказывает о детстве российских государей — от Петра Великого до Александра II. Автор пишет о том, с какой серьезностью относились родители к их воспитанию. Отсюда — особая требовательность в выборе наставника, полное доверие и уважение к его нелегкой, но важной миссии, высочайший авторитет воспитателя и у родителей, и у детей.

Разные по характеру и уровню культуры, наставники царских детей (Менезиус, Лагарп, генерал Ламсдорф, В. А. Жуковский и другие) прежде всего стремились заложить в своих учениках прочные, незыблемые основы христианской нравственности, этики, морали, без которых невозможна никакая успешная деятельность, тем более — по управлению государством.

Насыщенная обильным фактическим материалом, богато иллюстрированная, книга эта будет одинаково интересна и юному, и взрослому читателю.

8 p.